



и между  
вселенную

*Правила  
книга вторая*

Моника Мерфи

Вынужденному провести лето со своей ненормальной семьей, Гэбриэлу Уолкеру безумно скучно, и он ищет приключений. И, похоже, находит их в лице горячей девушки, живущей по соседству. Между ними вспыхивает мгновенное притяжение, электризирующее все вокруг. Вскоре они проводят вместе каждую свободную минуту. К слову, об идеальном летнем романе... Люси не та, кем кажется. Она не живёт по соседству, она — девушка, которую наняли на лето присмотреть за домом, пока хозяева находятся в кругосветном путешествии. Если Гейб хочет верить, что Люси — испорченная богатенькая белая девушка, она готова стать ею. Ведь после лета она никогда больше не встретится с ним. Они не рассчитывали наткнуться друг на друга в колледже. И теперь Люси вынуждена придерживаться версии, что она из богатой семьи, и это изматывает. Она знает, что влюблена в Гейба и боится, что он чувствует тоже самое. Будет ли она по-прежнему важна для него, когда он узнает правду?

---

---

•

---

---

Автор: Моника Мерфи  
Книга: Игра вслепую (ранее: «Во мраке»)  
Серия: “Правила” #2 (про разных героев)

Глава 1  
Гейб

Никогда бы не подумал, что признаюсь в этом, особенно самому себе, но я достаточно смел, чтобы осознать это.

Я по уши влюблен. Я словно обреченный. Запал на девушку. Великолепную, чертовски сексуальную, сводящую меня с ума, девушку, которая, блин, всякий раз, стоит мне взглянуть на нее, почти убивает меня.

И когда говорю, что она самая прекрасная, что я видел, — я не вру. Даже близко. Золотая от загара кожа и длинные темно-каштановые волосы, блестящими волнами струящиеся по ее спине. Тело, за которое можно умереть, с формами, созданными, чтобы их ласкали мужские руки. Мои руки. Формы настоящей женщины: широкие бедра, большая грудь и узкая талия. Тело, которое она как бы ненароком выставляет напоказ в крошечных бикини, которые, чёрт возьми, должны быть объявлены вне закона. Я мог бы смотреть на неё весь день.

Я и смотрю на нее весь день.

В чём проблема?

Я даже не знаю, как ее зовут.

— Боже, ты, извращенец, снова пялишься на нее?

Плаксивый голос сестры проникает сквозь мои барабанные перепонки, я перевожу на нее свой взгляд на продолжительный момент тишины, прежде чем вернуться к своему занятию.

— Исчезни, — выдавливаю сквозь зубы, звуча словно двенадцатилетка. Я всегда так

отвечал Сидни, когда мне было двенадцать. В прошлом, когда она была семилетней занозой, постоянно сующей свой нос в мои дела.

Ничего не изменилось. Только теперь это восемнадцатилетняя заноза, сующая свой нос в мои дела.

— Серьёзно, она позовет копов, если ты продолжишь в том же духе. — Она усаживается рядом со мной в шезлонг, ведя себя, словно ей больше негде быть. Учитывая, что мы оба застряли в этой вычурной крепости, что родители арендовали для нас на все лето, наверное, Сидни на самом деле больше негде быть. Не то чтобы у нас были друзья в Санта-Барбаре. Мы уже побывали в ресторанах. На пляже. В загородном клубе в качестве гостей наших родителей, где я поболтал с горячей девушкой — не такой, как моя новообретенная любовь, но она была хорошенькой, — пока не появился мой отец и не обломал меня, заявив, что пора возвращаться домой. Выставляя меня неудачником, который до сих пор живет с родителями.

Его точно не назовешь «вторым пилотом» (Прим. перев.: — друг, который помогает произвести впечатление на девушку).

Мы здесь уже почти три недели и медленно сходим с ума.

— Может, мне стоит набрать 911 и раз и навсегда положить этому сталкерству конец, — скрещивая на груди руки, говорит Сидни. Она почти дует, но не могу винить её. Я здесь на стены лезу. Влюблен в девушку, а сам, черт побери, даже не знаю, как ее зовут.

Определенно, я схожу с ума. И это безумно раздражает.

— Ты нарочно стараешься быть стервой? Или это получается само собой? — Я опять впиваюсь в нее взглядом, как раз вовремя, чтобы заметить боль в её глазах, прежде чем она вскакивает и убегает без единого слова.

Вздохнув, возвращаюсь к своей новой возлюбленной. Я сижу на балконе второго этажа, наблюдая за соседским задним двором. Именно там, у бассейна, зависает каждый день моя девушка. Её соблазнительное тело раскинуто в шезлонге, глаза скрыты за солнечными очками. Примерно каждые двадцать минут она прыгает в воду охладиться. Не напрягается, чтобы вытереться полотенцем, просто обратно ложится, как правило, на живот, на ее коже переливаются капельки воды, её попка — абсолютное совершенство и едва прикрыта трусиками бикини, которые преследуют меня в самых извращенных фантазиях.

Ага. Поэтому, думая о ней, я дрочил поздно ночью. Ранним утром. Иногда в душе. Вот что случается, когда здоровый двадцатиоднолетний парень заперт со своей семьёй слишком долго. Приходится мастурбировать вместо того, чтобы взять яйца в кулак и пойти поговорить с временной соседкой, и, наконец, познакомиться.

Я превратился в самого большого слабака в мире. Клянусь богом. Мне не хватает моих друзей. Шеп и Тристан не потерпели бы такого. Они бы велели быть мужиком. Подтолкнули бы поговорить с ней. Черт, да они бы похитили меня из этой дыры и вернули домой. Этот стерильный особняк — летний дом — уж точно не назовешь домом.

Как по часам, наблюдаю, как моя девушка снимает очки от солнца и встаёт с шезлонга. Заводит руки за спину, пробегаясь пальцами по краю трусиков бикини, натягивая ткань, словно пытаясь полностью прикрыть попку, но это не срабатывает. Ягодицы все равно выглядывают, и от одного этого вида мой член дёргается.

Я начинаю верить, что она была послана на землю специально, чтобы мучить меня.

Она идёт к краю бассейна, и как только поднимает руки над головой, поджимаются пальцы ее ног. Словно маленький ритуал, который она совершает с каждым прыжком в бассейн. Занимает позицию. На мгновение замирает. Когда переводит дыхание, её грудная

клетка поднимается, привлекая моё внимание к полной груди, и затем она прыгает. Выполняя идеальное погружение в бассейн. У нее редко получается всплеск, с сухостью во рту я наблюдаю, как она стремительно погружается в кристально-чистую воду, всплывая в самом глубоком месте, и обеими руками приглаживая назад волосы. Даже с такого расстояния различаю, как капельки воды повисают на густых ресницах, и она жмурится. Облизывает губы, а я подавляю стон.

Блин, она великолепна. Я наклоняюсь ближе к перилам, металл горячий, и когда я прижимаюсь к нему, от неожиданности взвизгиваю, коснувшись обжигающего металла.

Звук заставляет ее закружиться, а я становлюсь совершенно неподвижным, умоляя, чтобы она не заметила меня.

Молясь, чтобы заметила.

Она медленно поворачивается, топчась на месте, выражение ее лица встревоженное. Я тяжело сглатываю и расслабляюсь. Благодарный за то, что она не посмотрела вверх. Желая, чтобы она посмотрела вверх, мысленно споря сам с собой, так как не уверен на сто процентов, хочу, чтобы она увидела меня или наоборот.

Что, если Сидни права, и моя соседка примет меня за какого-то извращенца, пляшущегося на нее при любой возможности? Потому что, по сути, так и есть, как бы ни было стыдно признаться в этом. Я не из тех, кто бросает страстные взгляды. Заметив понравившуюся девушку, я иду поговорить с ней. Узнать ее поближе. И, в конце концов, залезть к ней в трусики. Вот как я действую. Как всегда действовал. Нет смысла влюбляться. Нет смысла в свиданиях. В конечном итоге я не смогу выбрать ту, что захочу, так зачем париться?

Она поднимает голову, и наши взгляды сталкиваются. Посмотрев в её темно-карие глаза, я замираю на месте, воздух застревает в моих легких, мне трудно дышать. Секунды текут, а мы продолжаем смотреть друг на друга, но они ощущаются как минуты. Часы. Моя кожа натягивается. Кровь кипит, в ушах слабый шум. Я полностью готов к её сердитому взгляду. Может, даже к тому, что она накричит и пошлёт меня куда подальше.

Однако она улыбается. Чувственный изгиб полных губ, справа от ее рта появляется ямочка, прямо перед тем, как она запрокидывает голову и плывет на спине, работая ногами, грудь вздымается над водой, которая нежно омывает ее кожу.

Черт меня дери, она действительно самая сексуальная женщина, которую я когда-либо видел.

Не раздумывая, встаю, позволяя взгляду задержаться на ней ещё на одну минуту, прежде чем покинуть балкон.

И иду потребовать то, что хочу.

Ее.

## Глава 1.2

### Люси

Он пялился на меня в течение нескольких недель. Симпатичный богатый белый парень, не испытывающий чувства стыда, учитывая, что он откровенно шпионил за тем, как я каждый день после полудня плаваю в бассейне. Всю прошлую неделю специально для него я устраивала представление. Растянувшись в удобном шезлонге, одетая в скудные бикини, которые не рискнула бы носить прилюдно, но зная, что он — единственный, кто наблюдает

за мной. Сильное возбуждение, ползущее по моей спине каждый полдень, стоит мне почувствовать на себе его похотливый взгляд, чрезвычайно затягивает.

У мамы точно случился бы припадок, если бы она увидела, как я выставляю напоказ свои прелести. Она бы набросила на меня полотенце. Или халат. Или одеяло. Требуя, чтобы я прикрылась, своим даже-не-смей-спорить-со-мной тоном, который ей так легко дается. Она предпочитает слитные купальники. А ещё лучше, по-видимому, если я вообще никогда не буду носить их.

Моя мама, она немного гиперопекающая. Я — ее единственный ребенок, и родилась, когда она сама была ещё ребёнком, ей только исполнилось шестнадцать. Парень, от которого она забеременела, бросил ее, и она вырастила меня в одиночку. Мы с ней близки. Даже слишком. Такое ощущение, что она больше подруга, чем мама, но стоит чему-нибудь произойти, она тут же превращается в рычащую маму-медведицу, что одновременно и смущает меня, и заставляет гордиться.

Я безумно люблю ее, но мне хочется самостоятельности. Когда представилась такая возможность, я знала, что, несмотря на мамины протесты, должна воспользоваться ею. Провести лето в этом шикарном особняке, притворяясь, что он мой, я никогда не чувствовала себя такой свободной.

Подняв голову и бросив взгляд, я странным образом разочарована, не обнаружив на балконе мистера GQ, так что начинаю плавать настолько быстро, насколько могу, туда и обратно через весь бассейн. Мне нужно сбросить вес. Мои изгибы слишком... пышные. Бывает, из-за них я влипаю в неприятности, вызванные нежелательным вниманием, что всегда меня смущает.

Но не от GQ. Мне приятно, как он смотрит на меня. И он такой красивый. У него все в семье красивые, что как-то противоестественно. Они выглядят, словно их место в модном гляцевом журнале, наподобие скучного «Town and Country», который я нашла в доме, впервые попав сюда. Целая куча их валялась в корзине рядом с огромным креслом в безупречной гостиной, и я пролиставала их на удивление с восхищением. Все эти элегантные богатые люди в сверкающих драгоценностях и дорогой одежде, с широкими фальшивыми улыбками, растягивающих их лица, пока они цепляются за напиток или друг друга.

Это жизнь, которой я завидую и презираю.

После десяти кругов у меня перехватывает дыхание, и я останавливаюсь на мелководье, цепляясь за бортик бассейна, чтобы отдышаться, солнце припекает мои плечи. Вода холодная, а воздух теплый, и от этого контраста я дрожу, поэтому опускаю голову, прислоняясь лбом к бетонной кромке. Закрываю глаза и фокусируюсь на дыхании, вдыхаю глубоко и размеренно, постепенно успокаивая сердцебиение.

Мне точно нужно выбираться отсюда и больше тренироваться, я абсолютно не в форме.  
— Ты в порядке?

Низкий мужской голос пугает меня, и я отталкиваюсь от края бассейна, пока скольжу на его середину, всюду разлетаются брызги воды. Поднимаю голову и обнаруживаю с другой стороны забора, разделяющего наши дома, мистера GQ.

Ладно, на самом деле это не мой дом, но на лето я считаю, он принадлежит мне.

— Ага, у меня все хорошо. — И становлюсь прямее, едва касаясь дна бассейна. Я всем говорю, что во мне сто пятьдесят пять сантиметров, но это ложь. Я едва ли больше ста пятидесяти. Будучи такой коротышкой и чересчур пышной, большую часть времени я выгляжу толстой. Коренастой.

Мне это не нравится. Совсем.

Он опирается предплечьями на низкий забор, небрежно роскошный, и когда солнце светит на него, являя в золотом свечении, он будто какое-то божество. Теперь моя очередь пялиться в полном восхищении, слегка затаив дыхание от того, что он так близко. Никогда не смотрю на него слишком долго, боясь, что он заметит, как я глазею — этот особый талант я оставлю ему, — но сейчас я насмотрюсь.

Он даже симпатичнее, чем я думала. Хотя называть его симпатичным несправедливо. Он красивый. Великолепный. Квадратные челюсть и подбородок, прямой нос, резкие скулы и мягкие полные губы, компенсирующие все эти острые углы. Не могу определить цвет его глаз, он ещё слишком далеко, но мне они представляются ярко-голубыми или, возможно, зелеными.

Настолько абсурдно хорошенький, что не сомневаюсь, он только что вышел из рекламы в журнале или сбежал с модного показа. На парня прямо больно смотреть.

— Плаваешь? — констатирует очевидное.

Киваю, поднимая руки пригладить волосы назад, чувствуя себя неловко. Я должно быть ужасно выгляжу, в то время как он просто стоит там, словно статуя без единого изъяна. На нем нет футболки, у него широкие и гладкие плечи, рельефная грудная клетка, а вот пресс трудно оценить из-за забора.

На одну томительную минуту его взгляд опускается на мою грудь, и я борюсь с желанием прикрыться. Опускаю руки по бокам и начинаю топтаться, благодарная, что ниже шеи меня не видно. — Обычно ты не плаваешь в полдень, — замечает он.

— Решила изменить заведенный порядок. — Он только что сделал до боли очевидным тот факт, что действительно знает мой распорядок, но я не заморачиваюсь указать на это.

— Ты здесь на лето? — интересуется он.

— Ага. — Делаю паузу, прочищая горло. Нужно говорить соответствующим образом. Я из богатых и благородных. А они не говорят «ага» и «угу» на вопросы, требующие положительного ответа. Если бы моя мама была здесь, она бы дала мне подзатыльник. — А ты?

Кивнув, он выпрямляется, убирая руки с забора.

— Нам стоит иногда тусоваться вместе, — как бы невзначай предлагает он. Слишком небрежно. Взгляд напряжен, тело одеревенело, и мне кажется, что он ...

Нервничает?

Невозможно. В смысле, посмотрите на него. Он такой... GQ. Словно сошёл с рекламы в журнале. Какого черта ему нервничать, разговаривая со мной?

Мой пульс ускоряется. Он приглашает меня на свидание? Естественно нет. Он всего лишь хочет потусоваться.

— Может быть, — отвечаю, слегка пожимая плечами. Как будто ничего особенного не происходит. Так вот, самый классный парень, которого я когда-либо видела, разговаривает со мной, говорит, что хочет провести со мной время. Я могу с этим справиться. — Только прежде, чем тусить вместе, разве люди сначала не знакомятся?

Его губы изгибаются в улыбке.

— Точно подмечено. Итак, как тебя зовут?

Похлопываю себя по подбородку.

— Я первая спросила.

Его улыбка становится шире.

— Ты не спросила.

Я выгибаю бровь. Это выражение, которому научилась у своей мамы, оттачивала годами. В прошлом этим фирменным движением я отпугнула немало парней, но GQ даже не шевельнется.

— Скажи мне твоё имя, а я скажу свое.

— Гейб, — не колеблясь, говорит он.

— Сокращённо от Гэбриэл? — Когда он кивает, я продолжаю: — Я Люси.

— Люси, — он произносит мое имя, словно пробует его, глубоким сдержанным тоном, отчего я дрожу. — Очень приятно, Люси.

— И мне очень приятно, Гэбриэл. — Я слегка перекаत्याваю «р», ничего не могу поделывать с собой, он приподнимает брови, но ничего не говорит.

Так глупо. Я должна вести себя, как белая девочка. Как приличная, с правильной речью, утонченная белая девушка, живущая в особняке, и которую ничего не заботит.

Другими словами, я не должна быть похожа сама на себя.

— Какие планы на вечер? — интересуется он.

Оу, знаешь. В полном одиночестве торчать в этом гигантском доме и смотреть по телеку глупое шоу, скука смертная.

Ага, я не могу сказать это. Прозвучит, будто я полная неудачница.

— Ничего особенного. — Наклоняю голову вбок. — А что? Хочешь повеселиться?

Он улыбается, в этот раз показывая зубы, и у меня воздух застревает в горле, я на грани удушья. Как вообще смогу провести с этим парнем время, если ему достаточно улыбнуться, и я чувствую, что упаду в обморок от нехватки кислорода? Не представляю, вынесу ли я.

— Нам стоило бы. У меня нет никаких планов. — Он оглядывается на свой дом, прежде чем снова посмотреть на меня. — И мне правда нужно выбраться от туда.

— Подальше от семьи? — Стоит его улыбке угаснуть, продолжаю: — Похоже, ты проводишь много времени с ними.

Гейб корчит рожицу, милую рожицу.

— Они сводят меня с ума.

— Понимаю, — тихо отвечаю, хотя на самом деле, это не совсем так. У меня нет большой семьи. Нет ни братьев, ни сестер. У меня всегда была только мама.

— Согласна? — в его голосе слышна надежда, и я киваю. Я почти вижу, как облегчение разливается по его лицу. — Мне прийти приблизительно в девять? Или может в десять?

— Оу. — Мои ноги ударяются одно бассейна. — Ты хочешь провести время у меня?

— Ну да. Не хочу больше оставаться там. — Гейб дергает большим пальцем в сторону своего дома. Выражение его лица смягчается. Уверена, замечает тревогу на моем лице. Просто он как-то спешит. Знаю, он сказал, что хочет всего лишь вместе повеселиться, но... чего же хочет на самом деле? Перепихнуться?

Надеюсь, нет. Я даже не знаю этого парня. Конечно, он горячий. Никто не отрицает, но я не занимаюсь этим на первом свидании.

Я вообще этим не занимаюсь.

— Эй, если у тебя на вечер какие-то другие планы или не хочешь провести его со мной, я пойму. — Гейб потихоньку отступает от забора, держа руки поднятыми перед собой, с легкой улыбкой на лице. Интересно, как он почувствовал мои опасения. — Я не причину вреда.

Ладно, я несущу чушь. Что этот парень со мной сделает? Он великолепен. Он может

получить, кого захочет. Он просто ищет, куда бы сбежать от своей семьи. Я не осуждаю его. Наверное, это утомительно вести себя идеально все время.

— Это не так. У меня нет никаких планов на вечер, — признаюсь я, и он останавливается. — Ты можешь прийти, — продолжаю мягко, моя голова идет кругом. Как я собираюсь справиться с этой ситуацией? Что скажу, когда он придёт и увидит повсюду кучу фотографий милой белой семьи, и ни на одной из них не будет меня? Что меня удочерили и настолько стыдятся меня, что считают изгоем?

Пожалуйста. Ты арендовала дом на лето. Ты — просто богатая стерва, предпочитающая проводить каникулы в одиночестве.

Звучит смешно. Какая двадцатидесятилетняя девушка захочет в одиночку поехать в отпуск? Надо избавиться от снимков. Слава богу, на стенах нет ни одного. Я могу просто... собрать их, спрятать в шкаф и притвориться, что живу здесь. Нужно придумать какое-нибудь объяснение, почему в этом огромном доме я совсем одна, но об этом позабочусь позже.

— Ты уверена? — спрашивает он осторожно.

— Ага, в девять, — улыбаюсь ему, изо всех сил пытаюсь не обращать внимания на трепещущих бабочек в животе. — Не опаздывай.

## Глава 2

### Люси

Я прохожу по всему дому, методично убирая все личное, принадлежащее людям, которым на самом деле принадлежит это чудовищное сооружение из хрома и стекла. Всё, что не прикручено, сваливается в найденную в гараже коробку и убирается в кладовку.

К счастью, внизу не так много семейных фотографий. И нет ничего прикрученного, так что в данном конкретном случае мне повезло.

В восемь часов позвонила мама, но я не ответила. Через пять минут она позвонила ещё раз. И ещё раз, когда прошли ещё пять минут. Пока я в восемь пятнадцать наконец-то не взяла трубку.

— Я занята, — говорю вместо приветствия. Роюсь в одежде, которую взяла с собой на время, пока должна буду присматривать за домом, гадая, чтобы такого надеть, чтобы впечатлить мистера GQ.

Ничего. У меня нет ничего, чем можно было бы поразить его. Одежда из Таргета в данный момент меня совсем не устраивает, она почти вся довольно скучная.

— Чтобы поговорить со мной, у тебя всегда найдется время, — жестко отвечает она. Очень зло. Мама всегда держала меня в ежовых рукавицах, а я всегда слушалась. — Чтобы я больше не слышала такого от тебя.

Я закатываю глаза.

— Прошло всего два дня, как мы с тобой разговаривали. И вчера утром я тебе написала. Она пренебрежительно хмыкает, что я слышала уже бесчисленное количество раз.

— Ты связываешься со мной каждый божий день, доченька. Ты же знаешь, это одно из правил.

Закатываю глаза еще сильнее. Она относится ко мне, как к ребёнку, а не как к взрослой женщине, а именно ею мне посчастливилось стать в зрелом возрасте только что исполнившихся двадцати одного года.

— Прости, мама.

— Я слышу сарказм в твоём голосе. Знаю, ты считаешь глупостью, что должна отчитываться передо мной, но ты совсем одна в незнакомом месте. И впервые в жизни далеко от меня. — Для полноты картины она шмыгает носом, словно вот-вот заплачет.

Ага, ждите.

— В закрытом месте, — подчеркиваю я. — Где полно богатых людей, которым наплевать на меня. Я здесь словно невидимка. — Которой я и была для них, за исключением одного конкретного соседа, шпионившего за мной.

— Кому-нибудь из этих богатых сыночков будет не всё равно, стоит ему хорошо рассмотреть тебя! — Она словно телепат. — Моя хорошенькая девочка совсем одна где-то там с ними, и некому ее защитить. Я знаю, какие они. За эти годы я поработала в достаточном количестве домов, чтобы понять, как ведут себя такие мальчишки. Точно так же, как и их никудышные папаши!

Я задумываюсь о моем GQ-парне. Скорее всего, мама бы посчитала его таким же испорченным, как и всех остальных непутевых сыночков состоятельных никудышных папаш. Он был милым. Ужасно привлекательным. И мне понравилось, как он смотрел на меня. А вот мама вряд ли бы оценила.

— Я не заигрываю с богатыми парнями, — заверяю ее, что, в общем-то, правда. Это богатый парень флиртовал со мной. — Я почти весь день нахожусь в доме и плаваю. Лежу в бассейне и читаю. — Устраиваю представление для соседа.

— Звучит скучно.

— Ты только что сказала, что хочешь, чтобы я была в безопасности, — напоминаю я. — Я практически не выхожу и ничем не рискую. Разве это не достаточно безопасно?

— Безопасно и даже скучно, Люси. Ты очень рискуешь превратиться в зануду. — Она прерывается, позволяя мне покипеть пару секунд, прежде чем продолжить. — Ты должна сходить на пляж! Заняться каким-нибудь ремеслом! Есть же какие-то летние курсы в университете, на которые можно записаться?

— Мама! — прерываю ее, посмотрев на время. Мне нужно идти. Придумать, что надеть до того, как появится моя пара. — Я взяла на лето отпуск, помнишь? И сейчас я зарабатываю много денег, поэтому, когда начнется осенний семестр, у меня будет их достаточно.

Теперь я сама за себя отвечаю. После трех лет в местном колледже рядом с домом, я перевелась на третий курс в Государственный Университет в Сент-Огастине. Ещё два года, может три, напряженной учебы, и я получу степень бакалавра, и будем надеяться на успешную работу в будущем.

Я получила пару стипендий и скопила немного денег. Не хотелось бы брать студенческий займ, но, наверное, придется. Именно поэтому я устроилась присматривать за этим домом. Это безумное количество денег за незначительный объем работы.

Мама вздыхает.

— Мне не нравится, что ты так далеко. В голову начинают лезть всякие безумные мысли.

— И заставляют говорить абсурдные и противоречивые вещи, — добавляю. — Мне нужно идти. Поговорим завтра?

— Куда ты собралась в такое время? — визгливо спрашивает мама.

— Ещё нет даже девяти. И я никуда не собираюсь идти. — Ох, дерьмо. Я не могу рассказать ей, что ко мне придет Гейб. — Ко мне придет друг. — Упс, я только что

рассказала ей, что ко мне придет Гейб.

— Что за друг? И как это у тебя так внезапно появилась личная жизнь, ты же только что заявила, что проводишь все время в том огромном шикарном доме?

— Хм, ее зовут... Гэбби. — Да уж, посмотрите на меня. Обманываю собственную маму. Называю его Гэбби, что просто смешно. — Она со своей семьёй остановилось по соседству на все лето.

— А сколько лет этой богатой девочке? Не дай ей заставить почувствовать себя, будто ты хуже её, дочка. — У неё добрые намерения, когда она говорит такое, но большую часть времени её слова причиняют боль. Я не считаю, что все смотрят на нас свысока. Но вот она говорит некоторые вещи, и, бум, я начинаю переживать. Стесняться.

Мне не нравится это.

— Она примерно моего возраста. — Без понятия, сколько лет мистери GQ. Мне кажется, двадцать с небольшим, как и мне. — И она очень милая. Уверена, что из-за нее я не почувствую себя служанкой или кем-то наподобие.

— Хорошо, потому что, если она узнает, что ты служанка...

— Но я не служанка. Я присматриваю за домом. Разница существенная, — жёстко отвечаю, ненавидя, как она меня принижает. Как она сама себя унижает. — Мама, не надо стыдиться своей работы. Ты много работаешь. Не совершай такую ошибку.

— Я много работаю ради тебя. Всё это — две работы, попытка скопить каждый заработанный цент — для тебя, Лусиана. — Оу, теперь она использует моё полное имя, чтобы я почувствовала себя виноватой.

И у нее получается.

— Знаю, мама. — Моё горло сжимается, пытаюсь откашляться. — Я позвоню тебе завтра, — повторяю ещё раз, кладя трубку, прежде чем она скажет что-нибудь ещё, и разговор затянется ещё на двадцать минут. Не могу больше тратить время впустую. У меня парень, ради которого стоит принарядиться. А я понятия не имею, что надеть.

Глава 2.2

Гейб

Нажимаю на дверной звонок. На самом деле я давлю на него, и кажется, что все эти колокольчики, играющие дурацкую мелодию, звучат вечность. Начинаю тихо посмеиваться, засовываю руки сзади за пояс пляжных шорт и запрокидываю голову назад, чтобы рассмотреть потолочное перекрытие на крыльце.

Но да. От этого у меня кружится голова, поэтому прекращаю свое занятие.

Она не открывает дверь, и я переживаю, что она рассердилась из-за моего опоздания. И никто не открывает, я задумываюсь, что в таком большом доме должен быть один служащий или даже пять. Подхожу ближе и заглядываю в узкое прозрачное окно, расположенное по всей высоте двери, но внутри никакого движения.

Меня охватывает разочарование. Самая прекрасная девушка в мире с шикарной попкой, к которой я даже не прикоснулся, кинула меня? Ни за что, мать твою. Она была единственным светлым пятном, которое помогло мне пережить паршивый ужин в загородном клубе, на котором ранее я должен был присутствовать вместе с родителями. Маму пригласила какая-то чванливая сучка, которую она встретила на пляже, и следующее, что я помню, мы все оказались на ужине.

Там была девушка. Моего возраста, с идеальными светлыми волосами, с кожей после

автозагара и красивыми голубыми глазами. Дочь новых маминых друзей, рядом с которой я вынужден был сидеть, вести светскую беседу, притворяясь, что мне интересно.

Всё это время я мог думать только о Люси. О хорошенькой, маленькой Люси в бюстгальтере бикини, который едва сдерживает впечатляющие буфера, и с очаровательной улыбкой, почти ослепившей меня. Нахальным, и, тем не менее, милым поведением. Она восхитительна.

Провожу рукой по лицу и упираю руки в бедра, обдумывая следующий шаг. Я в курсе, что чертовски опоздал, тогда как она просила не опаздывать. Люси, наверное, безумно разозлилась, но, черт возьми, я ничего не мог сделать. У меня даже нет номера ее телефона.

Нужно это исправить. Незамедлительно.

Махнув рукой на дверной звонок, начинаю стучать. Другими словами, не сдаюсь. Я назойлив. И немного пьян. Ладно, возможно хорошо навеселе. Я безобиден. Мне нужно было немного пива и пару шотов текилы, чтобы пережить кошмарный ужин. А сейчас я хочу увидеть Люси. Безумно хочу ее увидеть и извиниться. Попытаться загладить свою вину перед ней. Всеми возможными способами.

Я могу придумать самые разные варианты, как компенсировать свое опоздание...

Огромная дверь распаивается, и меня приветствует мертвая тишина. Вот Люси стоит, выглядя крошечной в чрезмерно огромном фойе, руки скрещены на груди, подбородок вздернут с толикой раздражения. Волосы распущены и спадают сзади на плечи длинными блестящими черными волнами. На ней надеты ярко-красная футболка и белые суперкороткие шорты.

На самом деле короткие, демонстрируя пару ляжек, и я представляю, как кладу на них руки, широко раздвигая их...

У тебя в голове одни пошлости, придурок. Сосредоточься!

— Ты опоздал, — разочарованно говорит Люси.

Что гораздо хуже злости. Со злостью я могу справиться. В таких ситуациях меня всегда выручает мое обаяние. Но разочарование?

Да уж, не так-то просто.

— Прости, я был вынужден пойти ужинать вместе с родителями, и он затянулся. — Потираю рукой челюсть, пытаюсь продрасться сквозь затягивающий меня дурман. Всё из-за пива и пары шотов текилы, выпитых ранее. Глупо.

Очень-очень глупо.

Ее взгляд опускается вниз, по груди, животу, и останавливается на моих бедрах. Мои пляжные шорты закрывают бедра.

— Смотрю, ты собираешься плавать.

— У тебя же есть джакузи, верно? — Улыбаюсь ей своей самой обаятельной улыбкой. Улыбкой, которая обычно помогает мне выбраться из сложных ситуаций, но в этот раз не уверен, что сработает. Я все испортил, прежде чем у меня появился шанс.

— Ага, — начинает она, и я не раздумываю. Не даю ей возможности сказать «нет» и хлопнуть дверью перед моим носом.

Проталкиваюсь внутрь, вынуждая ее с ошарашенным видом отступить назад, и закрываю позади нее дверь, поворачивая замок. Он закрывается с оглушительным щелчком, и, улыбаясь, я поворачиваюсь к ней, провожу ладонью по волосам, озираясь по сторонам.

— Что ж, после проведенного вечера, понежиться в джакузи звучит божественно. — Не говоря уж о симпатичной девушке, которая будет мокнуть рядом со мной.

Но не произношу это. От взгляда, который она бросает на меня, понимаю, что за сказанные слова я скорее потеряю баллы, а не наберу их.

— Ты хочешь пойти в джакузи? — Она переводит взгляд с меня на входную дверь, потом снова на меня. — Ну... я неподходяще одета.

— Тогда надо сходить и переодеться, — ухмыляюсь я. — Если только ты не хочешь купаться голышом.

Её лицо искажается от ужаса.

— Как бы не так.

Облом.

Я начинаю идти через весь дом, направляясь на задний дворик в поисках джакузи. Люси отстает от меня на шаг, шлёпанье её вьетнамков в тишине дома разносится эхом, и я задаюсь вопросом, почему такая девушка, как она, остановилась в таком огромном холодном доме, как этот. Он должен принадлежать её родителям, но где они? Почему она здесь совсем одна? Я шпионил за ней несколько недель и не заметил никаких признаков кого-то еще в этом доме.

— Хочешь что-нибудь выпить? — спрашивает Люси, немного запыхавшись.

Я замедляю шаги. Она настолько ниже меня, что ей, наверное, пришлось практически бежать, чтобы поспевать за мною.

— Не стоит. — Оглядываюсь на нее через плечо. — Ты собираешься переодеться или как?

Как только мы заходим в кухню, Люси посылает мне взгляд.

— Ты немного властный.

Сомневаюсь, что хоть кто-то когда-либо в жизни обвинял меня во властности. Остановившись в центре у большого кухонного островка, поворачиваюсь к ней.

— Эта кухня просто гигантская. Ты готовишь?

— Э-э ... — Выражение ее лица становится неуверенным.

— Ну, конечно же, сама ты не готовишь. Вероятно, у тебя есть повар. — Оглядываюсь вокруг. В кухне ни единого пятнышка. Бытовая техника из нержавеющей стали, мраморные столешницы, воздух неподвижный и прохладный. — Персонал отпустили на лето?

Она шагает в моем направлении, принося с собой аромат... черт, не могу вспомнить, чего именно, но пахнет она охренительно.

— Давай выйдем на улицу, — предлагает она бодро.

Следую за ней, любуюсь, как двигается ее попа под белыми шортиками, она нерешительно оглядывается на меня через плечо. Она горяча. Красива. Сексуальна. Немного стеснительна, хотя обычно я прохожу мимо таких девушек. Мне нравится, когда они смелые, кокетливые, хихикающие и глупенькие. Не слишком умненькие, потому что тогда они сразу поймут, что я идиот, и меня разоблачат.

Не то, что идиот, не совсем. Но умные девушки меня раскусывают. Так они понимают, что я ни к чему серьезно не отношусь. Я не могу не быть таким.

И не могу себе этого позволить.

Люси распахивает двойные французские двери, ведущие на задний двор, и выходит в ночь, на мгновение исчезая в темном уголке левой части патио. Только я собираюсь последовать за ней, включается джакузи, пузырящаяся пенная вода подсвечивается изнутри, гул небольшого насоса почти расслабляет.

— Давай залезай, — предлагает она и срывает свои чёрные бикини с вешалки, стоящей

рядом с джакузи. — Я только переоденусь. Я мигом.

Она уносится, прежде чем я успеваю хоть что-то сказать, направляясь во что-то похожее на домик у бассейна, всего в нескольких шагах от самого бассейна, и плотно закрывает за собой двери. Пару секунд смотрю ей вслед, меня шатает из стороны в сторону, в то время как раздумываю, погнаться ли за ней.

Держу пари, она надерет мне зад, если я попытаюсь ворваться и мельком увидеть обнаженное тело.

Забудь про это.

Потянувшись за спину, стягиваю с себя футболку и швыряю на ту же вешалку, с которой Люси только что сняла свой купальник, скидываю шлёпки и опускаю ноги в джакузи, горячая вода бурлит вокруг моих лодыжек и икр.

Проклятие, как же приятно. Я погружаюсь в воду, усаживаясь на сиденье и вытягивая руки по обе стороны от себя, ухватившись за края ванны. Откидываю голову назад и вглядываюсь в небо, замечая, как мерцают звезды.

Дарящие надежду, красивые звезды словно насмеются надо мной, заставляя меня желать будущего, неподвластного мне. Чему не суждено случиться. Никогда не случится, и не важно, как сильно хочу, чтобы это было неправдой. Я делаю то, что говорит мне отец, нравится мне это или нет. Он делал то, что говорил ему его отец, а мой дед — то, что точно так же говорил ему его отец.

Такова традиция семьи Уолкер. Огромная куча собачьего дерьма.

Хлопает дверь, и я поднимаю голову, игнорируя опьянение, которое грозит захлестнуть меня. Люси идёт ко мне, держа руки перед собой в каком-то неудобном положении, и мне хотелось бы знать почему. Она стесняется? Девушка, ежедневно выставляющая передо мной это горячее-как-сам-грех тело, словно ничто в этом мире ее не заботит? Что происходит?

Поднимаю руку и машу ей.

— Присоединяйся ко мне, — зову я.

Она улыбается и останавливается с противоположной стороны джакузи, окуная только пальчики ног. Пальчики, покрашенные в ярко-оранжевый цвет. Пальчики, которые я хочу и целовать, и сосать, и лизать ...

— Горячо, — говорит Люси, но как-то нечестно останавливать ее. Она погружается в воду, пока та не достигает ее плеч, усаживаясь напротив меня, и хотя это всего пару футов, у меня такое ощущение, что эти пара футов — слишком далеко.

— Как хорошо. — Я не перестаю смотреть на нее, замечаю неуверенное выражение на её лице, когда она тянет один из треугольников черного материала, едва сдерживающий грудь. — Прости, что опоздал. Был на ужине с родителями и их друзьями.

— Все нормально. — Пожимает она плечами, словно ее это больше не беспокоит, что хорошо. Большинство девушек хотят, чтобы перед ними пресмыкались, или чтобы парень загладил свою вину. Обычно сделав дорогой подарок или пригласив на ещё одно свидание. — Как прошёл ужин?

Я гримасничаю.

— Отвратительно. Я не очень-то в ладах со своими родителями.

У нее открывается рот.

— Нет?

— Это тебя удивляет? А у тебя хорошие отношения с родителями?

— Большую часть времени моя мама сводит меня с ума.

— Точно. Меня сводят с ума оба родителя. — Я снова запрокидываю голову, рассматривая звезды. — Моя мама настойчива. Мы ужинали с другой семьей, с которой она только познакомилась. У них дочь чуть младше меня.

— Сколько тебе лет? — интересуется Люси.

— Двадцать один, — говорю в небо. — Короче, моей маме хотелось, чтобы я сошёлся с той девушкой.

— Да? — говорит она безучастно, и я бросаю на нее взгляд такой же, каким она смотрит на меня. Не уверен, что ей нравится то, о чем я ей рассказываю, что хорошо. На самом деле хорошо. Это означает, что ей не все равно. Хоть немного.

— Ага. Поэтому я пытался сделать вид, что она мне понравилась, но это не так. — Я смотрю на Люси, а она смотрит на меня, раздражение написано на её лице. — Тебе интересно, почему?

— Почему?

— Потому что все, о чем я мог думать на протяжении всего вечера, это... — я дотягиваюсь и хватаюсь за ее ногу, мои пальцы скользят по гладкой голени до тех пор, пока не обхватываю лодыжку и тяну на себя, — ты.

Глава 3

Глава 3

Люси

Его длинные пальцы обхватывают мою лодыжку и притягивают меня к нему, одновременно с признанием, что все время, пока был с другой девушкой, он думал обо мне.

Обо мне. Он думал обо мне.

Я так потрясена, что даже не протестую, когда он дергает меня еще ближе. Моя голова практически погружается в воду, когда Гейб тащит меня по джакузи, и я оказываюсь в его объятиях, и моим ногам некуда деться, кроме как, согнув в коленях, обхватить его. Я фактически сижу на нем, широко расставив ноги, его руки лежат у меня на талии, обнимая, его лицо — в моих руках, и он улыбается.

— Попалась, ты именно там, где я хочу, — шепчет Гейб, мой взгляд задерживается на его волшебных губах. Они завораживающие, полные и мягкие на вид. Готова поспорить, целуется он мастерски, не то чтобы меня целовали много парней. На мою долю выпало немало поцелуев, но это было давно.

На самом деле, слишком давно.

— Значит, все, что ты только что сказал — уловка, чтобы затащить меня в свои объятия? — спрашиваю его. Больше похоже, что к нему на колени. Не знаю, куда положить свои руки, и в итоге кладу их на его широкие плечи, и как только я прикасаюсь к нему, между нами пробегает электрический ток. Он теплый и твердый, кожа гладкая и влажная, провожу ладонями по его плечам, замечаю, как слегка подрагивают его веки, когда так дотрагиваюсь до него.

— Никакой уловки. — Гейб медленно качает головой, перемещает свои руки, проводя по моей спине и останавливаясь чуть выше пояса трусиков бикини. Уверена, мои ляжки выглядят как жирные шары с обеих сторон его бедер. Уверена, в этой позе на моем животе появились ещё и несколько складок.

Но он смотрит мне в лицо, его взгляд сосредоточен на моих губах. Гейб не обращает внимания ни на мои бедра, ни на мой живот, и он выглядит... он выглядит, словно хочет

поцеловать меня.

— Тогда, что это было? — интересуюсь, а сама не уверена, о чём вообще еще его спрашивать. Я полностью сбита с толку от такой близости к мистеру GQ. Мы толком с ним ещё не разговаривали, я его почти не знаю, но уже сижу у него на коленях. Мама бы заявила, что я совсем потеряла стыд.

Может, она и права, но прямо сейчас мне плевать на это.

— Ты сводишь меня с ума с того момента, как я приехал сюда, — признается он, и в то же мгновение наклоняется и легко касается губами моей шеи.

У меня закрываются глаза. О, мой бог. Он едва дотрагивается до меня своими губами, но этого достаточно, чтобы послать по венам поток жара. Его губы влажные, дыхание горячее, когда он медленно осыпает сладкими поцелуями мою кожу, и я сжимаю его твердые плечи, впиваясь пальцами в крепкие мышцы.

— В ка-каком смысле? — мой голос дрожит, как и все во мне. Он медленно водит вверх-вниз по моей спине, играя пальцами с завязками моего бикини, и ничего не стоит, абсолютно ничего, просто дёрнуть и развязать их.

Не то чтобы я хотела, чтобы он это сделал. Ни в коем случае. То есть, да, его рот на моем горле и руки на теле ощущаются волшебным образом, но я толком не знаю этого парня. Он двигается слишком быстро. Чересчур быстро.

Мне нужно сказать ему, чтобы он притормозил. Сейчас же.

— Гейб... — Я затихаю, стоит ему поднять голову, его сонный взгляд встречается с моим, и он целует меня. Просто наклоняется и прикасается своим ртом к моему, заставляя меня замолчать, и мне ничего не остается, кроме как ответить на поцелуй. Как будто я смогла бы сдержаться. Его губы мягкие, как я и представляла, и на вкус так же хорош, как думала он и будет. Мятный, словно только что жевал жвачку, но с лёгким привкусом алкоголя. Текилы, если мои вкусовые рецепторы не ошибаются, но не думаю.

— Дразнишь меня, лёжа у бассейна, — шепчет напротив моих губ, прерывая поцелуй, его дыхание теплое, вызывающее волну дрожи на моей коже. — Раззадоривая меня своим откровенным малюсеньким купальником. Не один раз я представлял, как снимаю его с тебя.

— На самом деле? — спрашиваю, задыхаясь. Чувствую, как у меня перехватывает дыхание. Его слова вызывают в воображении разные образы, которые никогда бы не подумала, что захочу воплотить в жизнь с парнем, кто, по сути, для меня незнакомец. Эта ночь не из моего репертуара. Поцеловаться, немного потискаться — вот и все, с чем я до сих пор имела дело. На протяжении всей старшей школы моя мама пугала меня, настаивая, что я не захотела бы забеременеть, как она, — а она родила меня в шестнадцать, своеобразный контроль рождаемости для меня, — и я прислушивалась. Боже, как я прислушивалась.

Как только начала учиться в местном колледже, я работала полный рабочий день, а по вечерам училась. У меня не было времени на серьёзные отношения. Мальчики отошли на задний план. Я была так сосредоточена на получении диплома и поступлении в хороший университет, что не могла позволить какому-то парню отвлекать меня.

Мама бы тоже не позволила этому произойти.

Но мистер GQ — Гейб — это искушение. Такое искушение, что ведусь на его обольщение, тянусь к его прикосновениям, позволяя снова себя поцеловать, его язык ласкает мои губы, прежде чем устремиться в мой рот.

Чёрт возьми, я чувствовала его аж до пальчиков ног.

— Да, — отстраняясь, произносит он, взгляд с тяжелыми веками, в то время как он

всматривается в моё лицо. Он выглядит... уставшим. Сонным. Я тоже сонная. Одурманенная. И совсем забыла, о чем мы разговаривали. — Фантазировал о тебе.

— Не может быть, — немедленно реагирую, рассмешив его.

— Именно так. — Его улыбка с закрытыми губами полна дурных намерений. — Это были грязные фантазии, Люси. Я представлял все способы, которыми мог бы тебя трахнуть.

Электрический удар проходит сквозь меня. Чувствую его между ног, импульс, заставляющий мои бедра дрожать. Мне следует закончить этот разговор. Я должна, должна, должна. Я не обсуждаю грязные фантазии с парнями и совершенно точно не делаю это, сидя у него на коленях и позволяя ему пожирать меня.

Естественно, я никогда не была в подобной ситуации раньше, поэтому для меня это в новинку.

— Послушай. — Скольжу руками от его плеч к груди, пальцы медленно кружат по накачанному грудным мышцам. Я моментально ошеломлена тем, как приятно ощущать под ладонями его кожу и тихим звуком, урчащим в его горле, словно ему нравится, как я к нему прикасаюсь. Проклятье, мне нужно сосредоточиться. — Эм, может, нам стоит притормозить...

— Я могу притормозить, — тут же отвечает Гейб, его рот зависает над моим ещё раз. — Только еще один маленький поцелуйчик, Люси. Пожалуйста?

Он так мило просит. Его язык скользит по моей нижней губе, прямо перед тем, как захватить её между своих губ и потянуть. Ну вот. Я рассыпаюсь, как карточный домик, наклоняю голову в сторону, когда он поднимает руку, чтобы обхватить ладонью мою щеку, его теплые пальцы на моей коже, рот горячий, когда он накрывает мой.

Этот поцелуй даже лучше других. Глубокий и страстный. Я тону. Его рука скользит вверх, обхватывая мою голову сзади, притягивая меня ближе, и я позволяю ему, упиваясь прикосновением его пальцев, зарывшихся в мои волосы, глубоким проникновением его языка, другой рукой он сжимает моё бедро, засовывая пальцы за край бикини, и я втягиваю воздух. Шокированная тем, как он прикасается ко мне.

Ещё более шокированная, что мне это нравится.

Разрываю поцелуй, и он отпускает меня, его горячее дыхание напротив моих губ. Я трогаю его, прослеживая роскошные контуры его нижней губы, мой взгляд сосредоточен на этом совершенном припухшем волшебном рте, его дыхание становится тяжелым. Как и рука в моих волосах. На самом деле такой тяжёлой, что мне кажется, будто у меня на затылке сосредоточен дедвейт, и когда моё лицо почти падает на него, я визжу.

— Эй, — шепчу, протестуя, но он не издаёт ни звука. Наклоняю голову вбок, его рука с громким шлепком падает в воду, я отодвигаюсь от него и обнаруживаю, что его глаза закрыты, а рот приоткрыт.

Он заснул.

Заснул, мать твою!

В полном неверии пялюсь на его красивое лицо. Серьёзно? Он уснул, пока целовал меня? Я настолько плоха? Настолько неинтересна? Даже в голове не укладывается. Без понятия, что делать в такой ситуации. Не могу же я его бросить. Он же утонет.

Раздражение пульсирует во мне, не стану отрицать его привлекательность, так как продолжаю глазеть на него. Как не стану отрицать и умение целоваться. Потому что парень умеет целоваться, и целуется он превосходно. И у него также умелые руки.

Но он уснул. Это своего рода дерьмовый поступок, если я вообще когда-либо видела

такое.

Решив прислушаться к своей интуиции, отталкиваюсь от него, прикусив нижнюю губу, в то же самое время поднимая руку...

И бью его по щеке так сильно, как могу.

Гейб

Что за херня?

Слышится всплеск, и я тут же сажусь, замечая, как Люси падает с моих коленей и с головой уходит под воду. В состоянии полной паники наблюдаю, как она, отфыркиваясь, всплывает на поверхность, вода стекает по ее лицу, в то время как она откидывает с глаз волосы.

Моя щека чертовски болит, я хватаюсь за нее, вздрагивая от чересчур резкого прикосновения. Какого хрена произошло? В одну минуту я ее целую. Трогаю её. Получаю огромное удовольствие. Она отвечает. Я наслаждаюсь слабыми звуками, которые издает Люси, тем, как ее тело льнет к моему, словно стремясь прижаться ещё сильнее, а затем...

Затем я вроде как, без понятия как, отключился, и теперь она испепеляет меня взглядом, словно ненавидит, а моё лицо горит, как будто его отделали палкой.

— Ты только что ударила меня? — недоверчиво спрашиваю. Уничтожающий взгляд, которым она меня окидывает, говорит сам за себя. — За что? — Я зашел слишком далеко? Я старался быть как можно уважительнее, но, черт возьми, я все еще на взводе. И чувствую себя таким уставшим. Тёплая вода и чрезмерное употребление алкоголя — все сразу навалилось на меня. Не хотел бы обидеть сексуальную девушку, сидевшую у меня на коленях, но прямо сейчас, пожалуй, я бы с радостью подремал...

— Черт. Возьми. Ты. Заснул, — она выплевывает слова, делая ударение на каждом. Оу, она в ярости. И я понимаю почему, пусть мне и трудно переварить это.

— Не может быть. — Сажусь прямее, проводя влажной рукой по волосам и отбрасывая их со лба. Я не верю в это. Я целовал ее. Был очень увлечен. Мои руки исследовали оголенную кожу, и поцелуй очень быстро превратился в весьма страстный. Я помню это. Я помню все это ...

Хотя есть крошечный промежуток времени, когда не помню абсолютно ничего. Понравился ли ей поцелуй, от которого мне буквально снесло крышу?

— Может, — возражает она, вылезая, словно какая-то богиня, из воды. Капли стекают по её коже дорожками, и мне хочется каждую попробовать языком. — Тебе лучше уйти.

С неверием наблюдаю, как она выбирается из джакузи, мой взгляд нацелен на ее попку, как булочки слегка выпирают, выставляя достаточно плоти, которую мне хочется массировать, ласкать и кусать. Иисус, что эта женщина делает со мной?

— Подожди минутку. — Я буквально выпрыгиваю из джакузи, бегу за ней и застигнут врасплох, когда она поворачивается и швыряет в меня полотенцем. — Я бы ни за что не заснул, целуя тебя. Я был слишком увлечен.

Клянусь, от моих слов ее щеки становятся пунцовыми, но в остальном никак не реагирует. Что означает, она на самом деле очень зла.

— Тем не менее. — Она решительно трет голову, затем скользит толстым полотенцем цвета морской волны вдоль всего тела, пряча все самое интересное. Мои руки более чем готовы потереть все эти сладкие местечки, но боюсь, она просто откусит мне пальцы. —

Понимаю, я скучная, но не ожидала, что настолько ужасна. Мне очень жаль, что разочаровала тебя.

— Погоди, я не считаю тебя скучной. — Смотрю ей вслед, пока Люси идёт в домик у бассейна, полотенце брошено на пол, и я плююсь на ее попку и бедра, мысленно встряхиваю себя и иду за ней. — Ты абсолютно не скучная. Тебе далеко до этого.

Прежде чем открыть дверь, она поворачивается, голова запрокинута назад, и ее взгляд встречается с моим. Она такая маленькая. Но это миниатюрное тело — тело настоящей женщины, мои пальцы зудят от желания снова прикоснуться к ней.

— Тогда почему ты уснул?

— Мне очень трудно поверить, что я уснул... — Я замолкаю. Люси смотрит на меня так, будто хочет вырвать мне язык, а мне нравится мой язык, благодарю покорно. — Ладно, — выдыхаю, выискивая причину. — Слишком много пива, слишком много текилы и плюс джакузи, сложи все вместе, это меня и подкосило.

Люси пристально смотрит на меня, сощутив глаза и поджав губы. Губы, которые я на самом деле с наслаждением целовал всего несколько минут назад. Как, черт возьми, я мог так облажаться? Реально, до сих пор не верю, что уснул. Кто так делает?

Ты, идиот.

— Это самый жалкий ответ, который я слышала. — Люси отворачивается от меня и распахивает дверь домика у бассейна, шагая внутрь. Сразу следую за ней, беспомощно наблюдая, как она проскальзывает в свою красную футболку, но не заморачивается с белыми шортами. Испытываю разочарование из-за того, что ее идеальные сиськи надежно спрятаны, я оплакиваю потерю. И ещё более разочарован, что даже не успел их потрогать.

— Это единственное оправдание, которое приходит в голову, — искренне признаюсь. Я, должно быть, заснул на... Минуту? Две или три? Она сможет простить меня, ведь так? Что касается химии, она определенно была. Тот поцелуй был вау, и ощущение ее тела так близко к моему, я хочу большего. Хочу продвинуться дальше. Хочу лучше его изучить. Не то, чтобы я надеялся на что-то ещё этим летом.

Она — идеальное отвлечение.

— Ну что ж, это ужасно. — Люси задирает подбородок и хмыкает, как надменная и избалованная принцесса, какой, я уверен, и является. — Я хочу, чтобы ты ушёл. Думаю, на сегодня уже достаточно смущена.

Ну, я задел ее гордость. Я все понимаю. Моё самолюбие тоже было бы задето, если бы девушка заснула, во время попытки ее поцеловать. Хотя, если бы она была пьяна, я бы, скорее всего, просто посмеялся над этим и посчитал ее милой.

Но не думаю, что Люси считает меня очень милым. Почти уверен, я только что упустил свой шанс с нею.

Супер!

— Позволь мне все исправить, — делаю последнюю попытку. Люси подходит ко мне с протянутой рукой и дотрагивается до моей груди. Надежда оживает во мне, но затем — она просто сильно толкает меня, и я вываливаюсь задом из домика.

Проклятье, эта девушка сильная.

— Нет, — отрезает она, потянув дверь домика у бассейна и захлопнув ее за собой.

— Я заберу тебя отсюда завтра. Ужин, кино, все, что ты захочешь. — Блин, я даже приготовлю ей ужин, и единственное, что умею готовить, это жареные с сыром сэндвичи и кесадилья, что практически одно и то же.

Люси решительно качает головой.

— Нет, спасибо.

— Давай завтра днём пойдём потусуем на пляже. Понежимся на солнышке, погуляем по прибою. — Я звучу, как слащавый придурок, и умоляю. Вот дерьмо. Я никогда не умоляю, не цыпочек. Никогда не приходилось.

— Вряд ли. — Она колеблется? Не-а, не колеблется. Эта цыпа — крепкий орешек. Ужасно вспыльчивая, с сексуальным телом, настолько, что глядя на нее, у меня кружится голова.

И она ненавидит меня, потому что я каким-то образом заснул во время поцелуя.

Я — полный кретин. Если парни когда-нибудь узнают об этом, мне конец.

Прочищаю горло, делаю ещё одну попытку:

— Люси ...

Она держит руку вытянутой, указывая, что мне следует уйти немедленно.

— До свидания, Гейб.

Кивнув один раз, с пресловутым поджатым хвостом, как у наказанного щенка, покидаю ее дом и возвращаюсь в свой.

Глава 4

Гейб

— Что ты сделал? — Смеется Шеп. Просто истерически смеется.

Урод.

Мне стыдно, поджимаю губы, готовый нажать кнопку «отбой» и закончить разговор. С чего вдруг я в очередной раз посчитал хорошей идеей рассказать моему лучшему другу, что произошло вчера вечером? Я ведь напоминал себе, когда все произошло, что если Шеп или Тристан узнают, насмешкам не будет конца.

И что сделал я? Побежал прямо к Шепу и растрепал, что у меня вышло с Люси.

— Ты слышал, — все-таки выдавливаю хмуро, чувствуя себя мудаком. Хотя, это Шеп мудака. — Ты тоже не один раз облажался с Джейд, так что не критикуй.

— Ну да, но я никогда не засыпал на ней в разгаре поцелуя, — подчеркивает Шеп, все еще смеясь. — Мужик, это просто невероятно. Тебе повезло, что она всего лишь двинула тебе по лицу. А могла ведь и пнуть по яйцам.

— Спасибо господу, что не пнула, — бормочу, потирая рукой челюсть. Я лежу в кровати, уже полдень, а я еще даже не поднимался. Какой смысл? Прошлый вечер был сплошным разочарованием. Люси ненавидит меня, черта с два я поспал, у меня до сих пор похмелье, отчего голова просто трещит.

В общем, чувствую себя хреново.

— Думаю, тебе нужно убираться отсюда, — предлагает Шеп, как обычно: веселый и беззаботный. Легко ему говорить. Он спит с самой горячей рыжей, что я видел, и она терпит его дерьмо, а Шеп полон его.

Он безумно любит Джейд, и каким-то образом она чувствует тоже самое. Безумие. Никогда бы не подумал, что увижу, как игрок и абсолютный кобель Шеп влюбится в девушку и будет неустанно добиваться, пока она не станет его.

— Угу, возможно, ты прав, — угрюмо соглашаюсь, хотя в том, что я сказал, нет ни слова правды. Проклятье, я до сих пор под впечатлением. Любая другая девушка могла дать мне пощечину, и я бы свалил. Кому нужна вся эта херня?

Джейд дала пощечину Шепу, и он, словно псих, гонялся за ней. Может, мы оба какие-то извращенцы или типа того. По-настоящему заинтересованы только в женщинах, способных выбить из нас всю дурь.

И вот это уже беспокоит.

— В остальном как дела? Готов уже вернуться домой? — интересуется Шеп.

— Я был готов вернуться домой в ту же секунду, как приехал сюда. — Нет ничего хуже, чем отдыхать с семьей. Нам всем велели явиться, даже если мы против. Несколько лет назад Сидни пыталась избежать этого, заявив, что она едет в лагерь с группой поддержки, в которой состояла. Очень уважительная причина.

Угадайте, кто не попал в команду чирлидеров в том учебном году? Все из-за паршивого семейного отпуска в Париже.

Пусть я звучу как избалованный ребенок, жалующийся, что провел каникулы в Париже, но мне было восемнадцать, Сидни — пятнадцать, и нам было скучно. Находясь под постоянным родительским надзором, без возможности повеселиться. И все же я смог улизнуть и позволил одной французской девушке, с которой познакомился в кафе, сделать мне минет в туалете.

Да уж. Приятные воспоминания. Вроде как. И вот уже я представляю на коленях Люси, с руками, вцепившимися в пояс моих шорт, прямо перед тем, как стянуть их вниз, и мой твердый член выскакивает прямо перед ее ротиком...

— Сходи на пляж. Полюбуйся на цыпочек, — предлагает Шеп, вырывая меня из грязных мыслей. — Найди симпатичную девчонку, пофлиртуй с ней, позволь другой телочке отвлечь тебя. Она не может быть настолько прекрасной, учитывая, что ты уснул рядом с ней. Во время поцелуя.

Я морщусь. Суть в том, что Люси красивая. И, кажется, классная. Я не так хорошо с ней знаком, но мне показалось, между нами могло бы что-то быть. Судя по обжигающему поцелую, между нами могло бы быть что-то серьезное.

Но, похоже, этому не бывать.

— Я схожу на пляж, — говорю то, что должен сказать. — И поглазею на цыпочек.

— Уверен, ты найдешь кого-нибудь. Да ладно. Ты же Гейб Уолкер, мужик. Цыпочки постоянно трепещут и волнуются, стоит тебе хотя бы взглянуть на них, — поощряет меня Шеп.

— По-моему, ты путаешь меня с собой. — Девчонки определенно трепещут и суетятся, стоит Шепу только взглянуть на них. А еще они хотят исправить Тристана, ворчливого и угрюмого все чертово время.

Я? У меня нет проблем с девушками, но я не такой, как мои друзья. И теперь я всерьез беспокоюсь, что проиграю, потому что я, блин, заснул, целуя сексуальную девушку.

До сих пор трудно поверить в это.

— Повеселись. Не позволяй себе раскиснуть из-за этой девчонки. В море полно и другой рыбы, — понижает голос Шеп. — Черт, надеюсь, Джейд не слышала меня. Мне пора. До встречи, Джи. — Он кладет трубку прежде, чем я успеваю сказать что-то еще.

Решив, что иногда нужно показываться на людях, выползаю из кровати, иду в ванную, справляю все свои дела и только затем волочу ноги вниз, и обнаруживаю сестру, сидящую за кухонным столом и поглощавшую картофельные чипсы, обмакивая их в соус «Рэнч»

— Завтрак? — интересуюсь я и краду у нее чипс, обмакиваю в соус и засовываю его себе в рот.

Сидни впивается в меня взглядом, она очень похожа на пушистого котенка, старающегося выпустить свои коготки. Волосы собраны на макушке в беспорядочный пучок, без макияжа. На ней топ и черные леггинсы, и выглядит она очень даже вспотевшей.

— Скорее обед, учитывая, сколько сейчас времени. — Она лезет в пакет с чипсами и вытаскивает огромный чипс, и тычет им в меня. — Ты что, только встал?

— Да. — Подхожу к холодильнику и достаю банку ледяной колы. — В чем проблема? Лето же.

— Я на ногах с восьми.

Поворачиваюсь и смотрю на нее, опустошаю половину газировки перед тем, как заговорить:

— И? Ты хочешь медаль за это или что? — Ей-богу, стоит нам начать препираться, мы превращаемся в семилетку и десятилетку.

— Я ходила на пляж, — она ухмыляется. — Видела там твою пассию.

Я подношу бутылку ко рту, и когда она произносит эти слова, чуть ли не выплевываю сделанный глоток колы.

— Ты видела Люси?

Сидни от удивления поднимает брови.

— Ты знаешь, как ее зовут?

— Что ж. Да. — Я не рассказал Сидни, что прошлым вечером заходил к Люси, из страха, что она может сболтнуть об этом нашим родителям. Наверное, сейчас моя песенка спета. — Мы, э-э-э, поговорили вчера.

— Правда? Что ж, а мы пообщались сегодня. — Сидни пожимает плечами и снова начинает жевать чипсы, что реально бесит. Это все, что я слышу. Больше она не говорит ни слова, прекрасно осознавая, что своим молчанием сводит меня с ума.

В конце концов, больше не могу терпеть.

— О чем вы говорили? — я стараюсь спросить равнодушно, но взгляд, который Сидни бросает на меня, говорит, что она прекрасно видит мое вранье.

— Точно не о тебе. — Сидни закатывает глаза и садится прямо. — Даже не знаю, мы разговаривали о всякой ерунде. Ничего особенного. Так, пустой разговор. Мы прогулялись вместе по пляжу и затем вернулись обратно.

Я в шоке. Люси любезничала с моей младшей сестрой, которая ненавидела меня все время, пока росла?

Жизнь так несправедлива.

— Она понравилась тебе?

— Она очень милая. — Мне хочется сжаться под испытующим взглядом сестры. — А тебе она нравится?

— Она нормальная. — Пожимаю плечами.

— Правильно. Сначала ты следишь за ней, а теперь она всего лишь нормальная. — Сидни смеется. — Гейб, в тебе полно дерьма.

— Язык, Сидни, — звучу, прям как наша мать, и Сидни только сильнее смеется.

Я улыбаюсь в ответ.

— Серьезно. Она даже не упоминала обо мне?

Сидни медленно качает головой.

— Ни разу.

Разочарование, пронзившее мое сердце, практически разрывает меня. Превращает в

полную размазную.

Глава 4.2

Люси

Я выпытывала и выпытывала информацию о Гейбе, пока разговаривала с его младшей сестрой, заставив ее поклясться на огромной воображаемой стопке библий, что она никогда, вообще никогда не расскажет ему, о чем я спрашивала. Особенно, что спросила в первую очередь. Не хочу, чтобы он подумал, что я заинтересована, потому что это не так. Нет-нет, я абсолютно в нем не заинтересована, ведь он полный придурок, засыпающий на девушках, в то время как должен был целовать их.

Но не могу ничего поделать, я все еще заинтересована. Всю ночь я металась и ворочалась, никак не могла уснуть. Все, о чем могла думать, это он. Гейб и его сладкий и очень умелый рот. Гейб и его большие блуждающие руки. Гейб, признающийся, что хотел трахнуть меня — у меня никогда не было парня, который говорил бы мне подобные вещи, и мне стоило бы обидеться. Это ведь оскорбительно, правда?

Нет, не правда. Это было горячо. Чертовски горячо.

Видите, из-за него я думаю иначе. Я не использую такие выражения, как «чертовски горячо». Совсем не использую. Это не мой стиль. Я много работаю, усердно учусь и крепко сплю. Моя жизнь скучная, но у меня есть конечная цель. Закончить колледж, получить диплом и устроиться на хорошую работу. На хорошо оплачиваемую достойную работу. А затем остальную часть жизни можно будет наслаждаться.

Я не ожидала получить работу этим летом. Она неожиданно свалилась на меня, возможность, предоставленная мне одним из маминых работодателей. Они продали сразу все свои дома, и им нужно было уехать за границу, чтобы позаботиться о некоторых домах там. Единственный дом, который они захотели оставить на западном побережье — тот самый, за которым я присматриваю.

Ну и кто бы ни захотел провести большую часть лета в дорогом особняке в закрытом сообществе в Санта-Барбаре всего лишь в нескольких шагах от пляжа? И к тому же они заплатили мне баснословную сумму денег. Я не могла упустить такую возможность. Смотреть за домом так просто, что даже стыдно. Впервые в жизни я не на летних курсах, и не могу уснуть, мой мозг переполнен мыслями о сексуальном парне, несуразно поцеловавшем меня. Моя жизнь перевернулась с ног на голову.

И мне это не нравится.

А вот Сидни мне понравилась. Она милая. Некоторые ее черты напоминают мне ее брата. У них одинаковый цвет глаз. Одинаковый цвет волос. Их улыбки похожи, хотя, когда он улыбается мне, я таю. А улыбка Сидни не действует на меня так, и это хорошо. Не хотелось бы раствориться в ней.

Хочу раствориться в нем.

Ну да, но нет. Я все еще зла на него. За то, что он уснул. Возможно, я придаю этому слишком большое значение, но блин. Кто так делает?

Убедив себя, что мне совсем не нужен обед, переодеваюсь в купальник — старый купальник, который я взяла с собой, отличный слитный купальник, полностью меня прикрывающий — и отправляюсь к бассейну. Совершенно не по привычному для Гейба графику. Мне плевать, увидит ли он меня. Он может пойти на хер. Я его уже забыла.

А еще я — лгунья.

Сегодня сильный ветер, отчего становится прохладнее, и я дрожу. Решаю сначала пожариться на солнышке, а потом прыгнуть в бассейн и охладиться. Я уже намазала каждый дюйм своего тела, не защищенный от солнца, — ага, я — мексиканка, и у меня от природы смуглая кожа, но я все же могу сгореть, да и рак кожи не входит в мои планы. Мама смеется надо мной, рассказывая, как она, будучи маленькой девочкой, работала на полях и стала такой смуглой. Как могло навредить мне солнце, повторяла она снова и снова.

Нет, спасибо, рак кожи не для меня. Не буду рисковать.

Какое-то время валяюсь в шезлонге, солнечные очки на месте, глаза закрыты... большую часть времени. Несмотря на мою злость на него, постоянно проверяю, не смотрит ли Гейб. Но он так ни разу и не появляется, борюсь с разочарованием, вцепившись в меня, повторяя сама себе, что я смешна.

Задрожав от холода, когда ветер налетает на меня, перекатываюсь на живот, и, опираясь на локти, тянусь к стоящему рядом с шезлонгом столику и беру журнал, который захватила с собой. Журнал со сплетнями, доставленными на дом — я бы никогда не заплатила за такого рода бульварщину, но это — определенно хороший способ убить полчаса.

Пытаюсь читать статьи о последних скандалах знаменитостей, но это трудно, вот насколько меня отвлекает Гейб. Он крутится в моей голове, со вздохом поднимаю глаза, вглядываясь с небольшого расстояния в океан. Белые барашки покрывают воду, чайки беспокойно летают кругами и пикируют за рыбным лакомством. Ничего не могу поделать с собой, мне любопытно, где сейчас Гейб. Чем он занимается?

Меня охватывает дрожь, стоит мне вспомнить, как прошлым вечером он прикасался ко мне, так уверенно, так властно. Когда его рот клеймил мою кожу, когда целовал меня, дразнил языком мои губы, прежде чем скользнуть им внутрь, боже.

Мое тело оживает, просто думая об этом.

Я кручусь, пытаюсь найти более удобное положение. Моя толстая задница у всех на виду, но мне не хватает энергии, чтобы волноваться об этом. Я позавтракала фруктами, пропустив традиционную чашку кофе, и выпила вместо него воду. Спустилась на пляж, провела время с Сидни и затем пешком пришла обратно домой, к тому моменту мои мышцы на бедрах и икрах были весьма напряжены, и я практически рухнула в фойе.

Мне отчаянно хочется похудеть до начала учебы в Огастине. Я слышала, как бывает, когда уезжаешь учиться в колледж. Я не первокурсница, но все еще могу набрать новые пятнадцать фунтов (Прим. пер. — около 6,8 килограммов). А у меня уже есть лишние двадцать фунтов (Прим. пер. — около девяти килограммов), от которых хочу избавиться.

То, как трепетно прошлым вечером прикасался ко мне Гейб, очень поражает, и я гадаю, что он думает о моих изгибах. Казалось, что ему они понравились. Но меня же они заставляют стесняться большую часть времени. Seriously, единственный раз я чувствовала себя уверенной и сексуальной, когда знала, что Гейб наблюдает за мной в то время, как я гордо расхаживала у бассейна.

Просто я не смогла удержать его интерес, когда он целовал меня. Это так унижительно. Знаю, прошло много времени с тех пор, как я была с парнем один на один, но это возмутительно.

Отшвырнув журнал в сторону, поддвигаюсь и перекидываю ноги, усаживаясь на самый край шезлонга. Тянусь за голову, чтобы собрать волосы в пучок, убираю их с моей разгоряченной шеи и стягиваю резинкой, которую ношу на запястье.

— Обожаю, когда девушки так делают.

Со вздохом оборачиваюсь и вижу Гейба, стоящего по другую сторону забора, как и вчера. Прижав руку к груди, свирепо смотрю на него, под ладонью сильно колотится сердце.

— Ты напугал меня.

— Прости. — Его улыбка тусклая, как и глаза. — По-моему, я только и говорю это.

Я хмурюсь.

— Говоришь что?

— Извиняюсь. И я извиняюсь. За прошлый вечер. Знаю, я уже говорил это, но стоит сказать это еще раз. — Он проводит рукой сквозь волосы, приводя их в беспорядок, что мне нравится. Он всегда так идеально уложен, одет, вообще все. Это отвлекает.

На нем так же нет футболки, и это абсолютно отвлекает. Он — одно сплошное огромное отвлечение, а это последнее, в чем я сейчас нуждаюсь.

— Обожаешь, когда девушки делают что? — Вспоминаю, с чего он начал, когда напугал меня, в его словах не было смысла.

— Ну. — Он немного расслабляется и машет рукой в мою сторону. — Когда девушки, как ни в чем ни бывало подбирают волосы кверху. Ты закрутила их резинкой так легко. Это было... сексуально.

Моя кожа воспаляется, несмотря на мой гнев. Гнев, за который я цепляюсь, потому что в противном случае плюну на все и побегу к нему.

— Если ты считаешь меня такой сексуальной, то почему уснул прошлым вечером?

Его щеки слегка розовеют, и, блин, это очаровательно. Я не должна думать, что он очарователен.

— Это никак не связано с тобой. Все дело во мне.

Я встаю с кресла и иду к тому месту, где он стоит, не обращая внимания на предупреждающие звоночки внутри.

— Из-за тебя? — Останавливаюсь, и нас разделяет только забор. Мы в нескольких шагах друг от друга, позволяю своему взгляду блуждать, упиваясь его идеальными чертами, его крепкой шеей, широкими плечами, мощной грудной клеткой...

Гейб прочищает горло, и я резко поднимаю глаза и встречаюсь с его.

— Только из-за меня. Позволь мне заглядывать вину перед тобой.

Медленно качаю головой. Я испытываю неподдельное волнение, пытая его. Заставляя его ждать. Держу пари, никто не заставлял этого богатого парня ждать чего-либо за всю его жизнь.

— Ты уже предлагал это вчера.

— Каждый заслуживает второй шанс. — Выражение его лица совершенно невинное. Слово ничего не доставит ему большего удовольствия, чем доказать, что он достоин второго шанса.

Не знаю, так ли это на самом деле. Боюсь, провести время с Гейбом будет выше моих сил.

Я начинаю задумываться, может он стоит этого риска. Всего на несколько недель.

Только на лето.

— Ты полагаешь, что заслуживаешь его? Второй шанс? — Скрещиваю на груди руки, подчеркивая свою грудь. На секунду ловлю брошенный им взгляд, отвлеченный глубокой ложбинкой, выставленной на показ, и не стану отрицать, так и было задумано.

Но потом его взгляд опять возвращается к моему, будто нет ничего важнее меня, между нами вспыхивает мощная энергия.

Явная.

— Несомненно. Я хочу извиниться перед тобой. — Кивает он с кающимся видом. — Я облажался, — быстро признается.

— Это уж точно.

— Между нами что-то есть, я хочу выяснить, что.

После его слов я подхожу ближе, медленно и неохотно соглашаюсь:

— Согласна.

Кривая ухмылка, которой он меня озаряет, в полной мере, великолепна.

— Итак, ты говоришь, что даешь мне шанс?

— Возможно. — Пожимаю плечами и начинаю отворачиваться, глядя на него через плечо. На мгновение я забыла, что на мне старый слитный купальник. Не знаю, что хуже, выставлять на показ все свои прелести: торчащий живот и все остальное в бикини, или выглядеть подтянутой в старом выцветшем купальнике. — Как ты хочешь загладить свою вину?

Его лицо расплывается в огромной улыбке.

— Подожди, пока не увидишь.

И я с нетерпением жду.

## Глава 5

### Люси

Звонят в дверь — и звонят, и звонят — поднимаю взгляд с дивана, на котором развалилась, читая книгу с телефона. Я никого не жду, потому что, поверьте мне, ко мне никто не заходит. В этом доме я живу, как отшельница. Общение с Гейбом и его сестрой было первым живым общением, с которым я столкнулась с тех пор, как присматриваю за домом.

Поднимаясь, запикиваю телефон в карман своих шорт и шагаю к парадному входу. В дверь звонят еще раз, пугая меня, и скривив рожицу, я спешу к двери, заглядываю в глазок, чтобы посмотреть, кто стоит по другую сторону.

Мистер GQ собственной персоной.

Мое сердце сбивается с ритма, открываю замок и распахиваю дверь, крепко схватившись за дверную ручку, так как мне есть, что охранять.

— Что ты здесь делаешь?

Гейб озаряет меня сверкающей улыбкой, и я рада, что держусь за дверную ручку. Иначе бы, наверное, стекла лужицей на пол.

— Я пришел за тобой.

Хмурюсь.

— Но у нас не было никаких планов.

— А у нас должны быть планы для того, чтобы я сводил тебя куда-нибудь? — Он склоняет голову набок, волосы падают ему на лоб. У меня появляется настоящая потребность откинуть их, пробежаться пальцами сквозь них. Уверена, его волосы мягкие, как шелк.

— Ты когда-нибудь слышала, как быть спонтанной?

Хмурюсь сильнее. Никто бы никогда не назвал меня спонтанным человеком. Вообще.

Мне нравится планировать. События тогда происходят в определенном порядке. Если из-за этого я звучу, как старая леди, что ж, пусть будет так. Я охотно принимаю свои старушечьи привычки.

— Я не любитель спонтанности.

Гейб качает головой, засовывает руки в передние карманы черных шорт-карго. Он хорошо выглядит. Естественно. Он одет в выцветшую красную футболку, прилипшую к его мускулистым плечам и груди чуть ли не с любовью. Интересно, он ходит в зал? Наверняка, ходит. Никто не выглядит так хорошо, не приложив к этому хоть небольшого усилия. Или же ему просто повезло.

— Нет ничего плохого время от времени быть немного спонтанной, ты так не думаешь? — От его хитрого взгляда мне начинает казаться, что он вспоминает прошлый вечер. В то время как я предпочла бы забыть ту часть, где он заснул, за исключением потрясающего поцелуя между нами. Его я не хочу забывать.

Не думаю, что и он хочет не вспоминать его.

— Может быть, — говорю, пожимая плечами.

Он смотрит на меня с упоением, его взгляд останавливается на моих босых ногах.

— Обуй что-нибудь и пойдём.

— Хм. — Окидываю себя взглядом. На мне вчерашние белые шорты и темно-зеленая майка. Не самый подходящий наряд для выхода. — Мне нужно переодеться? — Поднимаю руку и прикасаюсь к затылку. Я никогда не распускаю волосы из небрежного пучка, собранного несколько часов назад, уверена, выгляжу ужасно.

— Ты идеальна такая, как есть, — мягко говорит Гейб, с совсем небольшим намеком на обольщение. О, парень. — А сейчас иди, возьми обувь, и пойдём отсюда.

Оставляю его стоять у двери, пока ищу свои вьетнамки, мой мозг лихорадочно обдумывает возможности. Куда меня отведет? Что он запланировал? Готова ли я к тем вещам, что он подготовил? Просто смотря на него, начинаю задумываться о сексе, что неправильно и странно, и совсем не похоже на меня. Никогда не встречала парня, на которого мне бы хотелось прям наброситься. Никогда.

Гейб — исключение из этого правила. Если бы он вломился в дом и потребовал устроить для него стриптиз, скорее всего я бы согласилась.

Дико, но правда.

Нацепив черные вьетнамки, хватаю кошелек и иду обратно к двери, где нахожу Гейба, облокотившегося об дверной косяк со скрещенными на груди руками, его поза, все в нем, как обычно.

— Готова? — спрашивает он, отстраняясь от проема.

— Определенно, — говорю, кивая, и выхожу на улицу, закрывая за собой дверь. Поворачиваюсь к ней лицом и запираю на замок, и затем улыбаюсь Гейбу.

— Куда мы идем?

Он улыбается в ответ.

— Сейчас покажу. Этот вечер будет состоять из нескольких частей.

Я неодобрительно смотрю на него.

— Например?

— Пусть это будет сюрприз. — Гейб предлагает взять его за руку. — Готова идти?

Готова, как никогда.

~

~

Он ведет меня в старомодный ресторан для автомобилистов, бургерную с винтажными ярко-розовыми и синими неоновыми вывесками и огромным количеством машин на парковке. Мы чудом находим парковочное место прямо напротив, но это позволяет нам увидеть, что внутри все имеющиеся столики заняты, включая те, что на улице.

— Мы можем поесть в машине, — предлагает Гейб, оглядывая по сторонам нетронутый черный кожаный салон его BMW.

Зная себя, я наверняка пролью свою газировку. Или капля кетчупа упадет из моего бургера прямо на сиденье.

— Это твоя машина? Ты уверен? — спрашиваю, сморщив нос.

— Да, моя. Не волнуйся об этом. — Кивает он, опуская стекло вниз, как только одна из официанток подходит с его стороны машины. Она симпатичная, с блестящими светлыми волосами, собранными в высокий задорный хвост, и тонной хорошо наложенного макияжа на лице. Нет, чтобы выглядеть штукатуркой, он, наоборот, подчеркивает ее черты лица, и я чувствую себя ничтожной, просто посмотрев на нее.

— Привет, — здоровается Гейб с ней, и она сверкает в его сторону обаятельной улыбкой.

— И тебе привет. — Протягивает два меню, он берет их, передавая одно мне в то время, как его взгляд все еще приклеен к Мисс Перки. — Могу я предложить вам что-то из напитков?

— Экстра-большую ванильную колу, — отвечает Гейб, поворачиваясь ко мне. — Что ты хочешь, Люс?

Никто не зовет меня Люс. Мне нравится.

— Просто воду, — отзываюсь я.

Он бросает на меня взгляд, повторяет мой заказ официантке, которая уходит с кокетливой улыбкой и подмигиванием.

Она на самом деле подмигивает. Фу!

— Вода? — спрашивает Гейб, пока я просматриваю меню. Боже, все здесь, надо сказать, калорийное, действительно калорийное или суперкалорийное. Здесь даже нет салатов. — Время от времени нужно веселиться по полной, тебе так не кажется?

— Мне не нравится пить мои калории, — чопорно заявляю, в конце концов, поднимая голову и замечая, что он изучающе смотрит на меня.

— А мне чертовски нравится пить свои калории, — говорит он со сладострастной улыбкой на лице. — Seriously, их ванильная кола просто потрясающая. Как и вишневая кола.

Газировка, накачанная огромным количеством сахара. Нет, спасибо.

— Уверена, они вкусные, — слабо сопротивляюсь. — Но я все же остановлюсь на воде.

— Ладно, но тогда компенсируй то, что ты упустила, заказав их особый мега бургер. — Он толкает ко мне меню, указывая на то, что советует. — Гигантский бургер с сыром и картошкой фри. Это словно небеса взорвались во рту.

Звучит аппетитно. Мой живот сжимается в предвкушении. Я действительно хочу кушать, но ни за что не съем такой бургер. С тонной картошки, набивая желудок, как свинья, какой могу стать, если плюну и буду есть все, что хочу...

— Хм, наверное, я буду просто... — просматриваю меню, пытаюсь найти в нем самое безобидное блюдо, — сэндвич с цыпленком гриль.

— Ни за что, черт возьми. — Он выхватывает у меня меню. В шоке смотрю на него, а он

свирепо смотрит на меня. Словно злится или что-то в этом роде. — Ты пытаешься быть одной из тех девушек, которые не едят? Это то, что, ты думаешь, мне нравится?

— Мой выбор в меню не имеет никакого отношения к тебе, — произношу, возвращая ему такой же взгляд. — Так случилось, что я на диете.

— Зачем? — спрашивает Гейб ошеломленно. И признаюсь, что мне приятно, когда его взгляд скользит по мне медленно и осторожно. — У тебя офигенное тело.

От его слов краснею. Это еще один из тех моментов, когда я должна возмутиться, верно? Но мне не обидно. Ни один парень никогда раньше не говорил, что у меня офигенное тело. Я всегда чувствовала себя упитанной, но оценивающий блеск, который вижу в глазах Гейба прямо сейчас, говорит мне, что он не видит меня полной.

В голове не укладывается.

Вновь появляется официантка, протягивая большую ванильную колу и мою воду.

— Что вам принести? — Она не смотрит на меня, ни разу, и мне интересно, она вообще в курсе, что я сижу в машине?

— Два бургера с сыром и большой картошкой фри, — решительно заказывает Гейб, а я только тарашу глазу. Что он говорит? — И принесите моей девушке еще и ванильную колу.

Официантка бросает на меня уничтожающий взгляд, словно только что заметила. Задираю нос кверху и машу ей кончиками пальцев.

Сучка.

— Я сейчас вернусь, — говорит она без энтузиазма, забирая меню у Гейба и уходя.

— Я не хотела чизбургер, — заявляю Гейбу. Я вроде как потрясена тем, что он перед официанткой назвал меня своей девушкой. Это было мило. И неожиданно. — Я хотела сэндвич с цыпленком.

Он кривится.

— Нет, не хотела. Поверь мне. Это было бы, словно ты ешь кусок картона между двух кусков хлеба. Опять-таки, — снова позволяет себе блуждать взглядом по моему телу, и в этот раз мою кожу обжигает, как если бы он буквально только что прикоснулся ко мне. — Ты не выглядишь, как девушка, которая питается сэндвичами с цыпленком гриль.

Мой рот открывается в шок. Это было оскорбление или комплимент? Трудно сказать.

— Изгибы, как у тебя, не сохранить, если ты кушаешь цыплят гриль и пьешь воду. — Он тянется и убирает прядь волос мне за ухо. Только его палец задевает мочку уха, по моей коже бегут мурашки. — Я прав?

Он прав. И если так вышло, что ему нравятся мои изгибы, тогда к черту все.

И я с огромным удовольствием ем бургер и пью газировку. У каждого может быть «выходной день». У меня он будет сегодня.

Гейб

Люси пытается провести меня в том, чего ей хочется, но с того момента, как впервые ее увидел, я знал, что она не похожа ни на одну девушку, с кем встречался до этого. В смысле, кто расхаживает с важным видом вокруг бассейна, зная, что какой-то непонятный незнакомец — я — наблюдает за тобой, а на тебе всего лишь скудный купальник? Те малюсенькие полосочки черной ткани едва могли вместить ее, самая возбуждающая вещь, что я когда-либо видел.

Она — самая горячая штучка. Но Люси довольно молчалива. То есть, обычно она не

уступает ни на йоту. А тут всего лишь приятная светская беседа — отказ от бургеров и нет, пожалуйста, не заставляй меня пить ванильную колу.

Но я заставил ее выпить эту колу, и ей, черт возьми, она понравилась. Люси медленно закрыла глаза, стоило ей плотно обхватить полными губами соломинку, высасывая газировку до дна, словно в жизни не пробовала ничего вкуснее. Я стал твердым, просто наблюдая за ней.

Доказательство, что я — точно извращенец.

Когда принесли еду, она не сдерживалась. Сразу же с наслаждением набросилась на свой бургер, что сделало меня еще тверже. Кушая, она издавала тихие стоны, тем самым нанесла серьезный ущерб моему либидо. Мои мускулы были напряжены все время, пока я сидел там, отчаянно пытаюсь не терять над собой контроль, слушая ее стоны и вздохи, и шепот, — это так вкусно, — по мере того, как поглощала бургер с картошкой фри.

Должен признаться, девушка со здоровым аппетитом чертовски сексуальна. И каждый раз, когда она наклоняется к центральной консоли выпить газировки, я могу увидеть ее ложбинку, выглядывающую в круглом вырезе ее майки. На ней кружевной бюстгальтер, потому что замечаю краешек милого девственно-белого кружева, облегающего ее идеальные сиськи каждый раз, стоит ей наклониться слишком сильно.

Из-за нее я потею. Мое воображение на полной перезагрузке. Запихиваю полный рот картошки, пытаюсь усмирить свои потребности едой, но это не помогает. Мне не нужна еда.

Я хочу Люси.

— Расскажи, откуда ты, — предлагаю, проглотив последний кусок бургера. Если она не собирается сдерживаться, то и я тоже. Облизываю пальцы, ловлю ее, подглядывающей за мною, и устраиваю шоу получше. На этот раз она наблюдает, а я показываю себя. Ее взгляд чистой воды — голод. — Почему ты в том огромном доме совсем одна?

Она берет салфетку и очень тщательно вытирает руки, и мне слышно, как маленькие крупинки соли и приправы ударяются о вощеную бумагу под бургером с картошкой.

— Почему ты думаешь, что я в том огромном доме совсем одна?

Хороший вопрос. К счастью для нее, у меня богатое воображение.

— Дай подумать. Хм. — Указательным пальцем постукиваю себе по подбородку. — Я предполагаю, ты — единственный и опекаемый ребенок.

Она удивлена моей первоначальной оценкой.

— Ты прав.

Ликование просачивается в меня. Я всегда был хорош в чтении людей. Поэтому так хорош в покере. Я скучаю по игре, скучаю по зависанию в игорном доме, которым руковожу в течение учебного года вместе с Шепом и Тристаном. Пусть это, как и любая реальная дневная работа, настоящая заноза в заднице. О, и тот факт, что это незаконно, только привносит острые ощущения в весь процесс.

— Родители в разводе, папочка не часто присутствует на фотографиях.

Люси ничего не говорит, но по широко раскрытым глазам, я снова попал в точку.

— Это дом твоего отца? — спрашиваю. Люси прикусывает нижнюю губу и кивает в знак ответа. — Дай угадаю. Он — абсолютный трудоголик, пообещавший провести все лето со своей малышкой, а затем в последнюю минуту сбежал. Он в каком-нибудь морском круизе со своей новой пассией, которая старше тебя всего на пару лет, и он вряд ли выберется домой, чтобы увидеть тебя во время твоего визита. Однако надеется, что ты поймешь, что ты всегда и делаешь. Просто берешь его кредитную карту и совершаешь кучу

покупок, зная, что из-за чувства вины, что не видится с тобой, он никогда не будет возражать.

Люсиа пялится на меня, бургер с картошкой забыты, губы разомкнулись, как если бы она старается ответить, но ей трудно подобрать слова.

— Даже не близко? — спрашиваю, выгибая бровь.

— Пугающе точно, — в конце концов, с небольшим смешком отвечает Люси. — Только он в поездке по Европе со своей новой девушкой. Папе не по душе быть посреди огромного водного пространства.

— Весьма иронично, раз он живет в Санта-Барбаре, учитывая, что это прямо на берегу океана, — заявляю я, хватая колу и делая большой глоток. Почти ничего не осталось, мне хочется добавки. Интересно, есть ли здесь повторное наполнение.

— Ему нравится климат, — говорит Люси.

— Угу. — Я рассматриваю ее, позволяю взгляду блуждать по блестящим темным волосам, все еще собранным в беспорядочный и сексуальный пучок, по карим глазам, смотрящим на меня в ответ. У нее полные губы, острые скулы, а нос мог бы считаться слегка большим. Но это не важно. Для меня она чертовски красива.

— А мама где?

— Южнее. Около Лос-Анджелеса.

— Ясно. И я угадал, ты — единственный ребенок?

Люси кивает.

— Мне всегда хотелось иметь братьев и сестер.

— Что случилось? Мама не могла смириться, что придется заботиться о нескольких детях? — Улыбаюсь, чтобы смягчить грубость своего комментария. Не хочется показаться жестоким, но я знаю, какими бывают некоторые из этих богатых дамочек. У них один ребенок, и они сходят с ума, как это отвратительно, что их фигуры изменились навсегда и другой подобной ерунды, что уже никогда не будет по-другому. Я слышал достаточно историй из уст моей мамы, так что знаю, что это правда.

— Маме тоже хотелось еще детей. Просто... было не суждено. — Люси кажется грустной, и мне тут же хочется сменить тему. Не хочу ее расстраивать. Не сегодня.

— Как тебе твой бургер? — Машу рукой на ее еду, где уже нет ни кусочка бургера, а только лишь остатки картошки фри.

— Очень вкусно, — признается она немного виновато. — Я объелась.

— Серьезно? — Хватаю картошку и забрасываю в рот, жуя соленое лакомство. — Ты ела так, словно у тебя не было нормальной еды месяцами.

— Скорее недели, — подтверждает она. — Я на диете.

## Глава 5.2

Не понимаю, зачем. Реально не понимаю. Я не обманывал, когда сказал ей, что считаю ее тело офигенным. Конечно, никогда раньше не встречался — это то, чем мы с нею занимаемся? Встречаемся? — с девушкой с фигурой, как у Люси, но это не означает, что я не в восторге. Потому что я в восторге. Прошлым вечером мои руки были повсюду на ее теле, но так и не дотронулись до самых сладких частей.

— Почему ты на диете? — стараюсь говорить обыденным тоном, но в голосе слышится фальшь. Поняла ли она?

— Я слишком полная. У меня небольшой живот. Поедать бургеры с картошкой и пить

ванильную колу никак не помогает моей диете, — произносит она опять грустно. Проклятье.

— Но каждый заслуживает день, чтобы немного расслабиться, ведь так?

— Конечно. — Пожимаю плечами. — Но можно я кое-что скажу?

Ее тон приправлен весельем.

— Пожалуйста, не сдерживайся на мой счет.

Я поворачиваюсь к ней лицом, мой взгляд сцепляется с ее взглядом. Она смотрит на меня в ответ, веселье угасает, выражение лица становится серьезным. Люси облизывает губы, отчего они становятся блестящими, и мне отчаянно хочется наклониться через консоль и поцеловать ее.

Но я не делаю этого.

— Я люблю округлости, — признаюсь тихим голосом. — Знаешь, иногда мужчинам нравится, когда есть, за что подержаться.

Она щурится. Медленно.

— Ладно, — произносит она, растягивая слово.

— Не палка с грудью. Совсем не весело обнимать мешок с костями, — утверждаю я.

Люси щурится сильнее.

— Ты намекаешь, что хочешь обнимать меня?

— Все, к чему ты готова, я в деле, — говорю ей. Обнимать. Целовать. Трахать. Ага, я в настроении для всего.

— Мы только познакомились, — напоминает она.

— Мы познакомимся поближе.

— Я не обнимаюсь с парнем на первом свидании. — Опять тихий и чопорный тон. Ни секунды не верю. Мне кажется, я бы смог разжечь эту девушку, если подольститься — а я очень хорош в лести. Мне бы хотелось быть тем, кто заставит ее потерять голову.

— Технически это наше второе свидание.

Люси закатывает глаза.

— Не знаю, заслужил ли ты уже второй шанс.

Притворяюсь ошеломленным. Положа руку на сердце и все такое.

— Тебя не впечатлил мой выбор места для ужина?

Она качает головой.

— Не особенно.

— Мне нужно сделать больше?

Ее ответ — медленный кивок, сопровождаемый хитрой улыбкой.

— Определенно.

— Вызов принят.

Черт побери, игра началась.

6 глава

Гейб

Мы катаемся по городу, мой мозг старается быстро что-нибудь придумать, чтобы впечатлить ее. Я не знаю этот город достаточно хорошо. Самостоятельно я никуда не выбирался, учитывая, что у родителей всегда были какие-нибудь дерьмовые планы. Их совершенно неволнует, что мне двадцать один. Каждого человека, с которым знакомятся,

каждое место, куда выбираются, они воспринимают, как нечто перспективное. И для них, и для меня.

Мои родители возлагают на меня большие надежды. Они полагают, что я возьму на себя руководство семейным бизнесом. Буду встречаться с симпатичной девушкой по их выбору и женюсь, объединив два преуспевающих семейства и превратив нас в династию.

Это похоже на сказку из преисподней, но они на самом деле так мыслят.

Но к черту. Я пренебрег семьей и сегодня сам по себе. Я прыгнул в машину и прилагаю все силы, пытаясь уговорить эту девушку дать мне еще один шанс.

Пока бесцельно еду, мне в голову приходит идея, и мы останавливаемся у магазина замороженного йогурта. Косой взгляд, который Люси бросает на меня, как только мы выходим из машины, кого-нибудь другого мог бы убить, но я сделан из более прочной породы. Не позволю ей злиться из-за того, что все пытаюсь накормить ее до отвала.

Кроме того, я и сам до сих пор голодный.

Пропускаю ее вперед, мой взгляд на ее покачивающихся бедрах и идеальной попке, обтянутой суперкороткими белыми шортами. У нее полные, но не дряблые ляжки. Красивые икры и лодыжки. Широкие бедра, сужающиеся кверху, демонстрируя узкую талию. Я не обманывал, когда сказал, что у нее есть, за что подержаться. Я мог бы не отпускать эти бедра и попку всю ночь напролет.

— Я не буду ничего из этого есть, — шепчет мне Люси, как только входим внутрь. Яркое-освещенное место забито людьми, из кондиционера непрерывным потоком льется охлажденный воздух, мы вместе встаем в очередь и оба разглядываем, что можно выбрать.

— Я поделюсь своим, — предлагаю, и Люси без особого желания кивает. Я вижу, как она рассматривает каждый наполнитель, и решаю взять себе йогурт со всевозможными добавками. Выбираю три разных вкуса, диктую девушке, работающей за прилавком, большой перечень наполнителей, которые хочу, пока она не начинает хихикать, и когда забираю у нее свой стакан, я удивлен, насколько он тяжелый.

Здесь платят за вес.

Люси идет занять столик, пока я расплачиваюсь. Беру стопку салфеток и две ложки, поворачиваюсь и вижу Люси, занявшую столик на улице. Иду через переполненный магазин, киваю группке девушек, которым примерно по двадцать лет, что заставляет их расхохотаться.

Рад видеть, что я еще на коне. Не потому, что переживаю о них. Черта с два. Я полон решимости вернуться к своей паре.

Люси качает головой, заметив, что я приближаюсь, ее взгляд останавливается на моем переполненном стакане с замороженным йогуртом и сладостями.

— И ты даже не взял ни одного фруктового наполнителя?

Усаживаюсь на стул рядом с ней, желая быть как можно ближе. Предлагаю ложку, которую она неохотно берет и затем кладет ее обратно на стопку салфеток, что я принес.

— В отличие от тебя, Люс, я не пытаюсь делать вид, что это здоровая еда. Я обожаю сладкое.

И жадно набрасываюсь на йогурт, машу в ее сторону своей ложкой, показывая, что и ей стоит взять немного, но она даже не пытается поднять свою ложку. Разочарованный, зачерпываю немного йогурта с кучей маленьких драже (Прим. пер. — в оригинале Reese's Pieces, ароматизированные конфеты на основе арахисовой пасты, выпускаемые компанией Hershey, наподобие M&M's) сверху и вожу прямо перед ее губами.

— Открой.

Она сжимает губы так, что у меня не получается просунуть ложку сквозь них.

— Нет, — бормочет она.

— Ты — зануда. — Кончиком ложки врезаюсь в ее рот, оставляя на губах йогурт со вкусом пончиков с кленовым сиропом. — Ну, давай же. Жизнь коротка. Молодым бывает только раз.

Все еще не могу сломить ее. Девушка несговорчива. Скорее даже упряма. Она берет салфетку и вытирает губы, и как только опускает руку, снова врезаюсь в ее рот, размазывая по губам еще больше йогурта.

Ее глаза мечут молнии, и я засовываю себе предлагаемую полную ложку.

— Тебе нужно расслабиться, — произношу я, проглотив.

— А может это тебе нужно стать чуточку серьезнее, — парирует она.

— Ни в коем случае. Быть все время серьезным — портит удовольствие от жизни. У меня будет достаточно серьезности, когда закончу колледж. — Вращаю ложку в йогурте со сладостями, желая, чтобы она все же не устояла и съела хоть немного. — А до тех пор я наслаждаюсь жизнью.

— Должно быть круто. Так много развлекаться, — говорит Люси с сарказмом.

— Не суди, пока сама не попробуешь. — Задеваю ее плечо своим. — Давай, Люс. Попробуй немного. Это не убьет тебя.

— Но зато отложится на моей заднице, — заявляет она, ее щеки становятся розовыми.

— Так случилось, что мне нравится твоя попка, — признаюсь спокойно.

Ее щеки багровеют.

— Замечательно, — отвечает Люси, раздраженно вздыхая, и я благодарен, что она не хватается за ложку, которую принес для нее. Лучше сам покормлю ее.

Изо всех сил стараюсь захватить как можно больше наполнителя, зачерпываю шарик на ложку и держу ее напротив рта Люси. Она размыкает губы, ее взгляд упирается в мой, пока медленно проскальзываю ложкой в ее рот. Затем смыкает губы вокруг, я скольжу ложкой обратно, у меня закипает кровь, стоит ее языку высунуться и слизнуть оставшуюся каплю йогурта из уголка рта.

Кто знал, что кормить кого-то замороженным йогуртом может быть так чертовски сексуально?

— Так сладко, — шепчет Люси, как только проглотила. — От газировки и десерта я смогу участвовать в сладком форсаже.

— Нет ничего лучше, правда? — Скармливаю ей еще одну полную ложку, получая удовольствие от наслаждения, отражающееся на ее лице, пока она ест, от того, как с каждым предлагаемым мною кусочком наклоняется все ближе и ближе. В какой-то момент ее глаза закрываются, Люси издает тихий мурлыкающий звук, который попадает словно вспышка молнии прямо в мой член.

Черт, она — секси, даже без усилий с ее стороны. Представляю, если бы еще и старалась издавать эти звуки? Я бы был покойником. Был бы уничтожен. Разбит.

— Кажется, мне нужно вздремнуть, — говорит Люси, как только мы расправились с йогуртом и со всеми наполнителями. — Сладкий форсаж обернулся сахарным ударом.

— Так, постарайся не заснуть еще немного, у меня запланировано кое-что еще, — сообщаю ей, собирая мусор, и наклоняюсь, выбрасывая все в мусорное ведро в нескольких шагах от стола.

— Например? — интересуется Люси осторожно. Она остается на своем месте и потягивается, ее майка задирается, позволяя мельком увидеть живот. Не то чтобы я его не видел раньше, но сейчас — это сексуальное поддразнивание, дающее маленький намек.

— Наберись терпения и увидишь.

Она достает телефон из небольшого кошелька, с которым пришла, и проверяет его.

— Уже поздно.

Я пытливо смотрю на нее, стараясь изо всех сил сохранить серьезное выражение лица.

— Не похоже, что ты становишься оранжевой.

— Что? — Хмурится Люси.

— Ты превратишься в полночь в тыкву? Да ладно, ты никогда не смотрела «Золушку»? — Смеюсь, и, слава богу, она тоже.

— Еще далеко до полуночи, но нет, я не превращусь в тыкву. — Мотает головой Люси, улыбаясь мне. — Ну. Ты готов идти?

— Я с рождения готов. — Вскрываю на ноги и жду, когда она сделает тоже самое, и веду обратно к машине, держа руку на ее поясице. Ее тело излучает тепло через тонкую майку, надетую на нее, и я глажу большим пальцем туда-сюда, всего лишь раз. Заставляя ее дрожать.

Отчего все мое тело напрягается.

Словно гребаный джентльмен, открываю для нее дверцу с пассажирской стороны, и она проскальзывает внутрь, неуверенно улыбаясь мне, когда я захопываю дверцу. Оббегаю автомобиль спереди, пытаюсь понять, что мешает мне заняться с ней сексом сегодня?

Ибо я хочу заняться с ней сексом. Влечение есть. Как и магнетическое притяжение между нами, явное и которое становится только сильнее, чем больше времени мы проводим вместе. Я хочу ему сдать. А она? Не вполне ее понимаю. Возможно, я и выяснил кое-что из ее жизни, но ничем больше она до сих пор не поделилась. И также она ничего не спрашивала у меня. Словно не хочет слишком сильно сблизиться.

Так дело в этом? И почему, черт возьми, я так жажду понять ее? И что еще хуже, почему мне хочется раскрыть ей некоторые свои секреты? Мне никогда не хотелось этого с девушкой. Легко и просто, вот как мне нравится все сохранять. Моя жизнь достаточно тяжела. Предпочитаю концентрироваться на позитивных моментах.

Таких, как заполучить девушку обнаженной. Целовать ее. Трахать ее. Вот мои цели.

Очевидные, но я никогда и не говорил, что я — сложный парень.

## Глава 6.2

### Люси

Гейб привез меня обратно домой, что показалось мне странным, учитывая, что у него были планы, как сам утверждал. Но как-то все это не очень похоже на план. Он привозит меня домой и высаживает. Конец свидания, конец истории.

Разве он не хорошо провел время? Мне показалось, мы неплохо поладили, несмотря на мою прямооту о поедании такого количества вредной еды. Парень, как животное, запикивал в себя еду, словно это суцая ерунда, и с таким телом сексуального бога.

Жизнь так несправедлива.

Хотя Гейб не едет и к своему дому. Он заезжает на подъездную дорожку моего предполагаемого дома, гасит фары, и, заглушив двигатель, поглядывает в мою сторону.

— Могу я войти? — его голос напряжен и звучит еще ниже, чем обычно, я пытаюсь сдержать пробирающую меня дрожь.

— Только, если пообещаешь не заснуть опять в джакузи, — бросаю ему в ответ, злясь на саму себя, что не могу никак смириться.

Гейб посмеивается.

— Я не хочу в джакузи. Не сегодня. Я надеялся позвать тебя куда-нибудь еще.

Если он предложит кровать, скажу, куда может засунуть свое предложение. Я не занимаюсь сексом на втором свидании. Вообще никогда не занималась сексом. Мне кажется, Гейб не догадывается, что связался с девственницей.

Знаете что? Это он. Я не собираюсь и перед ним так легко сдаваться. Если вообще сдамся. Я цеплялась за девственность столько времени. Могу подождать, пока в моей жизни появится тот самый парень. Тот, в кого без памяти влюблюсь, и, может, даже однажды заведу детей с ним. Я за обязательства. И знаю, что случилось с мамой. Юная и уязвимая, наивная и доверчивая, она все отдала мужчине, моему биологическому отцу, а он бросил ее еще до моего рождения. Пусть он был всего лишь подростком, но и она тоже. Даже его семья ни поддержала ее, ни помогла, когда я родилась.

Мама была совсем одна.

— Что у тебя на уме? — спрашиваю настороженно, ни на секунду не доверяя ему. То есть, мне нравится этот парень, но он — парень. И ясно дал понять, что я сексуально привлекаю его. Замечаю его оценивающие взгляды. Он продолжает твердить, что одобряет мои изгибы, это ободряет. Я думала, таких парней, как он, тянет только к идеальным худым девушкам, не как я.

— Позволь мне показать, и ты узнаешь.

Повторяя себе не обращать внимания на его очаровательную улыбку, впускаю нас в дом. Он берет меня за руку сразу же, как закрываю дверь, и ведет меня наверх, оглядываясь назад, когда мы поднялись на самый верх.

— Где хозяйская спальня?

Именно то, чего я боялась. Выдергиваю руку из его хватки, сверля Гейба взглядом.

— Если ты думаешь, что я позволю тебе войти в мою — отцовскую спальню, ты глубоко ошибаешься. — Еще одно, его выдуманные планы в отношении меня. Я была рада, потому что сейчас мне ничего не нужно придумывать, и совершенно не представляла, что ему сказать. Он быстро решил эту проблему.

Но из-за него я испытываю чувство вины, обманывая. Не люблю лжецов и вот она я, притворяюсь. Это отстой.

Ужасно.

Гейб закатывает глаза.

— Я не имею в виду ничего плохого, всего лишь хочу выйти на балкон. Он же примыкает к хозяйской спальне, верно?

Упс. Балкон. Я даже не ходила туда, так как... не знаю, я не чувствую себя на сто процентов комфортно в этом доме, поскольку он не мой.

— Да, — подтверждаю, чувствуя себя глупо за то, что сомневаюсь в нем. Он мило флиртует, но ни разу не заставил меня почувствовать себя неуютно. Мне стоит дать ему шанс. — Последняя дверь слева.

Он снова берет меня за руку и ведет по тихому коридору. Открывает последнюю дверь слева и тянет внутрь. Комната огромная, я тянусь к выключателю и включаю свет.

Загораются шесть встроенных светильников, погружая нас в приятное золотое свечение, и Гейб ухмыляется.

— Мило. Освещение для особого настроения. — Он театрально вскидывает брови, я с трудом смеюсь.

Мои ладони в буквальном смысле потеют. Надеюсь, он не замечает.

Двойные двери, занимающие почти всю стену, не зашторены, открывая нам отличный вид на частные причалы, одна из привилегий членства в закрытом сообществе, и океан, расстилающийся прямо перед нами, словно мерцающее скользкое голубое покрывало. Я — девушка из бедных районов. Возможно, я и живу в Южной Калифорнии, но у меня редко есть время сходить на пляж. И у меня до сих пор дух захватывает иметь такой вид, предстающий передо мной каждый день.

Однако я совершенно забываю про этот вид, когда осознаю, что кое-кто наблюдает за мной в ожидании какой-нибудь реакции. Когда с моей стороны ее не следует, Гейб отпускает мою руку и идет к двойным дверям, поворачивает замок и распахивает, пока не оказывается прямо посередине них. Он разворачивается и улыбается мне, указывая рукой, что я должна выйти.

— Присоединишься?

Подхожу к нему, желудок сводит от нервов. Он не отрывает от меня взгляд, продолжая наблюдать за мной, пока я приближаюсь, и когда подхожу к нему, он нежно берет меня за руку и выводит на балкон.

Прохладный бриз приносит с собой запах океана, глубоко вдыхаю соленый аромат, легкая дрожь пробегает по телу. Вид впечатляющий. Видны огни города к югу от нас, полумесяц серебристым сиянием отражается в воде.

— Пойдем сядем, — предлагает Гейб чарующим голосом, и у меня опять бегут мурашки по спине. Я подхожу к мягкому дивану, усаживаюсь и задыхаюсь от шока, когда Гейб садится прямо возле меня, наши бедра прижаты друг к другу, а его рука скользит, приобнимая меня за плечи.

— Прекрасный вид, — шепчет он, на краткий и такой сладкий миг утыкаясь носом мне в щеку.

Вопреки моему первоначальному беспокойству, наклоняюсь к нему. Когда дело касается Гейба, похоже, я ничего не могу поделать с тем, как реагирую. Это невероятно пугает.

— Да.

— Я сажу слишком близко?

Качаю головой, стараясь не замечать, как он пальцем выводит круги на моем голом плече. Вау, это так приятно.

— Не очень.

— Ты никогда не приводила сюда других своих парней? — Удивляется он и ждет ответ.

— Нет. — Поворачиваюсь и смотрю на него, с удивлением обнаруживаю, что он тоже смотрит на меня. — Правду? У меня было не так много парней.

Он хмурит лоб, тянется и проводит указательным пальцем сбоку по моему лицу, останавливаясь рядом с мочкой уха, и начинает играть с моей сережкой. Простое его прикосновение вызывает во мне трепет, я медленно выдыхаю, стараясь контролировать свою реакцию.

— Ты серьезно? — спрашивает Гейб.

Медленно киваю, глубоко вздыхаю, когда он прослеживает линию моего подбородка.

— У меня нет времени на свидания. Я всегда очень занята учебой.

— Хорошо, но сейчас ты не в колледже, так что полагаю, у тебя достаточно свободного времени. — Он двигается ближе, и я перевожу взгляд на его полный идеальный рот. Вспоминаю, как целовал меня прошлым вечером, и теплое, тягучее томление разливается по венам, я хочу пережить это снова.

Несмотря на все предостережения, крутящиеся у меня в голове, осторожность, которую прививала мне мама с тех пор, как я стала подростком, я все равно хочу этого. Хочу поцелуев Гейба, его прикосновений. Хотя бы ненадолго.

Хотя бы сегодня.

— Ты прав. Сейчас достаточно, — соглашаюсь, кивая.

— Знаешь, та старая поговорка правдива. Только работа и никаких развлечений делают Люси скучной. — Он хватает прядь моих волос и накручивает ее вокруг пальца, отпускает и затем снова накручивает.

У меня вырывается смешок.

— Не думала, что из-за этого Люси становится скучной.

— Скажем так, к счастью для тебя, этого еще не случилось. Потому что в тебе нет абсолютно ничего скучного. — Гейб сдвигает руку выше и выдергивает резинку из моего пучка, мои волосы рассыпаются буйными кудрями вокруг лица, щекоча кожу. — Мне нравятся твои волосы.

Его слова, благоговейный тон заставляют меня замолчать. Не знаю, что сказать, как реагировать. Быть к нему так близко нервирует. Тепло его тела просачивается в мое, крепкие мускулы прижимаются ко мне, он так легко прикасается ко мне. Когда он проводит пальцами у меня под подбородком и приподнимает мое лицо, я закрываю глаза, его губы нашептывают моим легчайшие поцелуи.

Он мешкает, и я задерживаю дыхание, пока он, наконец, не скажет что-то своим сексуальным, низким урчащим голосом.

— Ты хочешь этого? Или ты все еще злишься из-за вчерашнего?

Последнее, что я чувствую прямо сейчас — это злость.

— Я не злюсь.

— Так ты хочешь этого? — Он еще раз касается моих губ своими, так нежно, так ласково, и стоит ему отстраниться, я тянусь к нему. — Открой глаза, Люси.

Медленно открываю глаза, его лицо рядом с моим. Так близко, что могу сосчитать темные ресницы, окаймляющие его ярко-голубые глаза, замечаю небольшой белый шрам, пересекающий тонкой линией его переносицу. Этот намек на несовершенство на его во всем остальном абсолютно идеальном лице как-то успокаивает.

Глупо, да. Но быть рядом с парнем, настолько невероятно хорошо выглядящим, однозначно пугает. Заставляет меня задуматься, что он делает с невзрачной простушкой, как я.

— Люс?

Его вопросительная интонация напоминает мне, что он о чем-то спрашивал, запрокидываю голову назад, встречаясь с его взглядом.

— Да, — шепчу, хотя знаю, что должна сказать «нет». Наверняка, он станет для меня проблемой. Но он стоит того. — Я хочу.

От довольной улыбки, искривившей его губы, дух захватывает.

— Правильный ответ, — шепчут его губы в миллиметре от моих.  
Самонадеянный парень.

## Глава 7 Гейб

Я больше не выдержу. Она чертовски соблазнительна, такая предвкушающая, даже возбужденная, мне надоело сдерживаться. Я и так достаточно долго придерживался выжидательной тактики. Никогда не был терпеливым человеком. Скорее склонен без каких-либо колебаний добиваться своей цели. Мое обращение с Люси в последние несколько часов — наиболее наглядный пример моего терпения, какое вы вряд ли еще увидите.

Она сдвигается напротив меня, поднимает руку и кладет мне на плечо, ее прикосновение буквально обжигает, и вот оно. Мое терпение иссякает.

Наклоняю голову, обхватываю рукой с одной стороны ее лицо и целую. Поглощаю. Она размыкает губы под моими губами, ее язычок неуверенно высовывается, и я стону, мой язык скользит напротив ее. Другой рукой обвиваю талию и притягиваю Люси как можно ближе, она охотно поддается.

И полностью готова. Боже, что она делает со мной? Не могу объяснить. Не могу привести мысли в порядок, так что просто... позволяю этому случиться. Погружаюсь в это состояние, растворяюсь в Люси, моя потребность в ней медленно, но верно пожирает меня.

Меня окружает ее аромат, как и волосы, щекочущие мою кожу. Мне знаком этот запах, но никак не получается распознать его, и это изводит меня. Люси почти распласталась у меня на коленях, пока мы продолжаем целоваться, притягиваю ее ближе, так что она оказывается сверху на мне, и как только садится верхом, ее ноги обхватывают мои бедра с обеих сторон.

Очень напоминает нашу вчерашнюю позу. Хотя в данный момент последнее, что я чувствую — опьянение и желание спать.

— Гейб, — шепчет она напротив моих губ, разрывая поцелуй. Отклоняю голову и резко опускаю свой рот на ее шею, целую, облизывая и покусывая ее кожу. Люси дрожит и постанывает, сминая пальцами ткань моей футболки, и я жажду почувствовать ее руки своей обнаженной кожей.

Она снова произносит мое имя, и мне кажется, пытается вымолвить что-то еще. Мое самомнение встречается именно в этот момент. Я настолько хорош? Я разрушил клетки ее мозга только лишь моим ртом? Кажется, она делает со мной примерно тоже самое.

— Что, Люс?

— Ты... ты думаешь, это сиденье выдержит наш, э-э, вес? — ее вопрос робкий, а голос такой неуверенный, такой чертовски обеспокоенный, и я немного злюсь.

Отсутствие доверия, когда речь заходит о ее весе, просто нелепо.

— Эй, — немного отодвигаюсь от нее, обхватываю ладонями ее лицо и ловлю взгляд. Она смотрит на меня со смесью смущения и раздражения, я наклоняюсь и прижимаюсь своим лбом к ее.

— Прекращай волноваться из-за своего веса.

— Но...

Губами заставляю ее замолчать, целую так глубоко, что, когда останавливаюсь, Люси выглядит немного потрясенной. Похоже, меня немного занесло или что-то в этом роде. Мне

понравилось. Мне очень понравилось.

— Мы не сломаем этот диван. Тебе стоит быть к себе снисходительнее.

— Дело в том, что...

— Ш-ш-ш. — Скольжу руками ниже. Ниже, ниже, ниже. По талии, бедрам, внешней части ляжек, с обратной стороны коленок, затем опять вверх, тем же самым путем, позволив рукам задержаться на попке. Сжимаю ее, медленно и спокойно, глаза Люси закрываются, губы размыкаются с тихим стоном.

— Черт, ты великолепна, — говорю сдавленным голосом. Я истощен потребностью в ней, но не могу подталкивать дальше. Мне любопытно, какой у нее опыт, хотя то, чего ей не хватает, она более чем восполняет энтузиазмом. Так легко откликается, не сдерживаясь, похоже, как и я.

Это все, о чем я прошу, чего хочу. Я знаю, как повеселиться и выпустить пар с девушками. Нельзя этого отрицать. У меня было много девушек, но ни с одной из них не было ничего серьезного, они все понимали это. Я слежу за тем, чтобы они это понимали заранее. Я не парю им мозги, не вешаю лапшу на уши, чтобы не давать им надежду. Это бессмысленно.

Когда мы поступили в колледж — Шеп, Тристан и я — мы поклялись друг другу, что не станем связываться с девушками. Мы знали, что это стало бы огромной ошибкой. Зачем ограничивать себя, когда вокруг столько доступных девушек? Это же колледж. Предполагается, что здесь надо тусоваться.

Но затем первым влюбился Шеп и влюбился чертовски сильно. Имея действительно стальные яйца, Джейд — все же идеальная девушка и держит его в узде. Мне нравится Джейд. Их отношения выглядят прочными. Но я думал, что Шеп был полным идиотом, позволив себя захомутать. У нас остался один жалкий год, и он не смог продержаться.

— Мне далеко до совершенства, — шепчет она напротив моих губ, запуская руки мне в волосы и вырывая из моих мыслей.

Боже, как же приятны прикосновения ее пальцев, перебирающих пряди моих волос, пока она медленно ласкает меня, массируя кончиками пальцев кожу головы. У нее золотые руки. И, похоже, она знает, как свести меня, на хрен, с ума, ее сиськи прижаты к моей груди, все это кружевное добро, окутывающее их, показывается еще раз, поскольку ее майка каким-то образом оказалась сброшенной. Открывая мне впечатляющий вид на ее декольте.

У нее отличное декольте.

— Ты давно на себя по-настоящему смотрела? Великолепные волосы. — Провожу пальцами сквозь них и перебрасываю ей через плечо. — Красивые карие глаза. Губы, созданные для поцелуев. — Наклоняюсь и легко касаюсь своими губами ее и отстраняюсь, прежде чем это превратится в нечто большее. — Ты охренительно классно пахнешь. — Провожу носом по ее щеке, спускаясь к шее. — И мне действительно нравится все это. — Касаюсь самого верха ее груди, поддевая кружевную отделку бюстгалтера.

Люси резко вздыхает, стоит мне прикоснуться к ней там, и я снова задаюсь вопросом, не зашел ли слишком далеко. Указательным пальцем провожу вдоль кружева по одной груди, затем по другой. Ее голова наклонена, волосы спадают вокруг лица, поэтому не могу видеть ее реакцию, но знаю, что она наблюдает за тем, как я прикасаюсь к ней. Ей нравится наблюдать?

Черт, мой член стал еще тверже.

— Гейб... — Ее голос затихает, волна триумфа разливается во мне. Мне нравится, как

она произносит мое имя. Проклятье, мне нравится она. Я хочу лучше узнать ее. Хочу заполнить все те таинственные пустоты. Да, она неразговорчивая. Да, не мой обычный тип, но мне плевать. Кажется, это лето будет совсем не типичным для меня. Вместо того, чтобы путаться со множеством цыпочек, как обычно, пожалуй, хочу остаться с одной и выяснить, как будут развиваться отношения между нами дальше. Безумие, но правда.

Я хочу Люси.

Обхватываю рукой ее затылок и притягиваю для еще одного поцелуя. Этот поцелуй еще глубже, языки сплетены, тела едва ощутимо толкаются друг об друга. Чувствую, как мало-помалу теряю контроль и уже готов взорваться. Просто взять и сорвать с нее одежду, вытащить член и трахать ее. Трахать, пока она не закричит. Трахать, пока сам не отключусь.

Никогда не чувствовал такого. Контроль — главное правило. Благодаря ему девушки возвращаются за повторением.

— Гейб. — Она отрывается от моих губ, на этот раз произнося мое имя более решительно и с силой ударяя руками по моей груди, одаривая меня не совсем легким толчком. Люси без предупреждения вскакивает с моих коленей и мчится в самый конец балкона, прислоняясь к металлическим перилам спиной ко мне.

В состоянии шока сижу молча, взвинченный и до сих пор заведенный, желая, чтобы мой стояк упал, глубоко дышу, чтобы успокоить учащенное сердцебиение. Что, черт возьми, только что случилось? Она была заинтересована. Знаю, что была. Ну и что же я сделал? Когда все пошло не так? Она сошла с ума?

Блин, очень надеюсь, что не сошла.

Тяжело моргая глазами, киваю головой один раз, пробегаюсь пальцами по волосам, прежде чем подняться на ноги и медленно подойти к ней сзади. Не знаю, что сделать и сказать. Должен ли я извиниться? Предложить уйти? Я каким-то образом переступил невидимую границу и испортил все еще до того, как началось.

Понимаю, что ее всю трясет и чувствую себя ничтожеством. Ее пробирает дрожь, и то, как сильно она обхватывает себя руками, преисполняет меня необъяснимым желанием утешить. Успокоить. Убедить, что произошедшее только что... Черт. Не знаю. Это было ошибкой?

Нет. Не для меня.

Она сожалеет?

Надеюсь, что нет.

Но Люси опережает меня.

— Прости, — легкий ветерок доносит ее шепот, голос у нее слабый и немного дрожащий. — Я вроде... запаниковала.

— Все нормально. — Тянусь к ней, удерживая руки над ее плечами секунду. Две. Три. Пока, наконец, не поддаюсь импульсу и не прикасаюсь к ней, легко и, надеюсь, безобидно. Слава богу, она не уворачивается. — Я слишком тороплюсь?

Люси трясет головой так сильно, что бьет меня своими волосами.

— Нет. Не знаю. Такого рода вещи... — Ее голос затихает, она резко вздыхает. — Я не занимаюсь этим.

Хмурюсь, не совсем понимая, о чем она.

— Ты не занимаешься чем?

— Этим. — Люси поворачивается ко мне лицом, опускает руки с талии и машет одной между нами. Я отпускаю ее плечи. — Этими делами, происходящими между мальчиками и

девочками.

Так. Какого черта? Она пытается сказать, что до того, как встретила меня, была лесбиянкой или что-то в этом роде? Не то, чтобы я стану хуже о ней думать. Вообще-то, это даже как-то заводит, показывая, что я — недоумок, находящий лесбийские игры особо возбуждающими. Подайте на меня в суд.

— Я не совсем тебя понимаю.

Она издает тихий расстроенный стон, кажущийся мне невероятно сексуальным. Практически все, что она делает, сексуально.

— Я никогда... ну, ты понимаешь. — Еще один мах между нами, ее пальцы в опасной близости от моего члена. — С парнем.

Минуточку.

— Ты никогда не целовалась с парнем?

— Естественно я целовалась с парнем. — Люси закатывает глаза. — Много раз, чтоб ты знал.

Хорошо.

— Но я никогда, э-э. — Она прикусывает губу, озираясь по сторонам, словно избегает моего взгляда. — У меня никогда не было, ты знаешь.

Беспокойство охватывает меня. Кажется, я понимаю, куда она клонит. И если она скажет то, что, я думаю, собирается сказать, мне ничего не останется, как уйти.

Так ведь?

— У тебя никогда не было... чего? — произношу каждое слово спокойно и медленно, желая убедиться, что правильно ее понимаю.

— Секса.

Глава 7.2

Люси

Слегка шокированный взгляд на его красивом лице очень смешон. Не то, чтобы мне смешно. Я не должна смеяться. В этом нет ничего забавного. На самом деле. Я всего лишь поделилась самым большим секретом, одним из самых унижительных.

Но у меня вырывается смешок и, похоже, уже не могу больше контролировать себя. Следует еще один смешок. Затем еще один. Пока не начинаю нервно смеяться, в то время как Гейб стоит там и пялится на меня с этим напуганным, неверящим выражением лица.

— Люс, — в конце концов, произносит Гейб, звуча так же изумленно, как и выглядит. — Ты серьезно?

От его тона перестаю смеяться.

— Хм. — Выпрямляюсь. Смотрю ему в глаза. — Да?

Он хмурится.

— Ты произнесла это как вопрос. Мне кажется, ты не знаешь наверняка, девственница ты или нет.

Ого. Он выплевывает это слово так обыденно, как будто это не важно, тогда как это имеет огромное значение. Безумная, невероятная вещь, потому что, господи, мне двадцать один год. Я не должна быть девственницей. Я — взрослая женщина. Зрелая.

Взрослая, зрелая женщина, у которой никогда не было секса.

— Я совершенно точно девственница, — заявляю, поморщившись. Ненавижу произносить это слово. Слишком много стоит за ним. Стереотип, имидж, клеймо позора.

То, как он пятится от меня с поднятыми руками перед собой, словно сдается, дает мне понять, что ситуация решенная. Он закончил.

Со мной.

Боль, разливающаяся внутри, просто поразительна, и не в хорошем смысле.

— Я, хм. — Он спотыкается о собственные ноги, и я почти желаю ему упасть на задницу. Я зла. По-настоящему. — Н-да. Не уверен, что смогу справиться с этой ситуацией, Люси.

Он даже использовал слово «ситуация», словно может читать мои мысли. Устало вздыхаю.

— С какой ситуацией?

— Справиться с твоим статусом девственницы. Знаю, я веду себя, как мудака, но послушай меня. Я хочу сказать, ты хранила ее так долго, верно? — Он останавливается, пялясь на меня вытаращенными глазами. Бедный парень выглядит потрясенным, не то, чтобы мне его жаль. — Значит, ты дорожишь ею, ценишь свое тело, и это круто. Я все понимаю. Конечно, я не знаю, каково это, но думаю, могу понять. Ты, вероятно, мечтаешь влюбиться в хорошего парня и отдать ее ему, я прав?

Ничего не отвечаю, так как он говорит правду. Таким всегда был план. Из-за нее и парализующего страха позволить парню буквально использовать мое тело для секса, и, обрюхатив, оставить меня далеко позади.

Да, мамино прошлое произвело неизгладимое впечатление на меня.

— Я не твой хороший парень, — продолжает он низким голосом, тут же отводя от меня взгляд. Словно ему неловко делать такое признание. По крайней мере, он честен. — Я не тот чуткий парень, который оценит твою девственность и взамен предложит любовь. Будь моя воля, прямо сейчас ты была бы уже голая на этом диване, а я был бы похоронен глубоко в тебе.

Ох. Что ж. Что может быть лучше суровой правды, чтобы оставить боль глубоко внутри меня. От образа, вызванного его словами, у меня в прямом смысле пульсирует между ног.

Гейб проводит рукой по подбородку, а сам разглядывает меня, его взгляд пылкий. Тяжелый. Мне хочется исчезнуть с того места, где стою, но, задрвав подбородок, продолжаю оставаться на месте и пристально смотрю на него в ответ. Я не стану стыдиться из-за моего признания. Да, я — аномалия. Но это не значит, что я какой-то уродец. Ему просто придется смириться с этим.

И если хочет решить этот вопрос, просто уйдя, то после всего он — парень не для меня.

— Но я не собираюсь трахнуть тебя и уйти, — заканчивает он хриплым голосом. Определенно никаких обещаний. Парень просто-напросто честен. — Это все, что между нами может быть. Легкий курортный роман. Это все, что могу предложить. — Он разводит руки, как будто предлагая себя мне. — Это все, что у меня есть.

Я ничего не говорю. Без понятия, как реагировать. Я дышу маленькими отрывистыми вздохами и понимаю... я взволнована. Возбуждена.

От мысли, что он предлагает. От того, что хочет сделать со мной, от того, как легко произносит слово «трахать», говоря, что хочет быть внутри меня.

Нельзя отрицать, Гейб хочет меня. И я тоже хочу его. Несмотря на мою девственность и данное себе обещание сначала закончить школу и колледж, а потом уже сосредоточиться на своей личной жизни.

Он — первый парень, заставивший меня испытывать такие чувства. Такие, что забываю

об осторожности и позволяю ему делать со мной все, что ему хочется, и к черту последствия.

Я не такая. Я осторожная. Осмотрительная. Я задумываю, планирую и делаю то, что должна. Веду себя тихо и не создаю проблем. Но от одного лишь взгляда Гейба мне хочется любых неприятностей.

Но только с ним.

— Кто говорит, что у нас не может быть курортного романа? — спрашиваю, наконец, отчего он вскидывает голову и снова встречается со мной взглядом.

— Что ты имеешь в виду? — Судя по голосу, он насторожен.

— Скажем так. — Делаю шаг к нему. Затем еще один. Как будто у него есть гравитационное поле, и я не могу сопротивляться ему. — Должны ли мы будем... вступить в интимные отношения? — Звучит слишком формально, но у меня язык не поворачивается сказать Гейбу «трахаться». Это так грубо. — В целях поразвлечься и позажигать этим летом?

Его глаза расширяются, кажется, я его шокировала, что достаточно забавно. Он не ожидал, что я скажу такое.

— О чем ты говоришь?

— По-моему, ты прекрасно понимаешь, о чем я. — Ладно, не могу поверить, что только что сказала. Кто я? Серьезно, что делаю, предлагая этому парню завести курортный роман. — Только... без настоящего секса. — Да уж, я превратилась в одну из тех девушек. Но зачем? Что такого в этом парне, что сдаюсь так быстро? Он великолепен. Не скучен. Очарователен. Мне кажется, он сводит меня с ума.

В этом дело? Я ему нравлюсь, поэтому мне кажется, что я должна пойти с первым привлекательным парнем, которому нравлюсь, прежде чем оттолкну его всеми этими разговорами о девственности? Я в таком отчаянном положении?

Что-то вроде.

Дерьмо. Мне не нравится думать, что я в отчаянии.

— Что? Так ты согласна на все, но не на реальный акт? — Он качает головой, неверие написано на его выразительном лице. Он открывает рот, словно хочет что-то сказать, но я прерываю его, боясь услышать то, что бы это могло быть.

— Неважно. Забудь об этом. Забудь, что я даже предлагала, — слова торопливо вылетают из меня, и я зажимаю рот, чтобы замолчать, он делает то же самое. Гейб пристально смотрит на меня.

Я смотрю на него.

Затем, не сказав более ни слова, он проходит мимо меня, через спальню, через весь дом...

Он оставляет меня без единого слова.

Шанс. Упущен.

Мое сексуальное приключение на лето?

Официально завершилось.

8 глава

Люси

— Отстойно быть отвергнутой. — Я тяжело дышу, и удивлена, что вообще могу говорить, учитывая, насколько измотана.

В то время как, что весьма раздражает, рядом со мной бежит Сидни, совершенно не напрягаясь. Не потея, не сбивая дыхания, ничего.

Ненавижу ее.

Вообще-то нет.

Сидни посылает мне косой взгляд.

— А то я ничего не знаю об этом, — бормочет она.

Не такой ответ я ожидала. Увеличиваю темп, чтобы поспевать за ней. Она высокая. Не такая высокая, как ее красавец-брат, но у нее только ноги почти как все мое тело, а значит, у Сидни длинный шаг.

— Кто тебя отверг? — спрашиваю, задыхаясь, догнав ее.

Сидни бросает еще один взгляд, говорящий «дай мне передышку».

— Почти каждый колледж, куда в этом году я подала заявления.

Мне известно, что она младше меня, но не знала, насколько именно.

— Ты только что окончила школу? — Боже, у меня начинает колотить в боку. Наверное, из-за выпитой ранее воды, когда мы ненадолго остановились. Эта девушка что, вообще не устает?

— Ага. И моя мама вынудила меня подать документы во все университеты, какие есть, но только из Лиги Плюща. Что я и сделала в полной уверенности, что хотя бы один из них примет меня. Ни один не принял. — Она качает головой, ее разочарование осязаемо.

Ауч. Это отстой. Мне пришлось остаться в Калифорнии. Зная, что не смогу получить полную стипендию, а без нее не смогу позволить себе расходы в другом штате.

— И что ты собираешься делать?

Сидни наконец-то останавливается, это такое облегчение для меня, что почти падаю. Я стараюсь справиться с совершенно новым комплексом упражнений, который придумала, чтобы отвлечься, и он очень тяжелый.

Чрезвычайно тяжелый.

Особенно, если все, что я хочу — валяться в постели и заново переживать произошедшее с Гейбом и вчерашнее. Кстати о неприятном ...

— Первый курс буду учиться в местном колледже, а потом переведусь. — Страдание на лице Сидни не вызывает сомнений. — Еще один год с родителями, и я свободна.

— Все так плохо? — спрашиваю осторожно. Обвожу взглядом по большей части пустынный пляж, гадая, где все. Учитывая, что сейчас только восемь утра, полагаю, большинство либо еще в кроватях, либо уже на работе.

Сидни хрюкает, на самом деле хрюкает.

— Даже хуже. Брат не рассказывал тебе?

Сохраняю лицо намеренно равнодушным.

— Без понятия, о чем ты.

— Я тебя умоляю. — Она закатывает глаза. — Ты пала жертвой его обаяния. Как и все, в конечном счете.

Чувствую себя заметно ошетилившейся, мои воображаемые перья взъерошены, как у злобной птицы.

— Я не пала жертвой его обаяния.

— Нет? — Сидни выгибает бровь, губы кривятся в легкой усмешке, что напоминает мне Гейба.

Тьфу.

Тяжело выдыхаю.

— Ладно. Мы можем сделать перерыв в этом забеге и поговорить?

— Поговорить о том, что ты спала с моим братом? Э, нет. — Она трясет головой, а я смеюсь.

— Я не спала с твоим братом. Мне нужен отдых. Бег — отстой. — Я плюхаюсь на песок, мечтая о бутылке воды.

Сидни садится рядом, слегка задевая своим коленом мое.

— Ты серьезно? Значит прошлым вечером ты не перепихнулась с моим братом?

Это унижительно. Мне совсем не хочется рассказывать всю правду — привет, я — девственница, — но также и не хочу, чтобы она думала, что у меня был секс с Гейбом. Или еще хуже. Не хочу, чтобы она узнала, что я предложила себя, как какую-то непонятную жертву, а он отказался от нее. Более того, он убежал из дома, словно я объявила, что у меня ЗППП или что-то в этом роде.

И она еще говорит о неприятностях. И унижении.

— Я не спала, — заявляю ей, набирая горстку холодного песка и просеивая его сквозь пальцы. — Кажется, я его отпугнула.

— Моего брата ничем не спугнешь. Если он нацелился на тебя, то не сдастся, пока это не произойдет, — с уверенностью говорит Сидни.

— И когда ты говоришь «это», что конкретно ты имеешь в виду? — Собираюсь с духом, ожидая ее ответ.

— Послушай. — Я поворачиваю голову и встречаюсь взглядом с Сидни. Она звучит так серьезно. И так же выглядит. — Он — настоящий игрок. Поэтому, если ты ищешь кого-то покувыркаться, он — твой парень. Если же хочешь чего-то серьезного, тогда, я бы сказала, беги. Люси, ты мне нравишься. Поэтому говорю, беги в любом случае. Гейб — тот еще подонок.

У нее добрые намерения, но ничего не могу поделать с болью, колющей мое сердце. По отношению ко мне он ни разу не вел себя, как подонок, не так, чтобы очень. Он был забавным и милым. И казался заинтересованным. Очень заинтересованным. Именно я все испортила, сказав ему правду.

Не нужно было ничего говорить ему. Кто вот так выдает, что он девственник? Я ведь не знаю его настолько хорошо, чтобы выкладывать сходу серьезные вещи. Вынуждая сбежать.

В буквальном смысле.

Должно быть, Сидни что-то чувствует за моим молчанием или может по выражению моего лица. Кто знает? Но она сразу же понимает, что оно не к добру.

— Он уже как-то обидел тебя, я права? Прошло всего несколько дней, как он наконец-то набрался храбрости поговорить с тобой. Ты в курсе, что он наблюдал за тобой почти две недели.

— Да. — Пожимаю плечами, чувствуя себя глупой. Разочарованной. Было забавно знать, что он наблюдает за мной. И устраивать шоу. Мне нравилось, что богатый парень не сводит с меня глаз. Более того, мне нравилось ощущать на себе его руки и губы. — Оно и к лучшему, что ничего не было.

— Определенно. — Сидни дотягивается и ненадолго накрывает мою руку своей. Я поднимаю на нее взгляд и улыбаюсь. Приятно иметь друга. Она на несколько лет младше, но мне она нравится. Она милая. Забавная. Единственный ее недостаток в том, что ей удается долго бегать и без особых усилий. Ага, можно сказать, ненавижу ее за это...

Но могу простить ей это.

— Так о чем ты говорила раньше? — Сидни отпускает мою руку. — Ты упоминала, что тебя отвергли. Ты хочешь сказать, что это мой брат отверг тебя?

Не желая объясняться, киваю. Боюсь, что могу показаться готовой заплакать или сделать что-то такое же глупое. Нужно взять себя в руки. Нужно забыть о том, что он казался таким поглощенным мною, а потом полностью переменялся и позволил мне камнем пойти ко дну. С тех пор я его не видела. Прошло два дня с того рокового вечера, а я даже мельком не видела его снаружи или как-то еще.

Это странно. И жутко. Где он мог быть? Избегает меня? С чего бы ему переживать?

— Что случилось? — Только открываю рот, чтобы ответить, но она машет руками, словно отговаривая меня. — Забудь. Не хочу знать. Слишком много деталей сведут меня с ума.

— Никаких неприличных деталей, поверь мне. — И я выдаю ей краткую версию, многое опуская. Про поцелуй и тисканье, равно как и про признание, что я — девственница. То есть, я рассказала ей про все, что случилось, примерно за одну минуту.

— И затем он просто ушел? Ты уверена, что все мне рассказала?

— Все самое важное. — Поднимаюсь, стряхивая песок со своей задницы. — Пошли обратно. Я замерзла. — Ложь, но из-за сильного ветра этим утром Сидни может поверить мне.

— Не важно. — Она тоже поднимается. — Это нормально, если ты не хочешь

рассказать мне все. Я понимаю. Он — мой брат. Мне бы тоже не хотелось быть в курсе всего.

— Верно. И спасибо, Сид. — Я улыбаюсь ей. — За то, что дала мне выговориться.

— Без проблем. Может нам стоит встречаться каждое утро, как тебе? Это хорошо для нас обеих. — И начинает удаляться, она уже далеко впереди меня, и я спешу за ней, чтобы не отстать.

— Только, если пообещаешь сбавить темп и принять во внимание мою ненатренированную задницу, — кричу ей вдогонку.

Сидни смеется, и ничего не могу поделать, смеюсь в ответ.

Хотя и подразумеваю каждое слово.

## Глава 8.2

### Гейб

Я на очередном паршивом ужине с родителями в загородном клубе. В том же самом, где мы были несколько дней назад, когда я встретил девушку. Ту, с которой мама пыталась меня свести. Ее зовут Одри. Юная, симпатичная блондинка, улыбающаяся и смеющаяся над всеми моими шутками, при этом хлопая передо мной накладными ресницами. И которая пыталась схватить мое бедро не один раз, а дважды, и в какой-то момент мне стало интересно, действительно ли она собирается схватить меня за член.

Но из-за Люси я тут же выкинул ее из головы. Я не был заинтересован в Одри. Я хотел Люси. Но теперь, когда знаю, что она — девственница, и отверг ее предложение закрутить курортный роман без интима, я не могу и дальше мечтать о Люси. Она под запретом. Не для меня. Мне нужно найти кого-то другого.

Например, Одри.

Весь вечер мы флиртуем. Мы шутим. Мы пьем. Много.

Мы пьяны.

Она уже практически висит на мне, а моим родителям все равно. Они в своем собственном маленьком мирке, да и, кроме того, я с девушкой, заслужившей их одобрение. Я, наверное, мог бы вытащить ее грудь и продемонстрировать, как награду, а они бы поаплодировали и заявили: «удачный выбор, сын».

Так. Я упился в хлам, если обдумываю, как оголю ее буфера. Одри часто смеется. И ее смех не приятный. Я вспоминаю, как мило рассмеялась Люси, как только призналась про свою девственность.

Траханая девственница.

Погодите, не так. Девственницы не трахаются. Поэтому они и девственницы. Я не могу быть ответственным за это. Люси — хорошая девушка. Она хранила себя для правильного парня, я же не такой. Я — мудака, путающийся с богатыми цыпочками с фальшивыми грудью, носом и ресницами. Такими, как Одри.

— Давай выйдем, — шепчет мне в ухо Одри, ее рука тянется прямо — ага, вы поняли — к моему члену. Он реагирует, потому что, в конце концов, это мой член, и ему нравится, когда к нему прикасаются, особенно девушки. Она улыбается, ее блестящие губы широко растянуты, она выглядит ужасно довольной собой. — Я позволю тебе трахнуть меня у бассейна. Никто не заметит нас.

Ладно, она ставит вопрос ребром, так? Встаю, как и она, мы идем через обеденный зал

загородного клуба в сторону дверей, ведущих к бассейну на улице.

Наши родители полностью погружены в свои собственные разговоры и даже не замечают наш уход. Сидни нигде не видно. Без понятия, куда она пропала, но маленькой ведьме повезло, и сегодня ей даже не пришлось идти на ужин с нами. Типа у нее появилась новая подруга, и она собиралась поужинать с нею.

Не важно. Мне плевать, чем занимается Сидни. Все, что меня волнует — распускающая руки блондинка, которая продолжает хватать меня за член. Мы едва вышли, во дворике все еще кругом толпятся люди, большинство из них сгруппированы в кружки и курят. Одри хватая меня за руку и ведет в сторону заграждения у бассейна, с легкостью открывая ворота, и улыбаясь мне через плечо, пока тянет к одному из шезлонгов и толкает на него.

Я неуклюже распластываюсь на проклятой штуковине, голова идет кругом, руки широко раскинуты. Она падает на меня сверху, выбивая из меня дух, ее рот находит мой, ее поцелуй мокрый, а рука снова на моем члене и крепко его сжимает, в то время как она извивается по всему моему телу.

Да уж. Я совершенно не впечатлен.

Берусь за ее костлявые плечи и отталкиваю от себя. Она открывает глаза и свирепо смотрит, ее челюсть отвисла так, что дает мне понять, она в бешенстве.

— Что ты делаешь? — уже заплетающимся языком.

— Ты очень пьяна. — Улыбаюсь, смягчая отказ. Не хочу, чтобы она почувствовала себя оскорбленной. — Я тоже пьян. По-моему, это плохая идея.

— О-о-о. — Одри надувает губки, уверен, она думает, это очаровательно. Нет. — Ты заботишься о моих чувствах? Не хочешь воспользоваться пьяной девушкой?

— Ну да. — Она говорит так, будто это что-то плохое. — Я хочу, чтобы мы оба были возбуждены, не настолько пьяны, что не понимаем, что делаем.

Одри наклоняется ближе, ее рот прямо над моим, рука тянется к члену. Опять. Она настолько приставуча, что он опадает.

— Я абсолютно точно знаю, что делаю. Я хотела трахнуть тебя с тех пор, как впервые увидела тебя, Гэбриэл Уолкер. Так что давай сделаем это.

Я шокирован ее небольшой речью. И отсутствием нетрезвого бормотания в голосе. Она играла со мной. Не настолько уж она и пьяна. И точно знает, чего хочет.

И хочет она меня.

Когда я ничего не говорю, она сверкает самодовольной улыбкой и начинает скользить вниз по всему моему телу, ее пальцы тянутся к ремню моих шорт.

— А теперь давай начнем вечеринку, и для начала я отсосу тебе.

Воу. Эта девушка невероятна. Я совершенно неправильно ее оценил.

— Может, не прямо сейчас...

Она приходит в ярость, раздражение превращает ее лицо в уродливую маску.

— Почему нет? Ты гей или что?

— Что? — Я сажусь и почти скидываю Одри с колен. Она падает, но, как кошка, приземляется на ноги. — Я отказался от минета, и сразу же я — гей?

— Почему еще тогда ты не захотел, чтобы я сделала тебе минет? Я думала, между нами пробежала искра.

Я резко и громко выдыхаю, трясую головой, отчего она еще сильнее кружится. Чертова водка. Она меня в могилу сведет.

— Прости, Одри. Просто у меня... иногда от виски не стоит.

Такого никогда не случилось. Но то, чего она не знает, не ранит ее.

Одри упирает руки в бедра и закатывает глаза.

— Мужчины. Вы все одинаковые. Даже не верится, что ты отказываешься от добровольного минета. — Она толкает меня в плечо, и я падаю обратно на шезлонг, словно неустойчивый недоумок. Со смехом она разворачивается на своих каблуках и уходит, покидая бассейн и, не сомневаюсь, направляясь обратно в бар.

Мне стоит последовать ее примеру. Не буквально, но пойти и еще выпить. Утопить свои печали в бутылке, чтобы стереть воспоминания. Чтобы не вспоминать, как выглядела Люси два дня назад. Запах ее кожи, ее волос, как она ощущалась в моих руках, вкус ее губ, очень нежную кожу груди чуть выше кружева бюстгальтера. Черт.

Черт.

Мой член оживает от одной только мысли о ней. И никакого пьяного нестояка. Скорее похоже на стояк от Люси.

Я точно сошел с ума.

Неуверенно поднимаюсь на ноги, мысленно убеждаю взять себя в руки и вернуться назад в клуб. В вестибюле застаю родителей, они уже готовы уйти.

— Вот ты где! — восклицает мама, несясь мне навстречу, ее розовые губы искривлены в неодобрении. Ее недовольство ударяет меня, словно пощечина, меня ждет выговор.

Боже, сколько мне? Десять?

Мама посылает мне взгляд, прежде чем подходит ближе и шепчет мне на ухо:

— Куда подевалась Одри?

Пожимаю плечами и отодвигаюсь от нее. Мне не нужно, чтобы она учуяла от меня запах. Она как ищейка.

— Откуда мне знать?

Мама излучает неодобрение, хотя не говорит ни слова. Ей и не надо. Когда она злится, она внушает ужас. Просто спросите у Сид.

Просто спросите у меня.

Я следую за мамой, словно меня только что подловили за нарушением правил, и теперь у меня большие неприятности. Вплоть до домашнего ареста. Отец разговаривает со своим приятелем, оба громко смеются и похлопывают друг друга по спине. Мы ждем на улице, когда будет подана машина, и когда ее подадут, забираюсь на заднее сиденье и собираюсь с духом перед лекцией.

Которая скоро начинается. Мы даже еще не выехали за пределы загородного клуба.

— Ты пьян.

— Не так сильно, как хотелось бы, — бормочу сквозь зубы.

— Ты слишком много пьешь, — ледяным голосом парирует мама.

Пожимаю плечами.

— Как и вы с отцом.

— Мы взрослые. Кроме того, мы пьем только за компанию.

— Эй, знаете что? Я тоже взрослый и мне нравится выпивать, общаясь с людьми.

Полагаю, я такой же привилегированный, как и вы, — я возражаю, даже не задумываясь, разозлю ее или нет. Я такой пьяный.

Такой глупый.

Она поворачивается и испепеляет меня взглядом.

— Во время ужина ты был довольно груб с Одри.

Это смешно. Если кто и был груб, то это Одри, учитывая, что она постоянно пыталась схватить меня за промежность. У девушки все мысли только о сексе. В этом нет ничего плохого. Обычно я только за. Но не в этот раз. Не тогда, когда у меня все мысли только о Люси.

— Каким образом я был груб? На протяжении всего ужина я был рядом с ней. — Откидываю голову на сиденье, уставившись в потолок машины. Не знаю, сколько раз мне читали такие лекции. Вы подумаете, что уже должен бы привыкнуть к ним.

Но не привык. Просто меня бесит, что она обращается со мной, как с ребенком. Они оба. Ненавижу. Они так же обращаются и с Сидни, но, черт возьми, она, во всяком случае, все еще живет с ними. Бедняге придется еще один год потерпеть, учитывая, что она будет учиться два семестра в местном колледже. Мне жаль ее.

Мне жаль нас обоих.

— Ты исчез вместе с ней, а когда я нашла тебя, ты был уже без нее. Что произошло, ты потерял ее? Ты вообще знаешь, в безопасности ли она? Что ты за джентльмен?

От ее непрекращающихся вопросов у меня болит голова. Как будто ей не наплевать на Одри. Скорее она боится, что Одри расскажет своим родителям, какой я — кусок дерьма, и это плохо отразится на них.

— Я видел ее в баре, прежде чем мы уехали из клуба, мама. — Поднимаю голову, чтобы посмотреть на нее, но, слава Богу, она смотрит прямо перед собой, а не на меня. — Так что не пытайся заставить меня почувствовать себя плохо из-за того, что я ее бросил. С ней все в порядке.

— Хм. — Мама замолкает на мгновение, тишина похожа на благословение. Я закрываю глаза, наслаждаюсь наступившей тишиной, пока отец давит на газ или жмет тормоз, как она опять заговаривает. — Одри — не та самая для тебя.

Даже не спорю с ней. Никто из них не для меня. Никто из них никогда не будет для меня. Я лучше буду жить один и никогда не подарю маме внуков, чем соглашусь с ее выбором. Она хочет распланировать все мое будущее, вплоть до девушки, на которой я женюсь.

Я не позволю ей. Я отказываюсь. И она ненавидит это. Что бы она сделала, если бы я привел домой девушку, которую бы точно не одобрила? Мама бы на хрен спятила, вот что.

Мне в голову приходит мысль. Люси заставит маму слететь с катушек. Да, она — богатая девушка, как и все остальные, живущие в этом закрытом сообществе, где мы остановились, но она из тех, кого мама называет «новыми деньгами». Иначе, вульгарные деньги. Из-за суперсовременного дома (так нетрадиционно), отсутствующего отца, разведенного с бедной матерью (от слова «развод» мама содрогается), и не «белого» происхождения (клянусь, мама мечтает, что я женюсь на прямом потомке приехавших на «Мэйфлауэре») мои родители возненавидят Люси, как только увидят. Не то, чтобы я собирался встретиться с ней еще когда-нибудь. Не в этом смысле. Я скорее всего облажался.

По-крупному.

Но я бы никогда и не подверг ее такому обращению, даже если бы и продолжил видеться с ней... в этом смысле. Ни в коем случае. Я — засранец, но не подлый. Я бы не стал использовать Люси.

Никогда.

Люси

— Как дела, коротышка? — Гейб взъерошивает мои волосы, я посылаю ему насмешливый взгляд, а он только лишь ухмыляется в ответ.

Мое сердце замирает. Ладно, может оно делает ударов пять, и я должна бы рухнуть на песок от клинической смерти. Но каким-то образом держу себя в руках. Притворяюсь, что его улыбка и чрезмерная привлекательность не имеют для меня никакого значения. Он здесь, на пляже, вместе с Сидни и мной, потому что гоняет нас по нескольким упражнениям.

Предполагается, теперь мы просто друзья.

Оказалось, что старший брат Сидни — футболист, и когда занимается, подвергается усиленным, интенсивным тренировкам. Как-то раз он поймал нас за пробежкой на пляже. Сидни, почти не вспотевшую, и меня, плетущуюся за ней и тяжело дышащую, словно вот-вот потеряю сознание. Он, естественно, выглядел, как золотой бог, без рубашки, в низко сидящих на бедрах баскетбольных шортах и грудью, блестящей от пота.

Мне захотелось потереться об эту влажную грудь.

Насколько я больная?

Чертовски больная.

Он начал расспрашивать нас. И следующее, что я помню — он руководил реально осуществимой программой упражнений, которая не заставляла меня чувствовать, словно я сама себя пытаю, находясь под влиянием всего. И уже в конце дня у меня болели мышцы, что говорило, я действительно их задействовала.

Это было своего рода круто.

А еще круче? Видеть его изо дня в день, каждое утро, как правило, ни свет ни заря — Сидни была поражена, видимо, он — любитель поспать подольше, — всегда голого по пояс, с потемневшим от золотистой щетины подбородком и голубыми глазами, которые, казалось, смотрели прямо в самую глубину меня каждый раз, стоило мне поймать его пялящимся на мою задницу.

А я часто ловила его пялящимся на мою задницу.

В конце первого дня он подошел ко мне и спросил, не против ли я, если мы будем проводить время вместе. Беспокоит ли это меня? Потому что он отступит, если я откажусь.

Никоим образом не хотела этого. Не хочу упустить еще один шанс наслаждаться его присутствием. Поэтому делала все возможное, чтобы казаться невозмутимой, сказав, что для меня не проблема проводить время с ним.

Нет, никаких проблем.

Мы никогда не упоминали наш последний совместный вечер. Об этом лучше молчать, хотя в тайне хотела объяснений. Извинения. Как только поняла, что этого никогда не произойдет, я согласилась на нашу новую дружбу и позволила называть себя коротышкой. Хотя безумно ненавидела эту, прости господи, убогую кличку. Однако пережила это. И просто наслаждалась нашим временем вместе, насколько это возможно.

Даже несмотря на то, что он мучил меня. И называл глупым прозвищем. И выглядел так чертовски хорошо, что мне хотелось облизать его.

Боже.

— Мы почти закончили, — кричит он, напоминая, что у него для нас с Сидни припасены еще три подхода по двадцать приседаний, прежде чем закончим на сегодня.

Ненавижу приседания. Как и Сидни. Но мне нравится, как после этого ощущаются мышцы живота, клянусь, я вижу разницу, хотя прошло всего шесть дней.

Скорее всего, мне кажется. Но все нормально.

Сидни, словно умирающая рыба, плюхается на землю рядом со мной.

— Он прям сержант-инструктор по строевой подготовке, — шепчет она.

— Я все слышал, — кричит Гейб, и мы начинаем смеяться.

Мне действительно нравится Сидни. Мы подружились за считанные дни, проводя вместе много времени. Она плавала со мной, по вечерам мы вместе смотрели кино. Ее мама не очень это одобряет, но и не говорит «нет», поэтому Сидни делает все, что хочет. Мне кажется, она ненавидит находиться дома, поэтому для нее я — повод для побега. Как и для Гейба, думаю. Пока не осознал, что не хочет зависать с девственницей. Я хоть ездить умею.

Пожалуйста, скажите, что вы поняли отсылку.

— Ладно, давайте сделаем это. — Гейб хлопает в ладоши, как будто получает удовольствие от наших мучений, и мы с Сидни с громким стоном приступаем. Он считает каждое наше приседание глубоким сильным голосом, сводящим нас в могилу, подгоняя меня. Он ни разу не посмотрел на свою сестру. Гейб смотрит на меня, только на меня. Его пристальный жаркий взгляд ощущается, словно он в действительности прикасается ко мне, и я хочу доказать ему, что в состоянии справиться. Что смогу сделать эти дурацкие приседания, даже если они практически убьют меня.

— Хорошо, Люс, — говорит, останавливаясь прямо у моих ног. Он встает на колени, осторожно положив руки на мои колени, не разрывая ни на секунду наши взгляды, пока поднимаюсь и опускаюсь, поднимаюсь и опускаюсь. Я притворяюсь, что он не волнует меня, изо всех сил стараюсь сохранять и контролировать дыхание. — Так держать.

Я чувствую ожог от его прикосновения, как будто в буквальном смысле поджег меня. Он дальше не считает, как и я, но не Сидни. И в ту секунду, как она кричит «двадцать», я падаю спиной на песок, уставившись на ярко-голубое небо и жмурясь от солнца. Гейб до сих пор касается моих коленей, до сих пор сидит, скорчившись прямо передо мной, и ни с того ни сего я переживаю, что мои шорты выставляют на показ мои бедра. Что если он увидит сквозь них мои трусики? Я не хочу, чтобы он увидел мои скучные бледно-голубые хлопковые трусики.

Или хочу?

Ну, может и хочу.

— Ты — молодчина, — шепчет он тихим голосом, сжимая мои колени. Такое ощущение, что это прикосновение вызывает пульсацию в самом центре, я сжимаю бедра, гадая, может ли он прочитать мои мысли. Понять реакцию моего тела на его близость. Он так меня и не отпустил, и внезапно представляю, как он скользит этими руками по моим бедрам к той самой точке между ног, где горю из-за него.

Мне бы не стоило думать об этом. Он не для меня. Мне нужен правильный парень. А не боящийся обязательств засранец-потаскун Гейб.

— Спасибо, — наконец произношу, совсем чуть-чуть приподнимая голову, и понимаю, что он по-прежнему смотрит на меня, но сейчас его взгляд сосредоточен на моих губах. От предвкушения их поцелуя, я вспоминаю его поцелуй. Его умелый идеальный рот. Вот дерьмо, мне хочется, чтобы он еще раз поцеловал меня. Если бы Сидни здесь не было, уверена, он бы снова так и поступил ...

— Может вам двоим просто уже снять комнату? — Отвращение в голосе Сидни

отрезвляет меня, я сажусь, а руки Гейба падают с моих коленей, и он поднимается в полный рост. — Сексуальное напряжение между вами двумя чертовски смешно.

О чем она?

— Я, э-э, понятия не имею, о чем ты, — заикаюсь, стараясь из всех сил не смотреть на Гейба. Это просто слишком унижительно, особенно если все это односторонне, что, скорее всего, так и есть.

Она закатывает глаза и вскакивает на ноги, как всегда легко. Как же я завидую ее грациозной фигуре, длинным ногам, тонкой талии и стройным бедрам.

— Вы двое реально думаете, что можете строить из себя только друзей? Гейб, я вижу, как ты смотришь на нее, и меня от этого мутит. Я не хочу находиться посреди вашего порнографического танца или чего бы там ни было.

Порнографический танец? Сидни сошла с ума.

— Серьезно, Сид. Мы всего лишь друзья. Мы пришли к такому соглашению, — заверяю ее.

— Это липовое соглашение, и вы оба это знаете. Вы оба используете эти тренировки, как предлог проводить время вместе. — Стоит Гейбу открыть рот, чтобы заговорить, она тут же выставляет руку. — Даже не пытайтесь отрицать, мы все знаем, так и есть. Я подыгрывала всему этому, потому что здорово побыть с тобой, Гейб. Я никогда не получу большего, тем более, что большую часть года ты на учебе. И мне очень нравишься ты, Люси. Я считаю, ты милая. Но слишком милая для моего старшего брата. А ты, Джи, не достаточно хорош для нее. И ты знаешь это. Поэтому либо перестаньте топтаться около друг друга, либо уступите животным потребностям и просто сделайте это! Е-моё.

Сидни уходит, прежде чем мы успеваем даже пикнуть. Я слишком потрясена, слишком шокирована сказанным ею нам. Ее брату. Перевожу взгляд на Гейба, он выглядит таким же удивленным.

— Тебе все еще нужно сделать два подхода, — заявляет он в ее удаляющуюся спину.

— Займи мое место. Поприседай с Люси. Можешь прямо на ней или еще как-нибудь, — кричит Сидни что есть силы, и я морщусь от стыда.

Очень надеюсь, никто больше не слышал ее.

— Она сказала такое, чтобы просто разозлить меня, — говорит Гейб извиняющимся тоном, возвращая мне свое внимание. — Ей нравится выводить меня из себя.

— Она предложила нам поддаться животным потребностям, — шепчу я. Это звучит еще хуже, когда я произношу это, потому что имею в виду нас обоих. Вместе. Я повторяю «поддаться нашим животным потребностям». Другими словами, сексуальным.

Гейб смотрит себе под ноги, небольшая улыбка искривляет его губы, когда он усмехается.

— Настоящий шок с ее стороны.

— И это ее «поприседай на мне». — Мои щеки горят, стоит мне произнести эти слова. — Как будто такое вообще возможно.

— Она задала нам жару. Особенно мне. Ты просто попалась под руку заодно. — Он делает паузу, я молю, чтобы он не смотрел на меня. — Ты такая хорошенькая, когда краснеешь.

Проклятье, он смотрит на меня. Я пристально смотрю на него, смущенная его словами, кокетливым тоном.

— Я думала, мы договорились быть друзьями, — напоминаю ему.

— Друзьями, испытывающими животные чувства по отношению друг к другу, — заявляет он весьма весело.

Что абсурдно выводит меня из себя.

— Послушай, если мы не можем быть друзьями, тогда может нам вообще не следует общаться. — Хватаю небольшую пляжную сумку, которую бросила на землю, и пытаюсь уйти. Но он не дает, схватив меня за руку, прежде чем я пройду мимо, и останавливая меня.

— Я хочу быть твоим другом, — говорит Гейб, впившись пальцами в мое предплечье, и нежно поглаживая кожу большим пальцем. Мне хочется завопить, чтобы он перестал прикасаться ко мне.

Я хочу умолять его никогда не отпускать меня.

— Я-я тоже хочу быть твоим другом. — Поднимаю голову, встречаясь с ним взглядом. Он смотрит на меня, не как друг. Он смотрит на меня, как парень, который хочет меня, его взгляд по-прежнему на моих губах, пальцы расслабляются на моей руке, когда очень медленно притягивает меня ближе к себе. Как будто я не понимаю, что он собирается сделать.

Я понимаю. Прекрасно понимаю. Но не останавливаю его.

Не протестую.

## Глава 9.2

### Гейб

Притворство с тренировками подошло к концу. Сидни не глупая. Она видела насквозь мои мотивы и использовала их в свою пользу. Мне приятно, что она хочет проводить со мной время, и еще больше ценю, что озвучила это. Конечно, она — заноза в заднице, но я люблю мелкую. Мне нравится болтать с ней, проводить время. Есть только мы с ней против двух людей, называющих себя нашими родителями. Я нужен Сид. Она — моя сообщница.

Но то, что я лажу с сестрой — это бонус. Что я действительно пытаюсь сделать — это проводить больше времени с Люси. Наблюдая, как она бежит, прыгает, делает приседания и отжимания, и любые другие упражнения, и ее тело занимает необычные позиции, которыми я, чертов извращенец, наслаждаюсь. Пляясь на ее идеальные грудь и попку, безумно надеюсь, что она не догадывается об этом. Что думаю, я помогаю ей и Сидни по доброте душевной.

Скорее из-за отзывчивости моего члена. Хотя я и говорю сам себе, что это неправильно, у меня не получается держаться подальше от Люси. Мне до смерти хочется быть с ней. Где угодно, как угодно.

Я веду себя слишком дружелюбно, когда не следует. Прикасаясь к ней. Притягивая ближе. Глазая на ее совершенный, сочный рот. Боже, это же рот. Он по желанию превращается в небольшое пламя. Немного дерзкое. Забавное. Сладкое. Сексуальное.

Она размыкает губы, и выпорхнувший язычок быстро их облизывает, и боже, это сводит меня с ума. Я легко прикасаюсь костяшками к ее груди, полностью сосредоточившись на ее выдающихся буферах, желая сорвать футболку и точно узнать, что она прячет.

Я к тому, что все же имею представление. Я достаточно часто видел ее в бикини. Но мне хочется большего. Я хочу увидеть обнаженное тело. Иными словами, хочу увидеть обнаженную Люси.

Если бы она знала, о чем я думаю, наверняка бы залепила мне пощечину.

— Мы слишком увлеклись. — Она отходит от меня, и эта потеря ощущается, как удар

ножом по сердцу. Моя рука отрывается от ее руки, как только Люси отступает, создавая между нами дистанцию. Слишком большую дистанцию, но ни слова не говорю, не протестую, потому что не в праве.

Мне и правда нужно помнить свое место.

— Увлечлись чем? — Хмурюсь, пальцы до сих пор покалывает в том месте, где они соприкасались с ее кожей.

Люси делает еще один шаг назад от меня, словно ей на самом деле необходима дистанция.

— Ладно, несколько дней назад ты очень ясно дал понять, как относишься ко мне, сбежав из моего дома, даже не оглянувшись назад.

Последнее, что хочется вспоминать — как я повел себя тем вечером. Как полный кретин.

— Я запаниковал, — говорю в надежде, что она поверит мне.

Недоверчивый взгляд, которым она стреляет в мою сторону, говорит об обратном.

— Ты запаниковал. — Голос Люси бесцветный, почти безжизненный. — Гейб, от тебя никогда не услышишь другого слова. Ты просто прошел мимо, как будто я сказала, что у меня тяжелый случай остроконечных бородавок. Я не знаю, что делать, как реагировать. Ты — ты напугал меня.

Слова вырываются из меня, прежде чем успеваю себя остановить.

— Я напугал тебя? Это ты — та, кто заявил о своей девственности. А затем предложила себя так, словно это некое подобие сексуальной игры. Где только одно правило — никакого реального секса. — Как будто я могу сдержаться и не заняться с Люси сексом всеми возможными способами. Не думаю, что это было бы возможно. И как-то нет желания испытывать себя.

Абсолютно уверен, я нарушил бы это правило.

— Я не собиралась... вот так это выпалить. Я удивила тебя, но и ты удивил меня. — Стоит мне хмыкнуть, она тут же смотрит на меня. — Так и есть, веришь ты мне или нет. Клянусь, с тех пор, как я здесь, все стало так запутанно. За считанные недели вся моя жизнь перевернулась с ног на голову и никак не получается вернуть все на круги своя.

— Держу пари, не помогает и то, что твоего отца нет здесь. — Она бросает на меня странный взгляд, но я продолжаю: — Предполагаю, вы двое близки? Ты — папина дочка?

— Хм ...

— И его отсутствие здесь вдвойне тяжело, поскольку тебе бы хотелось спросить несколько советов. — Не останавливаюсь, я всего лишь делаю предположения, в чем весьма хорош.

— Мы не так уж и близки, — говорит она, и я удивлен. — Я вижу его не так часто. Он живет здесь, я живу с мамой, и хоть мы и не так далеко друг от друга, если говорить о милях, кажется, что у него никогда нет времени на меня. Он, как правило, слишком занят, работа и все такое. А в отпуск он уезжает с очередной фавориткой месяца.

— О. — Киваю. Я знаю множество таких отцов. Иногда мне кажется, что моему отцу хочется быть таким же. — Это отстой.

— Ерунда. — Она машет рукой, прогоняя по щелчку пальца любое упоминание об отце. Хотелось бы и мне так же легко отмахнуться от своей семьи.

Делаю глубокий вдох, решаюсь идти дальше.

— Послушай, Люс. Я должен извиниться за то, как повел себя тем вечером. Мне не

следовало бросать тебя. Это было неправильно, и я прошу прощения.

Она кажется пораженной моим извинением.

— Все нормально. Правда.

— Это не нормально, но надеюсь, ты простишь меня.

— Ты прощен. — Она снова машет рукой, стирая этим отпускающим жестом мои ошибки. — Давай двигаться дальше.

— Ты уверена?

Она сверкает хитрой улыбкой.

— Не сомневайся в моей благосклонности, Уолкер. Примерно через три секунды ты можешь опять оказаться в моем черном списке.

— Я буду молчать. — Поднимаю руки перед собой, благодарный за ее игривое настроение. Это то, что нужно. Я устал ходить на цыпочках вокруг нее, боясь сказать или сделать что-то не так. Или еще хуже, когда я так увлечен и пялюсь на нее, увиваюсь за ней, что забываюсь и лезу к ней с поцелуями или чем-то подобным. В то время как она определенно не хочет, чтобы ее целовали.

Хреново, что я по-прежнему хочу ее, несмотря на все сказанное. Если она поймает меня, увивающимся за ней, как потерянный щенок, я буду чувствовать себя идиотом. Я не привык отказывать себе в чем-то.

Особенно, что касается девушек.

## 10 глава

### Гейб

Неделю я не распускал руки. Семь дней подряд, что своего рода рекорд для меня. Ранее этим вечером я гордился собой. Повторяя себе, что пережил это, забыл ее и не нуждался в ней. Я даже пошел в бар. Днем я встретил на пляже компанию ребят примерно моего возраста и с того момента зависал с ними. Играл в волейбол, пил пиво, обгорал и усиленно флиртовал с какой-то девушкой.

И ни разу не подумал о Люси.

Они предложили мне встретиться с ними в местном баре, что я и сделал. И снова отлично провел время. Мы заказали гору закусок и выпили столько кружек пива, что я почувствовал себя запененным. То есть, утопил свои мозги в выпивке. Симпатичная девушка все еще флиртовала со мной, а я отвечал на флирт, несмотря на то, что был не так уж сильно и заинтересован. Почему, не знаю. Она была немного громкой. Еще одна блондинка, а я думаю, что закончил с блондинками. Потом вмешался какой-то другой мудака и увел ее прямо у меня из-под носа, и я даже не протестовал. И даже не пошел за ней.

Это показало, что все-таки не был серьезно заинтересован.

Моя гордость испарилась за минуту, и, не сказав никому ни слова, ушел из бара. Как будто они скучали бы по мне. Переживали из-за меня. Я только что познакомился с ними, компанией друзей из колледжа на юге, приехавших ради вечеринки в эти выходные. Некоторых девушек я заинтересовал, так как был новым лицом, но ненадолго. Они переключались на кого-то еще.

А я, кажется, не могу переключиться на кого-то другого.

И вот возвращаюсь домой, хотя нет еще и одиннадцати. Родители уехали на вечеринку к

друзьям, предупредив Сидни и меня, что не знают, когда вернутся обратно.

Подразумевая, что мы должны хорошо себя вести и даже не пытаться что-либо проверить в их отсутствие. Отец, прежде чем уехать из дома, даже выдал: «Без глупостей».

Взбесив нас.

Паркую машину и вхожу в дом через переднюю дверь, и как вкопанный остаиваюсь, заметив Сидни, вырубившуюся на огромном диване в гостиной, свернувшись калачиком под одеялом. Все лампы выключены, но телевизор с приглушенным звуком до сих пор работает.

А на противоположном конце дивана с вытянутыми перед собой ногами и с зажатым в руках телефоном — Люси.

Черт. Последняя девушка, кого хочу видеть.

Лжец.

Верно. Единственная девушка, которую хочу видеть. Никак не получается выкинуть ее из головы, как бы ни старался.

Люси поднимает взгляд, свечение от экрана телефона озаряет ее лицо, во рту становится сухо. Она выглядит безумно хорошенькой, независимо от того, что делает и где находится. Ее волосы собраны в высокий конский хвост, на ней белый топ, подчеркивающий загорелую кожу, и джинсовые шорты, демонстрирующие большую часть ног. Простой наряд, уверен, она без макияжа, и вот так просто, у меня стоит. Другими словами, я хочу ее.

Слабак.

Семь дней. Это все, что нужно, чтобы поддаться слабости. Потому что единственная моя слабость, кажется, — это Люси.

Ты еще не сдался, придурок. Будь сильным!

Быстро отрываю взгляд от ее ног и понимаю, что она наблюдает за мной с выражением легкого ужаса на лице. словно она не ожидала быть застигнутой здесь.

— Привет, — шепчет она.

— Привет. — Опираюсь о стену, в растерянности, что сказать дальше. У меня тут же проходит похмелье, и я трезв как стеклышко.

— Я думала, ты собирался куда-то вечером. — Она кривится, словно ей неприятно даже думать, что я на свидании с кем-то другим. Сомневаюсь, что она вообще понимает, что только что сделала.

— Я выходил. Но уже вернулся. — Указываю подбородком на нее. — Что ты здесь делаешь?

— Сидни пригласила меня. Сказала, что ваши родители на вечеринке, поэтому я пришла, и мы ели пиццу. Смотрели кино. — Выключается экран ее телефона, и только благодаря слабому голубому мерцающему свету от экрана телевизора я могу видеть ее.

— Она вырубилась? — Отталкиваюсь от стены и захожу в гостиную, замечая, как Люси вскакивает на ноги, одной рукой приглаживая волосы, а другой, засовывая телефон в задний карман джинсовых шортиков.

— Да. Мне пора. Я, э-э, наверное, засиделась. — Она заправляет выбившуюся прядь волос за ухо и пытается проскочить мимо меня, но я стою прямо напротив нее, руководствуясь чистым инстинктом.

И, может, немного заполнен «жидкой храбростью».

— Что за спешка? — Позволяю взгляду блуждать по всему ее лицу, всматриваясь в каждую прелестную черту, наслаждаясь тем, как она начинает нервничать. Означает ли это,

что она до сих пор ощущает? Ощущает то, что между нами назревало?

— Твои родители скоро вернуться?

— Нет. — Качаю головой. — Зная их, они будут отсутствовать еще какое-то время. Им нравятся вечеринки. — Я тянусь и касаюсь ее руки, проводя пальцами по по-детски нежной коже. — Хочешь, я провожу тебя до дома?

— Нет. Не надо. — Она качает головой, на лице робкая улыбка.

— Так ты говоришь, что предпочитаешь остаться здесь со мной?

Ее рот широко открывается, и меня переполняет искушение поцеловать ее.

— Это... возможно, не очень хорошая идея.

Эта девушка не глупа. Ей понятно, что я избегал ее. Блин, она, скорее всего, тоже избегала меня. Никаких больше утренних тренировок на пляже. Если они с Сидни собирались вместе, то никогда не оставались здесь. Я также прекратил наблюдать за ней у бассейна. Это было просто сладкой пыткой.

— Возможно, ты права. — Я чешу свою грудь, не обращая внимания, что мое сердце начинает биться быстрее. Проклятье, это из-за ее близости. Кажется, я не могу остановиться. — Но иногда плохие идеи могут оказаться хорошими.

У Люси вырывается маленький смешок.

— Я и забыла, каким очаровательным ты можешь быть.

— Ты считала, я был очаровательным? — Я даже и не пытался.

— Я думаю, практически все, что ты делаешь, очаровательно. — Она сжимает губы после этого щекотливого признания.

Улыбаюсь.

— Останься ненадолго. Посмотри телик со мной. Мне нужно отдохнуть.

Она хмурится.

— Отдохнуть от чего?

— Останься со мной, и я обо всем расскажу тебе.

Люси переводит взгляд на мою сестру.

— А Сид?

— А что с ней?

— Что, если она проснется? — Она снова смотрит мне в лицо.

— Не проснется. Сид спит как убитая. Как и я.

Она кусает нижнюю губу, размышляя над моим предложением, мне безумно хочется, чтобы она сказала «да».

— Спасибо за приглашение, но... я не могу, Гейб. Мне лучше уйти.

Меня переполняет разочарование, но забываю о нем.

— Тогда позволь хоть проводить тебя до дома.

— Думаю, я и сама дойду. Это же соседний дом.

— Это небезопасно, — возражаю я. — К тому же очень поздно. — Эта внезапная, почти подавляющая потребность защищать ее, быть уверенным, что она в порядке, поражает меня. Заставляет чувствовать себя неуверенно.

— Еще нет даже одиннадцати, — произносит она, слегка закатывая глаза. — Со мной ничего не случится. Правда. Снаружи нет никакой «бабайки», поджидающей меня.

— Ты не знаешь этого наверняка.

— Гейб, ты ведешь себя глупо. — Она начинает обходить меня, но я опять преграждаю ей путь, останавливая ее. — Да ладно. Дай мне пройти.

— Нет. Понимаешь, в этом-то и проблема. — Тянусь и хватаю ее за предплечья, удерживая, не притягивая ближе, но и не отпуская. — Кажется, я не могу тебя отпустить, неважно, как бы сильно ни хотел.

Она размыкает губы, готовая прочитать мне нотацию, не сомневаюсь. Послать меня к черту. Ей следует. Я не подхожу ей. Я продолжаю убеждать себя в этом, но вот я здесь, прикасаюсь к ней, желая большего.

Гораздо большего.

Прежде чем она сможет заговорить, заявляю права на ее рот, прерывая, что бы она ни должна была сказать. Она ошеломлена, судя по тому, что совсем не двигается, не отвечает. Ее руки висят по бокам, словно боится коснуться меня, тогда я дотрагиваюсь, заключая в ладони ее лицо, убаюкивая щеки, смягчая поцелуй до легкого нажатия губами на губы, снова и снова.

Ее охватывает легкая дрожь. Вздох. Хныканье. Поцелуй становится глубже, я кружу языком по ее язычку, она шагает ближе, пока мы не сливаемся вместе перед телевизором в гостиной и спящей рядом на диване сестрой.

Этот момент не мог быть более странным.

Или лучше.

## Глава 10.2

### Люси

В ту секунду, когда я увидела его, входящим в дом, я знала. Знала, что это случится. Что он увидит меня и почувствует. Эту связь, эти искры и жар, которые, по-видимому, разгораются между нами, стоит нам оказаться рядом. Он избегал меня всю неделю, и я позволила. Я была рада этому, так как нуждалась в передышке, и мне кажется, он тоже.

Безумно тяжело хотеть того, с кем быть не можешь.

Для меня было совершенно неожиданно оказаться сегодня вечером здесь с Сидни. Только когда она сказала, что Гейба не будет, я согласилась прийти. Я не хотела столкнуться с ним. И знаю, он не хочет столкнуться со мной. Я всего лишь пыталась уважать его желания.

Но его желания, такое ощущение, меняются согласно приливам и отливам, не успеваю следить. Он вошел в дом, а я даже не слышала его. Я подняла взгляд и застучала, как он пялился, и от того, с каким голодом смотрел на меня, моя кожа запылала, мурашки побежали по ней. Он по-прежнему хочет меня. Я по-прежнему хочу его. Он пользуется подвернувшимся случаем, и я не виню его.

Мне тоже нужно это украденное мгновение.

Его губы уговаривают мои открыться, его теплый и скользкий язык исследует мой рот. У него вкус пива и Гейба, и я гадаю, чем он занимался вечером. С кем он встречался? Была ли это девушка? Было ли это настоящее свидание? Я — второй сорт?

Отгоняю мучительные мысли и сосредотачиваюсь на объятиях Гейба. Его поцелуюх. На том, как его язык переплетается с моим, его движения такие уверенные, что слегка опрометчивы. Словно его контроль ускользает, я обожаю, что я — единственная, кто может заставить его так себя чувствовать.

Гейб разрывает поцелуй, его рот парит над моим, и учащенно дышит. Он перемещает руки с лица на талию, прикосновение осторожное, словно он боится, что я разобьюсь.

— Прикоснись ко мне, Люси, — шепчет он, острая нужда в голосе — почти моя погибель. — Хочу почувствовать твои руки на себе.

Он говорит так, будто умрет, если я не прикоснусь к нему прямо сейчас. Как я могу сопротивляться его требованию? Робко кладу трясущиеся руки на его широкие плечи, и как только прикасаюсь, из него вырывается стон. Звук возбуждает меня, сминая в руках мягкий хлопок его футболки, вцепляясь еще сильнее, стоит ему прижаться лицом к моей шее. Откидываю голову назад, словно приношу себя в жертву.

Он пользуется случаем и осыпает поцелуями чувствительную кожу на моей шее, его губы горячие и влажные. Пощипывая и посасывая мою кожу, его рот оставляет повсюду след, от которого бегут мурашки по спине. Одной рукой обхватываю его затылок, впитывая тепло и силу. Гейб шепотом выдыхает мое имя у самого уха, прежде чем прикусить его. Наклоняю голову вбок, пальцами перебирая волосы у него на затылке, из меня вырывается хнык, стоит ему поднять голову и снова захватить мой рот.

Я позволяю себе утонуть в его вкусе, его поцелуе. Руки Гейба блуждают по моим талии, бедрам, попе, затем снова наверх, пока не оказываются прямо под грудью.

Испытывая одновременно и похоть, и страх, начинаю беспокоиться. Пойдет ли он дальше? Или остановится? Он знает мой самый большой секрет — ладно, не самый большой секрет. Ненавижу, что обманываю его, что он считает меня какой-то пустоголовой богатой девушкой, у которой проблемы с отцом.

Может у меня и есть проблемы с отцом, но я определенно не пустоголовая девушка. Нет, скорее я — напуганная бедная девушка, прыгнувшая выше своей головы, и вполне готовая позволить этому парню делать со мной все, что захочет.

Без сожалений.

— Ты похудела? — спрашивает Гейб, оторвавшись от моих все еще нуждающихся губ.

Удовольствие разливается по мне, как только он опять проводит руками по талии и располагает их на моих бедрах.

— Семь фунтов (Прим. пер. — примерно 3,2 кг), — отвечаю гордо. Возможно, это и не так много, но каждый из этих сброшенных фунтов дался с трудом. Быть на диете — такой кошмар.

Он морщится. И даже рычит:

— Чертовски жаль. — Его пальцы незаметно проскальзывают ко мне под топ, дотрагиваясь до голого тела. — Мне очень, очень нравятся твои изгибы.

Гейб говорит так, что хочется растаять. Его легкое принятие моего тела никак не укладывается у меня в голове. Кажется, что он наслаждается, прикасаясь ко мне, изучая мое тело руками и пальцами, отыскивая каждое чувствительное местечко, надавливая ровно настолько, что я каждый раз жажду большего. Ни один другой парень никогда не ценил мою фигуру, как это делает Гейб.

Я устала, что отказываю себе в этом. В нем. Он тоже устал от этого? Или наслаждается этой пыткой? Я думаю, есть смысл, чтобы отказывать себе в том, чего отчаянно хочется. Мне ли, королеве диет, не знать. Я помню, как-то раз сидела на безуглеводной диете, и все, что делала — мечтала о шоколадном торте. Прямо бредила им и все.

Я даже не особо люблю шоколадный торт. Мне больше нравятся с ванильной и сливочной глазурью. Он просто был олицетворением того, что я не могла себе позволить. На третий день той диеты я набивала рот куском калорийного шоколадного торта, купленным в местном супермаркете. Я съела его на ужин.

И никогда больше не сидела на той безуглеводной диете.

Гейб — мой пресловутый кусок шоколадного торта. Черт, да он как целый торт. Обычно я не большая его поклонница, он никогда не был моим привычным желанием, но, вау, когда я хочу чего-нибудь, я превращаюсь в отчаянного человека. И сделаю все, чтобы хоть кусочек, но попробовать.

Всего один.

— Больше никаких диет, Люси, — ворчит он у моих губ. Его низкий сексуальный голос отвлекает меня от моих мыслей, напоминая, что прямо сейчас я могу еще разочек вкусить новообретенную страсть. — Ты мне нравишься такой, какая есть. Хотелось бы, чтобы также и себе самой ты нравилась.

От его слов я таю еще больше. Почему он такой идеальный? Боже, он превращает меня в сумасшедшую. Безумную. Он снова целует меня, и я растворяюсь в нем, его руки уже полностью у меня под топом, теребя пальцами кружевную отделку моего бюстгальтера. Я отстраняюсь от него, вспоминая, что мы в гостинной. Его сестра спит на диване, а родители в любой момент могут войти через переднюю дверь.

— Мне пора, — говорю, прерывисто выдыхая и оглядывая комнату. У меня с собой только телефон и связка ключей, которые уже при мне, поэтому я могу уйти. Я должна уйти.

Но такое ощущение, что ноги не двигаются.

Он изучает меня, его губы, опухшие и влажные после наших поцелуев, а волосы благодаря моим пальчикам в беспорядке. Он берет мою руку, переплетая вместе наши пальцы. Кажется, что он касается самой глубины души, что совершенно банально? Кто так думает, не говоря уж, чтобы так чувствовать?

Я. Я так делаю. О, господи, я так делаю. Глаза Гейба теплые, пока он изучает меня и тянется свободной рукой, проводит пальцем по щеке вверх, заправляя выбившуюся прядь мне за ухо.

— Пошли, — шепчет он.

Когда он говорит мне этим низким соблазнительным тоном, я чувствую, как меня знобит внутри. Ощущение, которое хочу испытать еще раз.

И еще раз.

Он мягко тянет меня за руку, и я следую за ним, словно не могу делать ничего другого, и клянусь, не могу. И не хочу никуда больше идти. И совершенно не хочу возвращаться в огромный одинокий дом и лечь в пустую одинокую кровать. Что бы он ни захотел, я — за.

Шумно и нервно выдыхаю. Прекрасно, я немного нервничаю. Ладно, сильно нервничаю. Но я — за.

Обеими руками — за.

Когда он все еще молчит, я, наконец, больше не выдерживаю.

— Куда мы идем? — спрашиваю, пока он ведет меня вверх по лестнице.

— В мою комнату. — Гейб оглядывается через плечо, взгляд прямой, его намерения совершенно ясны. — Ты не против?

Не против ли я? Разумная сторона меня говорит отказаться. Остальная часть тела кричит сказать «да».

Что я и говорю.

Люси

В спальне, куда он меня заводит, темно, свет проникает только через чуть приоткрытые жалюзи на окне. На протяжении уже нескольких дней на небе полная луна, она отбрасывает серебристые полосы вдоль стен и пола. Я стою совершенно неподвижно, оглядываясь по сторонам, пока Гейб закрывает за нами дверь и поворачивается лицом ко мне, и все, что я вижу — это его глаза и губы.

Стоит нашим взглядам встретиться, у меня пересыхает во рту. Я замираю, не в состоянии сказать хоть что-то или сделать первый шаг. Да я и не должна.

Наши пальцы все еще сплетены, он притягивает меня ближе и без какого-либо колебания завладевает своими губами моими. Его поцелуй уверенный, без промедления требующий, но и многообещающий, и я моментально сдаюсь ему, изо всех сил стараясь отключить свой мозг, перестать думать и просто чувствовать. Все, что я хочу — это ощущать на себе его руки и губы, а его язык — у себя во рту. Он отпускает мою руку и берет в ладони мое лицо, отчего я чувствую себя желанной. Дорогой.

Глупая. Мы едва знакомы, на самом деле я мало что знаю о нем. Несколько раз мы вместе тусовались и целовались. Мы сопротивлялись нашему сексуальному влечению, а прямо сейчас, похоже, мы сдались.

Не то, чтобы я протестую...

Но он — практически незнакомец, а я не занимаюсь такими делами с незнакомыми парнями. Я абсолютно уверена, что Гейб на самом деле не любит своих родителей. Он очень оберегает свою сестру, хотя делает вид, что это не так. Он заботливый. Веселый. Внимательный. Строгий инструктор, когда дело доходит до тренировок. Он приятен на вкус, реально приятен. Мне нравится его улыбка. Он — секси. Его глаза, кажется, все замечают, даже то, что мне совершенно не хочется, чтобы он знал. Он хороший водитель, хотя немного безрассуден. В действительности он немного безрассуден во всем, что делает, но это не обязательно так уж и плохо. Он умный. Мне нравится с ним разговаривать. И мне очень нравится с ним целоваться.

Хм. Может, я знаю его лучше, чем думала.

— Твой мозг. — Он хмурит брови и отстраняется от меня, большими пальцами поглаживая мои щеки туда-сюда так, что я готова замурлыкать, как кошка.

Или запрыгнуть на него. Хм, да, запрыгнуть на него. Звучит прекрасно.

Стоп. Откуда взялась эта мысль? Я — девственница не случайно. Я не сдаюсь легко. Никогда не сдавалась. И никогда не было соблазна.

До Гейба.

— Мой что? — спрашиваю в замешательстве. Возбужденно. Погодите, он сказал «мой мозг»?

— Твой мозг. Ты слишком много думаешь. — Он нежно целует мой висок, прижимая ко мне мягкие губы, отчего у меня подкашиваются ноги. — Тебе нужно расслабиться.

Слишком много думаю. Он прав. И уж совершенно точно, чего я не хотела — это загоняться по каждому поводу. Пусть это и прочно укоренившаяся привычка.

— Ничего не могу поделать, — признаюсь, закрывая глаза и вздыхая, в то время как он целует меня в щеку, ухо, левый уголок рта. Правый. Дразнящие, сладкие поцелуи, от которых

у меня все плывет перед глазами. — Ты заставляешь меня нервничать.

Он снова, хмурясь, отстраняется.

— Это последнее, чего я добиваюсь.

— Знаю. Дело не в тебе. Дело во мне. — Кладу руки ему на грудь, медленно проводя пальцами вниз по мускулистому торсу. Вау, он невероятно твердый. Поднимаю глаза и замечаю, как гримаса боли искажает его лицо, и тут же отдергиваю от него руки, думая, что причина этому — я.

— Боже, не останавливайся, — бормочет он, качая головой. — Прикоснись ко мне снова, Люс. Прошу.

Делаю, как он просит, пробегаюсь руками по его грудным мышцам вверх до плечей, затем обратно вниз вдоль живота, пока не достигаю края его футболки. Запрокидываю голову и вижу, что он наблюдает за мной, наклонив шею, и не отрывая пристальный взгляд от моих рук. Я хочу что-нибудь сказать. Потребовать, чтобы он разрешил снять с него футболку. Конечно, я не собираюсь идти до конца, не сегодня. Я не готова.

Но если он позволит мне познать и... поиграть, я с радостью верну должок.

Мои щеки краснеют при одной только мысли.

— Ты пытаешься раздеть меня? — наконец-то он спрашивает, в то время как я по-прежнему молчу. В его голосе слышны веселые нотки, и он улыбается. Что обнадеживает.

Вскидываю брови.

— Ты позволишь? — Пожалуйста, скажи «да».

Все следы веселья испаряются. В один миг.

— Я позволю тебе делать все, что угодно, если заполучу твои руки на мне.

Ух. Это было горячо. Гейб всегда знает, что сказать.

— Тогда, давай снимем с тебя футболку, — шепчу я.

Он делает шаг назад, тянется себе за шею и стягивает футболку легким, абсолютно мужским способом, типичным для парней. Я наблюдаю, затаив дыхание, как он обнажает упругую, голую кожу, мой взгляд блуждает по нему так, словно я — страдающая от голода женщина и только что впервые за годы увидела кусок мяса.

Я и до этого видела его грудь. Много раз. Восемьдесят пять процентов времени, клянусь, Гейб бродит повсюду в одних лишь плавательных шортах. Но, в конце концов, он на каникулах. Мама говорила мне, что многие дома в этом сообществе на лето сдаются в аренду. Что мне повезло с Уолкерами, арендующими дом со мной по соседству — удивительная небольшая деталь, на которую я не обратила внимания.

Другими словами, мне чертовски повезло этим летом. И еще больше с тем, что он так увлечен мною. Скучной, бедной коротышкой. Я — никто. Я всегда была никем, но благодаря Гейбу чувствую себя... особенной. Как будто я — секси. Как будто я — единственная девушка, которая важна для него. И мне нравится это ощущение. Я обожаю его.

Но хватит обо мне и о том, как Гейб заставляет меня чувствовать себя. Прямо сейчас я заинтересована оценить его грудь с близкого расстояния. Он не безобразно накачен. Не так устрашающе, как некоторые чрезмерно мускулистые парни с выпуклыми, перекатывающимися мышцами и шестью кубиками пресса. У Гейба сексуальное тело, но не чересчур. Крепкое, без грамма жира где-либо, с нормальным прессом и только лишь с намеком на кубики.

Пожалуй, стоит прикоснуться к его животу, чтобы убедиться.

Я едва дотрагиваюсь пальцами до его живота, и мышцы вздрагивают от моего

прикосновения. Меня завораживает его реакция, и я дотрагиваюсь до него снова, кружу вокруг пупка, пробегаюсь пальцем по тонкой дорожке волос, ведущей от пупка четко вниз и уходящей за пояс шорт. Его кожа такая горячая, а темные волоски такие мягкие...

Гейб обхватывает мое запястье, смыкая пальцы вокруг него и останавливая меня. Поднимаю глаза на него и вижу, как напряжена его челюсть, а рот сжат в тонкую линию.

— Хочешь, чтобы я остановилась? — спрашиваю.

— Только, если ты дразнишься. — Он ненадолго прикрывает глаза, пальцы напрягаются вокруг запястья, хотя и не отпускают меня. — Ты сводишь меня с ума, Люси.

Оу, такой он особо красив, такой страдающий, с этими сексуальными, прикрытыми глазами и мрачной решимостью, написанной на лице. Он шумно выдыхает. Чувствую себя немного плохо из-за того, что подвергаю его этому, но, опять же, я в восторге. Что именно я в ответе за эту пытку, за то, что он так себя чувствует.

Не в состоянии сказать ни слова в ответ, но надеюсь, он чувствует мое желание, мою потребность. В нем.

Мою капитуляцию.

Его взгляд не отрывается от моего, пока он отпускает мое запястье и кладет руки мне на талию, подталкивая назад. Тыльной стороной ног ударяюсь о край кровати, а затем падаю, приземляясь на матрас с Гейбом поверх меня.

У меня воздух застревает в легких, стоит ему напрячь бедра, и я ощущаю его твердую длину, упирающуюся в меня. Я изумлена, что так действую на него. Что он хочет меня.

— Ты позволишь мне снять это? — Он теребит подол моей футболки, и мое уже бешено бьющееся сердце ускоряется. Должна ли я? — Хочу чувствовать твоё тело, кожа к коже.

О. Ладно. Да, я определенно должна позволить ему. Не говоря ни слова, киваю, впиваясь зубами в нижнюю губу. Он поднимается с меня и тянет вверх мою футболку, медленно оголяя мой округлый живот, ткань, облегающую мою грудь. Слегка подавленная из-за слишком большой груди, зажмуриваю глаза и поднимаю руки, позволяя Гейбу полностью стащить ее с меня.

Что он и делает, потому что он — парень, и он хочет заценить меня. Я не против. Я хочу этого. Хочу, чтобы он увидел меня. Клянусь, я чувствую его взгляд, блуждающий по мне, задерживающийся на груди. Она выпирает поверх бледно-голубого кружевного бюстгалтера, и я надеюсь, что не кажусь ему слишком толстой. Я не виновата, что мои буфера такие большие...

— Ты прекрасна, — шепчет он, от его благоговейного тона мои глаза широко распахиваются. И вижу восхищенный блеск в его взгляде, я оттаиваю.

Прежде чем хочу сказать что-то, он заявляет права на мой рот, целуя меня, его руки на моей груди. Под его прикосновением я выгибаюсь дугой, он проглатывает вырвавшееся из меня хныканье. Гейб прекращает целовать меня почти так же быстро, как и начал, проводит носом вдоль моей шеи, глубоко вдыхая.

— Черт, ты так хорошо пахнешь.

Накрываю руками его плечи, слегка царапая спину ногтями. Он сдвигается ближе, с его идеальных губ слетает слабый стон, прежде чем снова захватывает мои, его язык подвижный, руки — еще подвижнее. Эти безумно активные руки обхватывают мои груди, сжимают их, слегка массируя, и, о боже, это так здорово. Так сказочно, невероятно приятно, что хочется еще. Я извиваюсь под ним, пытаюсь стать еще ближе, отчаянно стремлюсь впитать его, и, когда он легко касается моих твердых сосков большими пальцами, у меня

такое чувство, что я готова выпрыгнуть из кожи.

— Чувствительные, — шепчет он с удовлетворением напротив моих губ. — Блин, ты идеальна, Люс.

Он произнес это еще раз, но я не поверила ему. Но если он будет продолжать в том же духе, я начну думать, что он, возможно, говорит правду. Может, я и правда идеальна.

Идеальна для него.

## Глава 11.2

### Гейб

Черт возьми, она ощущается прекрасно подо мной. Теплая, нежная кожа и аппетитные изгибы, в которых я хочу утонуть. Сиськи у нее впечатляющие, мне хочется в ключья порвать кружевной бюстгальтер, который на ней, чтобы я смог полностью ее обнажить.

Умираю, как хочу увидеть ее голой. Блин, просто умираю, как хочу.

Я удивлен, какая она нетерпеливая, как сильно, похоже, она хочет этого. Хочет меня. Мне нужно быть осторожным. Она — девственница. Она не позволит войти в нее, не сегодня, не важно, насколько убедительным я могу быть.

А я могу быть чертовски убедительным.

Однако я не пересплю с Люси. Не хочу слишком сильно давить и заставлять ее делать то, о чем она потом пожалеет. Давить и заставлять девушку сделать что-то — определенно не мой стиль, и я не буду начинать с Люси. Хочу быть терпеливым с ней. Быть достойным подаренной мне ее девственности...

Останавливаюсь, поднимаю голову и пялюсь в стену. Погодите. Я хочу, чтобы Люси подарила мне свою девственность? Мне, парню, считавшему, что он правильно поступает, держась подальше от нее? Заявившему ей, что я — не подходящий для нее парень?

Я по-прежнему не подходящий для нее парень, но начинаю думать, что это больше не важно. Черт, не думаю, что и ее это волнует. Притяжение между нами настолько сильное, что даже нелепо. Каждый раз, стоит нам оказаться рядом, такое ощущение, что нас переполняет подавляющая нужда соединить губы и сорвать одежду друг с друга.

Чертовски охренительно. Возможно, сегодня я и не трахну ее, но мы вполне можем заняться остальным. И это остальное может быть столь же горячим, как и сам секс.

— Эй. — Люси дотрагивается до моей щеки, и я опускаю взгляд на нее, подмечая покрасневшие щеки и припухшие губы. Я бы многое отдал, чтобы увидеть эти губы, обхватившими головку моего члена... — Ты в порядке?

Делаю глубокий вдох и киваю. Не могу же я признаться ей, о чем думал. Она решит, что я — мудака. Я не могу просить сделать мне минет. Но подрочить было бы неплохо. Чертовски хорошо. Я бы отплатил тем же. Я щедрый парень. Приятнее дарить, чем получать, и прочая фигня.

— Да, все хорошо, — говорю я и прерываюсь, когда мне кажется, что слышу, как на подъездную дорожку перед домом заезжает машина. Дерьмо.

Люси все еще подо мной, и только ее грудная клетка вздымается от дыхания. А это значит, что я тотчас же поглощен тем, как поднимаются и опускаются ее груди.

— Ты слышал? — шепчет она.

Я не двигаюсь, мой взгляд сосредоточен на ее сиськах, мое тело такое же неподвижное, как и у Люси.

— Слышал что? — шепчу в ответ, прикидываясь дурачком.

Стук машинной дверцы и следом еще один, я морщусь. Чертовски уверен, это мои родители. Очень вовремя.

— Вот дерьмо, твои родители вернулись! — Она толкает меня в грудь, пытаюсь скинуть с себя, но я не двигаюсь с места. — Давай же, Гейб!

— Давай же, Гейб, что? — Наклоняюсь и целую ее, проводя языком вдоль ее верхней губы. Сексуальный звук, который она издает, посылает импульс прямо в мой член. И он был немного громкий. — Ш-щ, малышка. Веди себя тихо. Они даже не догадаются, что ты здесь.

— О боже, — шепчет она напротив моих губ, обдавая своим дыханием мое лицо прямо перед тем, как я снова целую ее в губы. Один раз. Два. Затем я спускаюсь, целую ее шею, ключицы, грудь, вершинки грудей.

Она не останавливает меня, не отпихивает, и я воспринимаю это как хороший знак и продолжаю. Она поднимает руки и обхватывает мой затылок, притягивая меня к себе. Мой рот путешествует вниз, проследившая языком кружевную кромку бюстгалтера, ее твердые соски, выпирающие через тонкий материал. Открывается входная дверь, слышу, как пронзительный голос мамы, выкрикивающий имя моей сестры, разносится эхом в фойе, но продолжаю, игнорируя ее. Выбрасываю ее голос из своей головы, чтобы сконцентрироваться на Люси.

Провожу пальцами вниз по ее животу, пока не дохожу до пояса шорт. Мигом расправляюсь с пуговицей и молнией, широко распахивая их и прижимая пальцы к переду ее влажных хлопковых трусиков.

— Гейб, — она стонет мое имя, и хотя мне нравится, как оно звучит, ей следует быть осторожнее. Нельзя позволить, чтобы нас услышали. Посылаю ей взгляд, который, надеюсь, говорит замолчать, и продолжаю ласкать ее через трусики, и ртом через бюстгалтер. Стараюсь не заходить слишком далеко, потому что, если она заставит меня остановиться, я очень разозлюсь. Не на нее, а на себя.

Не хочу останавливаться.

Проскальзываю пальцами под резинку ее трусиков, и Люси хнычет. Едва касаюсь лобковых волосков, ее жар, словно путеводная звезда, которую я отчаянно хочу найти. Я обхватываю ее ладонью, используя идеальную силу нажатия так, что она раскрывается передо мной и приподнимает бедра, будто хочет большего.

Твою мать, она влажная. Начинаю двигать пальцами, поглаживая большим пальцем набухший клитор и нежно исследуя ее складочки. Не хочу сделать ей больно. Влагалище прекрасно, но они сверхчувствительны, и стоит вам трахнуть девушку не так — грубо, — и она навсегда возненавидит вас.

Девушкам нужен знак над их кисками, гласящий «обращаться с осторожностью».

Дыхание застревает у меня в горле, пока продолжаю поглаживать ее горячую, скользкую кожу. Ее бедра начинают извиваться в такт с моими ласками, и Люси издает легкий вздох. Я слышу шаги на лестнице. По мере того как родители поднимаются на второй этаж, тихий шепот становится громче. Поднимаю глаза и замечаю, что Люси наблюдает за мной, в панике широко распахнув темные глаза, я приподнимаюсь и чмокаю ее в губы, моя рука все еще у нее между ног.

— Приятно? — шепчу ей в щеку, прежде чем поцеловать в нее.

Она порывисто кивает.

— Очень приятно, — выдавливают она.

Я улыбаюсь, довольный тем, что она кажется настолько ошеломленной, что едва говорит.

— Хорошо, потому что из-за тебя, Люси, я чувствую себя просто охренительно. Ты такая влажная для меня. Ты все это время была такой влажной? Клянусь богом, я был твердым с тех пор, как взглянул на тебя.

Люси дрожит. Мне нравится, что мои слова в состоянии вызвать ответную реакцию. Ей нравится, когда я говорю с ней так, и я еще не закончил. И продолжаю исследовать ее влажность, податливую плоть между бедер, ласкаю ее складочки и кончиком указательного пальца проскальзываю в нее. Она чертовски узкая. Невероятно тугая.

Я кончу еще до того, как войду в нее, не помню, когда в последний раз со мной случалось подобное.

Стоп. Я забегаю вперед. Я не войду в Люси сегодня. Нужно притормозить ход своих мыслей.

— Гейб, — шепчет она, заставляя взглянуть на нее. — Что нам делать?

Хмурюсь.

— Делать с чем?

И в этот самый момент прямо за дверью разносится голос моей матери.

— Скажи ей, что ее маленькой подружки здесь нет!

Люси застывает, зажмурив глаза. Мама говорит о ней. И Сидни. Держу пари, Сид проснулась и спросила, где Люси. Что бы они все сделали, если бы узнали, что она со мной? В моей постели? С моей рукой в ее трусиках?

— Я должна уйти, — шепчет Люси, упираясь мне в плечи.

Я сопротивляюсь и целую ее, снова медленно двигая пальцами и просовывая язык ей в рот, и одновременно поглаживаю ее клитор. Он набухший. Люси жаждет продолжения. Она, наверное, уже на грани. Ей нужно кончить. И я хочу быть тем, кто поможет ей в этом.

Хочу увидеть ее полностью утратившей самообладание.

Голоса в коридоре становятся тише, слышу, как закрывается дверь. Мои родители у себя в комнате, никто не подозревает, что в моей комнате девушка. Я словно озабоченный подросток, скрывающий свою тайную подружку, занимаясь с ней грязными делами, и, клянусь богом, мой член пульсирует рядом с ширинкой шорт, словно кайфую от того, что совершаю что-то настолько порочное. Хотя мы даже не собираемся трахаться — я стараюсь уважать желание Люси оставаться девственницей. Она еще не готова.

Но ради нее я могу быть терпеливым.

Люси начинает отвечать на мои настойчивые касания, бедра изгибаются вверх, ее язык ищет мой. Я тверд, как камень, и отчаянно хочу, чтобы она дотянулась и схватила мой член, но не могу подталкивать ее. Я больше не слышу родителей. Я больше ничего не слышу, кроме учащенного дыхания Люси, шороха одежды и как мои пальцы скользят по ее горячей, влажной плоти.

Тереблю ее клитор, сильно надавливаю на набухший комочек плоти, и она выдыхает мне в рот. Перекатываю его между пальцев, Люси разрывает наш поцелуй, дрожащий стон вырывается из нее, а бедра выгибаются вверх.

— О боже, Гейб.

— Ты близко? — интересуюсь, мне нужно, чтобы она была близко. — Хочешь больше?

— Я хочу увидеть, как она кончает. Я хочу этого больше своего собственного удовлетворения, что просто неслыханно. Слегка приподнимаясь над ней, поедаю взглядом практически извивающееся тело, благодарный за эротичный вид. Соски выпирают через тонкое кружево и атлас бюстгалтера, кожа покраснелась, и моя рука в ее трусиках.

Офигенно горячо.

Она кивает, выдавливая в ответ приглушенное «да». Я снова и снова кружу по клитору, увеличивая темп и шепча Люси на ушко ободряющие слова:

— Кончи для меня, Люс. Я хочу увидеть, как ты кончаешь. Хочу почувствовать, как ты кончаешь вокруг моих пальцев.

Мои слова отправляют ее через край. Громкий стон слетает с ее губ, я запечатываю ротом ее рот и продолжаю поглаживать ее, пока оргазм сотрясает ее тело. Она дрожит, ее влагалище словно содрогается под моим прикосновением, поток влаги покрывает мои пальцы. Оргазм длится в течение долгих, растянутых секунд, я продолжаю ласкать ее, постепенно замедляя темп, пока она не отталкивает мою руку, бормоча мне в губы:

— Слишком. Это слишком сильно.

Поднимаю голову и смотрю на нее, мое сердце колотится так, словно это мне только что отшибло мозги от оргазма. В этот самый момент я осознал, что, возможно, этого никогда не будет достаточно. Ни тогда, когда речь идет о Люси.

И эта мысль ужасает меня.

12 глава

Люси

Кажется, у меня проблема. И зовут ее Гэбриэл Уолкер.

Не то, чтобы он — проблема. Скорее... зависимость. А зависимость — это же плохо, верно? Она поглощает вас до тех пор, пока вы не сможете думать ни о чем другом, кроме как о следующем глотке. Еще одной дозе. Похоже, я нуждаюсь в нем. Не хочу его — нуждаюсь в нем.

Он вторгается в мои мысли. Мои сны. Я постоянно думаю о нем, хочу проводить с ним все свое время, а свободного времени у меня много. Присматривать за домом — работа не трудная. У живущих здесь людей нет домашних животных. Им просто не хотелось оставлять дом без присмотра или сдавать его незнакомым людям.

Так что, вместо этого у них есть я. Девушка, которая думала провести все лето в одиночестве, читая и изо всех сил стараясь немного похудеть. И которая вместо этого при каждом удобном случае занимается сексом с самым горячим парнем на планете. Занимается сексом с ним по всему их дому, хотя мы всегда аккуратны. Ладно, я аккуратна.

И я по уши влюблена в Гейба. Словно растворяюсь в Гейбе.

А что странного? Кажется, он чувствует ко мне то же самое.

Прошло две недели с того улучшенного момента в его комнате, когда он заставил меня кончить так сильно, что мне показалось, будто я увидела звезды. Он неотступно пытается довести меня до оргазма как можно больше раз. И, к счастью для меня, делает это весьма часто. До такой степени, что я потеряла счет, сколько раз он доводил меня до оргазма пальцами или своим умелым ртом.

Говоря об его умелом рте, первый раз, когда он занялся со мной оральным сексом, я почти не могла справиться с удивительным ощущением его языка, лижущим мои чувствительные складочки. Мне казалось, я умру. И я не была даже близка к оргазму — однако он добился этого очень быстро.

Как уже упоминала, он невероятно талантливый.

Ладно, я — обманщица. И совершенно точно знаю, сколько оргазмов он подарил. Их было примерно восемнадцать с половиной. Половина накинута за ночь, когда Сидни чуть не застучала нас за обжиманиями в его машине, припаркованной на подъездной дорожке. С моей рукой спереди его плавательных шорт и его рукой у меня между ног, Гейб каким-то чудом заметил, как она потихоньку подходит, и к моменту, когда она постучала в окошко со стороны водителя, мы уже отскочили друг от друга, тяжело дышали, но в остальном выглядели совершенно невинно.

Подруга не купилась на это. Она знает, что происходит, но не возражает и больше не предостерегает. Полагаю, она решила, что это моя проблема, либо у меня есть ее негласное одобрение.

Мне хочется думать, что последний вариант.

Итак, вернемся к оргазмам. Будем считать, их было восемнадцать с половиной за четырнадцать дней. Получается, много. И я возвращала долг столько раз, сколько он позволил. Теперь это мое новое любимое занятие. Мои пальцы, обхватившие его толстый возбужденный член, приподнятые бедра прямо перед тем, как он кончает, чудесное выражение экстаза, расплывающееся по его лицу в момент, когда он теряет над собой контроль.

Я обожаю смотреть, как он кончает. Мне безумно нравится ощущать его сперму, покрывающую мою руку, что должно казаться гадким, правильно? Но это не так. Ничего подобного. Один раз он кончил на мою обнаженную грудь, что было очень горячо. В конце концов, я перестала смущаться и несколько раз сделала ему минет. Я делала их не так много — хорошо, ни одного, — но Гейб сказал мне, что мой энтузиазм восполняет отсутствие опыта.

Боже, от таких его слов я действительно готова потерять голову.

— Безумно нравится, как ты выглядишь, стоя передо мной на коленях и с моим членом во рту, — выдал он мне пару ночей назад, и от его хриплого голоса у меня по всему телу побежали мурашки.

Мы сидели у меня на диване, телевизор был выключен, в доме было тихо и темно, когда я опустилась перед ним на колени. Гейб касался моей щеки, пробегаясь пальцами по коже, стоило мне вытащить его член изо рта и начать лизать только головку. Мой взгляд не покидал его, и то, как он наблюдал за мной, делало меня смелее. Я продолжала лизать, сосать кончик, подразнивать языком набухшую головку, и мучительный стон, сорвавшийся с его губ, послал закручивающийся во мне спиралью поток удовольствия. — Мне сносит крышу от того, что ты хочешь сделать мне минет, Люс, — выдавил он.

Он такой потрясающий. Конечно же, я хотела сделать ему минет.

Еще чуть-чуть и я позволю ему дойти до конца. Все остальное мы делали. Все. Гейб дотрагивался ко мне в настолько интимных местах, и я нашла это несомненно возбуждающим. И он позволял мне исследовать его тело так же тщательно. Мы абсолютно точно превратили наше изначальное влечение друг к другу в пылкий летний роман, и хоть я и старалась, как могла, сохранять его легким, игривым, волнующим и непристойным, начала испытывать к нему чувства.

Эх. Большая ошибка.

Но он такой милый, когда смеется, а смеется он часто. Он — настоящий джентльмен, всегда придерживает для меня дверь и интересуется моим мнением обо всем. Мы можем говорить о чем угодно, однако я не слишком углубляюсь в детали, и по тем или иным причинам он уважает мои негласные границы. Он тоже не углубляется, и я рада этому.

Вроде как.

Есть что-то приятное в том, как он держит руку у меня на поясице, когда мы гуляем. Защитный жест, от которого я чувствую себя оберегаемой.

Мне это очень нравится.

Не стоило бы. Но что есть, то есть.

У нас было такое хорошее время, полные лени летние дни и длинные страстные ночи в объятиях друг друга, что я не следила за календарем, и дни просто проносились. Хотя мне стоило обращать внимание на календарь, потому что прошлой ночью Гейб взял мою руку, поцеловал тыльную сторону и заявил:

— Через два дня мы уезжаем.

Два. Дня. У меня рот открылся от шока.

— Куда вы едете?

Он скривился.

— Обратно в Техас. Вот, откуда я родом. И где до сих пор живут родители. Остальное время, пока опять не начнется учеба, я буду торчать в семейном поместье.

Семейное поместье. У него это прозвучало так старомодно и мило. Так провинциально и по-техасски. Готова поспорить, это огромный особняк, по сравнению с которым мой маленький домик напоминает кладовку. И почему ни у кого из Уолкеров нет южного акцента? Клянусь, они настолько богаты, что не допустят, чтобы их речь была с акцентом.

— Ой. — Я кивнула. — Звучит здорово.

Я солгала. Это звучало ужасно, потому что означало, что Гейба рядом со мной больше не будет. Мне это не нравилось. Совсем.

— Поэтому мы должны использовать эти два дня по полной. — Он взял обе мои руки в свою и потянул меня ближе к себе. Я неохотно повиновалась, так как чувствовала себя подавленной и грустной. — Я хочу пригласить тебя на ужин завтра вечером, — прошептал он мне на ухо.

Мы выбирались из дома, но не часто. Ходили смотреть фильм, окончившийся для нас тем, что мы сидели на последнем ряду, целовались и лапали друг друга. Было несколько обычных ужинов, пару раз мы были в том кафе с замороженным йогуртом, потому что Гейбу оно очень нравится. Но то, как он сказал, что хочет пригласить меня на ужин, прозвучало серьезно.

Так, словно он приглашал меня в шикарный и дорогой ресторан.

— Куда? — поинтересовалась я.

— Сперва мне самому нужно это выяснить, — признался он, посмеиваясь. — Позволь, я попозже тебе отвечу.

Он написал мне название ресторана этим утром, так же, как и время, на которое забронировал стол, и я поискала это место. К слову о шикарном...

Мама звонила очень часто, интересуясь, чем я занимаюсь, почему в последнее время редко с ней разговариваю. Я отвечала, что у меня появились друзья — правда — и что очень хорошо провожу время — истинная правда. И, что я, конечно же, была хорошей девочкой, когда она спрашивала, потому что — да, она действительно спрашивала меня об этом.

Это было единственное, в чем я обманывала маму. Я не была хорошей девочкой. Я была великой грешницей по маминым меркам. Но, боже, как же приятно было каждый раз грешить с Гейбом.

Просто невероятно приятно.

Я начала готовиться к нашему серьезному вечернему свиданию заранее. Приняла душ и побрила все необходимые участки тела. Так намазала тело лосьоном, что на коже не осталось ни одного места, которое было бы не супер мягким и ароматным. Нанесла кондиционер на волосы и высушила их, используя закругленную щетку, сделав их слегка вьющимися и пружинистыми. Распущенные и волнистые, они спадают на плечи и выглядят супер блестящими. Может, помогла дорогая сыворотка для волос, которую я нашла в гостевой ванной, где ее кто-то оставил.

В данный момент я смотрю на себя в зеркало, все еще слегка не уверенная в выборе платья. Оно черное с тонкими перекрещивающимися на спине бретельками и низким

вырезом спереди, выставяющим напоказ декольте.

Ткань облегает мою фигуру, но, несмотря на это, я не кажусь чересчур пышной или приземистой. Я нашла его на прошлой неделе в дисконт-центре, когда ходила по магазинам с Гейбом и Сидни, и он каким-то образом убедил меня купить его.

Может из-за того, как загорелись его глаза, стоило ему увидеть меня в нем. Или из-за того, как он попытался затолкнуть меня обратно в примерочную, чтобы потискать меня. Мне пришлось вытолкнуть его оттуда, и он расстроился. Искрящиеся щенячьи глазки вкупе с лукавой улыбкой — и я чуть не затащила его обратно в примерочную, чтобы он, в конце концов, исполнил свое желание.

Но потом вспомнила, что это плохая идея, и попросила подождать меня у касс на входе в магазин. Гейб заставляет меня хотеть полностью потерять над собой контроль, а мне следует быть осторожной, особенно, когда рядом Сидни. Нам нужно было вести себя прилично, чтобы не разозлить ее. Но по вечерам ее нет с нами.

Надеюсь, Гейб оценит мой выбор наряда для сегодняшнего ужина. Он должен заехать за мной примерно через пятнадцать минут. Я была готова уже двадцать минут назад.

Полагаю, меня можно назвать немного взволнованной.

Хватаю со столика крошечную черную сумочку, открываю ее и достаю помаду насыщенного темно-красного цвета, которым никогда не крашу губы, но она у меня уже пару месяцев. Я привезла ее с собой, подчиняясь мимолетному порыву, даже не представляя, когда она мне может пригодиться.

Сегодня вечером я крашу ее специально для Гейба. И для себя.

Определенно ради себя.

Снимаю колпачок, выкручиваю вверх помаду, затем аккуратно наношу ее на губы. Растираю ее между ними, закрываю обратно колпачок и бросаю помаду в сумочку. Делаю шаг назад, разглядывая себя, наклонив голову вбок. Я выгляжу... иначе. Как-то старше. Может, даже утонченнее будет более подходящим описанием.

Никогда не использовала слово «утонченная» по отношению к себе.

Звонят в дверь, и я, сжимая сумочку в руке, вылетаю из спальни и практически галопом мчусь вниз по лестнице. Я не привыкла носить каблуки и из-за них чувствую себя шатающейся и неуклюжей. Жаль, что нельзя надеть шлепанцы, иначе буду смешно выглядеть, а сегодняшним вечером все должно быть на высшем уровне.

Боже, надеюсь, я не опозорюсь. Или еще хуже, опозорю Гейба.

Открываю и распахиваю дверь, и вижу его, выглядит он просто охренительно. По-другому и не скажешь. За последние пару недель его волосы стали немного длиннее и выгорели на солнце. Он одет в белую рубашку на пуговицах с закатанными до локтей рукавами, выставя напоказ сексуальные загорелые предплечья.

Знали ли вы, что предплечья могут быть сексуальными? Я тоже. Но они именно такие.

Черные брюки и туфли завершают образ. Рубашка навывпуск, поэтому он выглядит скорее повседневно, и на одно тревожное мгновение я переживаю, не слишком ли нарядно одета.

Но, поймав одобрительный блеск в его глазах, пока он изучает меня с головы до пят, понимаю, что сделала правильный выбор.

— Проклятье, Люс, ты выглядишь чертовски невероятно, — вздыхает он, и его взгляд остановился — вы уже догадались — на моих буферах.

Он помешен на груди. Попки ему тоже нравятся. Кажется, Гейб высоко оценивает

каждую часть моего тела.

— Как и ты, — отмечаю я и вздыхаю, когда он протягивает руку и обнимает за талию, притягивая меня ближе к себе, чтобы рассмотреть мое лицо вблизи.

— Я бы поцеловал тебя, но боюсь, испорчу твой макияж, — бормочет он, опуская взгляд на мои губы. Задерживая его на них. — Кстати, красиво смотрится. С темными губами. — Тоска в его голосе очевидна.

— Я могу накрасить губы еще раз, — предлагаю я, кладя руки ему на грудь. Его кожа такая горячая, что тепло чувствуется даже через рубашку, и на какой-то сумасшедший момент мне хочется сорвать ее с него. — Я бы предпочла, чтобы ты поцеловал меня.

— Твоя взяла, — произносит он с улыбкой, и тут же его губы нежно касаются моих.

Я чуть ли не плачу, настолько сладок поцелуй. И в этот миг я понимаю...

Я буду скучать по Гейбу гораздо сильнее, чем готова признать.

Глава 12.2

Гейб

Ни хрена себе, она выглядит просто изумительно. Я подтолкнул ее купить это платье, и это был умный выбор. Оно ей идеально подходит, делая ее чертовски сексуальной. Вся в черном, с волнистыми волосами, красной помадой, от которой пухлые губки выглядят еще больше, проклятье.

Люси сводит меня с ума на протяжении последних двух недель. Подталкивая к краю раз за разом. Она позволит мне сделать с ней практически все, что захочу, за исключением одного — непосредственного соития. Все остальное — дозволено, даже легкие игры с попкой.

Ага, моя Люси — грязная девчонка. Но она такая только со мной.

И это самое ужасное. Собственническое чувство охватывает меня каждый раз, стоит мне подумать о том, чтобы уйти от нее, что она будет продолжать жить дальше. Без меня рядом. Я никогда больше не увижу ее, и она забудет обо мне. Я стану поблекшим воспоминанием, частицей этого безрассудного давнопрошедшего лета, которое она провела с одним парнем и забавлялась с ним при каждом удобном случае. Наша связь может быть только летним развлечением. Мы пообещали это друг другу в самом начале, и в то время я говорил искренне.

Но сейчас, когда столкнулся с реальностью и знаю, что должен покинуть ее чуть больше, чем через двадцать четыре часа, я могу думать только об одном — я не равнодушен к этой девушке. Очень. И не хочу ее потерять. Однако выбора нет.

Это чертовски больно.

— Ты готова идти? — шепчу я напротив ее губ после того, как целых пять минут не отрывался от них. Губной помады почти не осталось, и догадываюсь, большая ее часть на мне, но мне все равно. Этот поцелуй стоил того.

Каждый поцелуй с ней стоит того.

Люси кивает и отступает от меня, заправляя густую прядь волос за ухо. Я убираю руку с ее талии и наблюдаю, как она хлопывает и закрывает входную дверь. Когда она разворачивается, на ее лице робкая улыбка. Люси выглядит взволнованной.

И мне тут же хочется успокоить ее.

— Ты в порядке? — Беру ее за руку и веду туда, где припаркована моя машина.

Она посылает мне подозрительный взгляд, ее пальцы сжимают мои.

— Я немного нервничаю.

— Из-за чего? — Я хмурюсь, не желая, чтобы она переживала хоть о чем-нибудь. Я хочу, чтобы эта ночь стала особенной для нас обоих. Хочу показать ей, как много она значит для меня. Если я не могу выразить это словами, меньшее, что я мог сделать — выразить свои чувства, относясь к ней соответственно. Может, с моей стороны, это малодушие, но не могу взваливать на нее груз своих переживаний прямо перед тем, как расстанусь с ней навсегда. Это несправедливо. И по отношению к ней, и по отношению ко мне.

— Из-за того, что идем ужинать в шикарный ресторан. — Как только у нее вырываются эти слова, она плотно сжимает губы, будто не собиралась говорить их.

С чего бы ей чувствовать себя некомфортно в хорошем ресторане? Богатые девушки обожают дорогие рестораны, потому что богатые девушки обожают деньги, потраченные на них, будь то подарки или еда, или еще что-нибудь.

Хотя Люси — самая необычная богатая девушка, которую я встречал. Она, кажется, не ждет от меня ничего материального. И ей нравятся магазины уцененных товаров. Она всегда ищет распродажу, не то, чтобы мы часто ходили по магазинам. Что странно само по себе.

Может, мама воспитала ее правильно? Научила быть практичной?

Да, наверное. Она не типичная избалованная богатая девушка. И мне нравится это. Мне многое в ней очень нравится. Но влюблен ли я в нее? Не уверен. Мне так не кажется.

Еще нет.

О, черт, точно нет?

Я мог бы влюбиться в нее. Кажется, я мог бы влюбиться в нее прямо сейчас. Может, и к лучшему, что я уезжаю. Лучше пресечь это безумие на корню. В любом случае, у меня нет шанса быть с ней. Родители уже строят планы на мое будущее, и, похоже, у меня нет права голоса.

Выкидываю из головы все негативные мысли и открываю пассажирскую дверь для Люси, она грациозно усаживается в машину, и последнее, что успеваю заметить перед тем, как захлопнуть дверцу, это ее гладкие, блестящие ножки. Тряса головой и пытаюсь успокоить свой член, обхожу автомобиль спереди и залезаю внутрь, завожу двигатель и выезжаю с подъездной дорожки с таким рвением, что, как только трогаемся, слышен визг шин, а ноги стали, будто свинцом налиты.

— Гейб, — мягко увещевает она.

Протягиваю руку и кладу ее на ее голое колено.

— Всего лишь хотел повыпендриваться. — Ничего я не хотел, но и признаваться, что веду себя как полный кретин, настолько увлекшийся видом ее сексуальных ножек, что не в состоянии вести по-человечески, желания нет. Хотя я рисуюсь перед ней практически постоянно, и она понимает это. Черт, думаю, в большинстве случаев она даже признательна мне.

— Тебе не нужно производить на меня впечатление. — Когда я смотрю в ее сторону, она нежно улыбается мне. — Я уже твоя, ты же знаешь.

От ее слов у меня сердце сжимается. Глупо чувствовать себя так. Безумно хотеть ее все сильнее и сильнее, стоит провести с ней всего несколько минут. Но это так. Именно так я и чувствую, не стану отрицать. Не могу перестать думать, связано ли это с тем, что мы, в общем-то, так и не занялись сексом. Смогу ли я оставить в прошлом все — и ее — если мы, наконец, это сделаем?

Надеюсь, сегодня та самая ночь, когда я все-таки кончу внутри нее, а не на нее, так что,

возможно, я узнаю.

— Надеюсь, ты любишь морепродукты, — говорю я, как только поворачиваю на улицу, где находится ресторан. Он расположен практически на пляже, с потрясающим видом на океан и заоблачно высокими ценами. Не то, чтобы меня это волновало, и, кроме того, Люси этого достойна.

Она достойна всего.

— Очень, — отвечает она с воодушевлением.

Это моя девочка. Она от всего в восторге. Похоже, слава богу, нервы успокоились. Я ценю то, что она не ведет себя, как некоторые пресыщенные стервозные выскочки, все повидавшие и перепробовавшие. Люси, кажется, радуется каждой мелочи, и от этого хочется сделать для нее только больше.

Мы заезжаем на парковку, глушу машину, выхожу из нее и отдаю ключи парковщику. Другой парень уже открывает для Люси дверь, окидывая ее попку оценивающим взглядом, прежде чем поднимает голову и бледнеет, стоит ему увидеть на моем лице убийственный взгляд, направленный прямо на него.

Вот именно, она моя. Так что хватит пялиться на ее зад, потому что он принадлежит мне.

Да уж, из-за нее я превращаюсь в пещерного человека, безумие какое-то.

Я держу руку у нее на поясице, когда мы входим в ресторан, кивая и слабо улыбаясь пожилому мужчине, придерживающему для нас двери открытыми. Наклоняясь ближе, чувствую легкий аромат волос Люси, ее кожи. Проклятье, она пахнет просто охренительно. Клянусь богом, она пытается свести меня с ума, и у нее отлично получается.

— Здесь очень красиво, — шепчет она рядом со мной после того, как я назвал администратору свое имя. В ожидании нашего столика мы находимся в лобби. Все места заняты, нас окружают самые разные люди. Молодые и постарше, большие компании и парочки, семьи и богатые старики, недовольно взирающие на находящиеся неподалеку детей, которые, казалось бы, хорошо себя ведут.

Ресторан притягателен в одинаковой мере как для туристов, так и для местных старожилков. Я прочитал достаточно отзывов на «Yelp», чтобы понять это очень быстро (Прим. пер.: Yelp (yelp.com) — веб-сайт для поиска на местном рынке услуг, например ресторанов или парикмахерских, с возможностью добавлять и просматривать рейтинги и обзоры этих услуг. Для популярных бизнесов имеются сотни обзоров).

— Да, — соглашаюсь, мой взгляд на ее лице. — Но далеко не такой красивый, как ты.

Ее щеки розовеют, и она слегка хлопает меня по груди.

— Боже, ты и твои вычурные комплименты.

— Я никоим образом не преувеличиваю, — заявляю серьезным голосом. — Ты выглядишь потрясающе сегодня. Я даже не хотел везти тебя сюда.

Она хмурится, и небольшая бороздка появляется между ее бровей. Мне очень нравится эта маленькая появившаяся морщинка. Так мило.

— Почему не хотел?

Я наклоняюсь ближе, мои губы практически касаются ее ушка.

— Потому что ты выглядишь настолько охеренно, что мне не хочется, чтобы на тебя пялились другие. Возможно, я начну ревновать и сделаю что-нибудь глупое. Поэтому я хотел тебя только для себя.

— Гейб. Будь серьезнее. — Ее голос нежен, как и глаза. Я мог бы смотреть в них всю

ночь.

Мать твою, я прям конченный человек.

— Я серьезно. Мы можем уйти, если хочешь. — Я беру ее руку и переплетаю наши пальцы. Внезапно мне отчаянно хочется уйти. Мне очень хочется вернуться к ней и сорвать это платье. Увидеть, что надето под ним. Надеюсь, что ничего. — Давай вернемся к тебе.

Она решительно качает головой.

— Я умираю от голода. — И, словно по сигналу, у нее урчит в животе, Люси хихикает, прикрывая его рукой. — Видишь? Мне нужно поесть.

— Тогда мы вернемся к тебе сразу после ужина? — Я сжимаю ее руку, когда она медленно, но уверенно кивает.

— Да. Я хочу провести с тобой наедине столько времени, сколько могу. — Люси запечатляет быстрый поцелуй на моей щеке. — Может, если тебе повезет, на обратном пути я сделаю тебе минет.

Вау. Ни хрена себе. Надеюсь, боже, мне повезет. Вообще-то мне уже очень повезло.

Люси рядом со мной, как моя пара. Но требуется достаточно много везения, чтобы так было всю оставшуюся жизнь.

## 13 глава

### Гейб

Люси выполнила свое обещание — на обратном пути она по-быстрому сделала мне минет. Ее энтузиазм, понимающая улыбка, которой она меня одарила прямо перед тем, как нырнуть к моим коленям, ее пальцы, расстегивающие молнию и нащупывающие внутри член, все это толкнуло меня прямо через край и быстро.

Не помогает и то, что у нее самый сексуальный рот, который я когда-либо имел честь целовать. Кто может устоять перед чем-то подобным? Я таких парней не знаю. Думаю, она могла оставить следы помады у меня на члене, учитывая, насколько насыщенным был ее цвет.

Как только мы въехали на подъездную дорожку перед ее домом — что странно, я никогда не видел гараж открытым, мы ни разу не были внутри, и я никогда не видел Люси за рулем, — мы практически побежали к дому, и, пока она в спешке открывала дверь, мои руки были у нее на талии. Из-за трясущихся пальцев это занимает чертовски много времени, и я гадаю, не нервничает ли Люси снова.

Меня также интересует, позволит ли она мне сегодня вечером сделать с ней то, что я хочу. Я имею в виду то, чем хочу заняться с ней. Сейчас вечер среды. Я уезжаю с семьей утром в пятницу. Мне известно, что завтра Люси и Сидни собираются вместе пообедать только вдвоем, и это здорово. Я понимаю, что моей сестре хочется какое-то время провести наедине с ее новой подругой.

Но, черт возьми, мне нужно все возможное время, чтобы побыть с Люси. Я завидую сестре, что она будет обедать с моей... понятия не имею, как назвать Люси... что нелепо.

И говорит о многом. О чем, я точно не уверен. Не знаю, способен ли я анализировать свои чувства к Люси настолько тщательно. Эти чувства...

Они слегка пугают меня.

Когда она в конце концов отпирает дверь, я практически вталкиваю ее внутрь, по-

прежнему держа за талию. Она захлопывает и запирает дверь, после чего с хитрой улыбкой на лице разворачивается в моей хватке.

— Жаждешь большего? — шепчет она.

Пригибаюсь и целую ее, эти совершенные губы, раскрывающиеся только для меня. Пользуюсь случаем и проникаю языком к ней в рот, затягивая поцелуй на долгую и страстную минуту, прежде чем, наконец, прерваться.

— Я всегда безумно хочу тебя, Люс.

Ее глаза светятся от удовольствия.

— Ты знаешь, что сказать, не так ли? Клянусь, мое прозвище для тебя идеально подходит.

Я хмурюсь.

— У тебя есть прозвище для меня? — Ни разу не слышал, чтобы она называла меня как-то иначе, чем Гейб, а чуть ранее Гэбриэл.

Она кивает, выглядя чрезвычайно довольной собой.

— Есть. С момента, как ты начал подсматривать за мной, я думала о тебе как о мистере GQ.

— Серьезно? — Мне становится смешно, но, стоит ей положить руку мне на грудь и начать медленно расстегивать мою рубашку, я делаю резкий вдох.

— Да, так и есть. Оно подходит идеально. В первый раз, когда увидела всю вашу семью, я подумала, что вы все выглядите так, словно сошли со страниц журнала. Вы все неестественно красивые, с этими вашими идеальными лицами, и волосами, и одеждой. А ты — самый потрясающий из них. Ты же это понимаешь, да? Что ты чертовски великолепен?

Да, да, Шеп бесконечно подкалывал меня из-за моего смазливового личика, как он называет его. Мудак. Я использовал свое так называемое смазливое личико в своих интересах больше раз, чем могу посчитать. Но от осознания, что Люси считает меня привлекательным, меня переполняет гордость.

— Мне далеко до совершенства, — признаюсь я и приближаюсь к ней, обнимая за талию и вжимая ее в себя. Ее пальцы теребят пуговицы на рубашке, она перестает пытаться расстегнуть ее и подставляет губы для поцелуя. — И, кроме того, это ты великолепна.

— Позволь не согласиться, — шепчет она напротив моих губ перед тем, как я целую ее. — Ты выглядишь, как модель.

Вместо того чтобы продолжить поцелуй, начинаю смеяться.

— Забавно, что ты упомянула это. Мой лучший друг все время повторяет, что я чересчур хорошо выгляжу.

— Да? Он ревнивый отвратительный тролль?

Я смеюсь еще сильнее.

— Нет, даже и не близко. Парень получает всех девушек, которых встречает. По крайней мере, так было раньше.

Люси выгибает бровь.

— Почему не сейчас?

— Он встретил девушку, перевернувшую его мир. — Прижимаюсь губами к ее щеке, скольжу ими вниз, целуя вдоль подбородка. Она откидывает голову назад, предлагая лучший доступ. — Он оставил свои кобелиные замашки и ни разу не оглянулся назад.

— Значит, он влюбился. — Ее голос мягок и слегка дрожит.

— Такое случается даже с такими парнями, как Шеп, — заявляю я у самого ее уха.

Люси замирает, схватившись руками за рубашку.

— Его зовут Шеп? — Похоже, она вот-вот засмеется.

Поднимаю голову и смотрю на нее. Она выглядит по-настоящему заинтересованной и немного озадаченной дурацким именем моего друга.

— Ага. Семейное имя, девичья фамилия его матери — Шепард. Он отличный парень. Очень веселый. — Разговор о нем заставляет меня понять, что я скучаю по Шепу. И по Тристану тоже. Блин, я скучаю и по Джейду, а ведь толком ее даже не знаю, только, что она бойкая на язык и не дает Шепу спуска. Ему это необходимо.

Я также скучаю по всем парням, работающим в игорном доме. Техас — самое последнее место, куда мне хочется поехать. Я бы лучше до тех пор, пока снова не начнется учеба, остался здесь с Люси, а потом вернулся туда. Я всего в паре часов южнее Сент-Огастина, где учусь. Я бы без проблем притащил свой зад прямо туда.

Но долг зовет. А долг перед семьей — семейный бизнес — всегда на первом месте.

— У тебя много друзей? — Вопрос Люси вырывает меня из мыслей.

— Достаточно. — Дотрагиваюсь до ее волос, провожу пальцами сквозь густые, шелковистые пряди. У нее красивые волосы. И мне очень нравится прикасаться к ним. — А у тебя?

Люси медленно качает головой.

— Большую часть времени я предпочитаю быть сама по себе.

Я хмурюсь. Мне не нравится думать, что она одинока. Надеюсь, это не тот случай.

— Стесняешься?

Она пожимает плечами, наклоняя голову вбок.

— Наверное. Не знаю. Я всегда так занята, ты ведь в курсе? Учеба и ра-учеба. Полно домашки и других дел.

Прозвучало так, словно она собиралась сказать «работа». Она работает? В этом нет ничего постыдного. Черт, я бы восхищался ее твердой трудовой этикой. В игорном доме ее нет, он был создан лишь из-за откровенной алчности.

Ну, и от скуки. Главной причиной, из-за которой мы открыли игорный дом, было наше желание заняться чем-то, помимо занятий и игр в футбол от случая к случаю. Есть предел вечеринкам и сексу, который можно выдержать. Шеп и Тристан быстро теряют интерес. Как и я. Разница лишь в том, что ни одному из них не придется работать ни одного дня в их жизни, а их отцы даже и не будут принуждать к этому.

Мой же, напротив, заставляет меня принять на себя руководство семейным бизнесом, в чем я абсолютно не заинтересован. Отец отвечает за бизнес, а мать — за поиск жены для меня. Это их главные жизненные цели. Чтобы я возглавил семейный бизнес, выгодно женился, обзавелся от двух до пяти детишками, чтобы мои родители могли их баловать и хвастаться ими. И дело сделано.

Полный отстой.

Но что еще хуже? Насколько мало я знаю о Люси. Она учится — но где? Где конкретно она живет? Действительно ли она работает? Так много вопросов, так много мельчайших подробностей, которые я бы хотел знать о ней, но она скрытная. Даже немного отстраненная. Ей хотелось сохранить наши отношения как можно более легкими, и я уважаю ее желания.

Несмотря на то, как самому трудно сохранять их легкими. Я хочу большего.

— Эй. — Тихий голос Люси выводит меня из задумчивости, я смотрю на нее и улыбаюсь. — Ты в порядке? Кажется, ты немного задумался.

Мне нужно сосредоточиться на том, что важно сегодня вечером. Тот факт, что мое время с этой девушкой ограничено, заставляет меня нервничать. словно мне нужно цепляться за каждую секунду, что мы вместе, и сделать их незабываемыми.

— Да, все хорошо. — Я целую ее, подняв руку и обхватив ладонью ее лицо, и поглаживаю пальцем ее скулу. У Люси вырывается тихий вздох, веки, дрогнув, закрываются. Я знаю, ей очень нравится, когда я так к ней прикасаюсь. И, похоже, ей нравится, когда я прикасаюсь к ее анусу. — Как ты?

Она открывает глаза и улыбается, но эту улыбку можно посчитать в лучшем случае дрожащей.

— Я в порядке. Как я и говорила, просто немного нервничаю.

— Почему? — беру в ладони ее лицо и наклоняюсь поцеловать ее, мои губы онемевшие, как и у нее. Я не хочу, чтобы Люси нервничала, но, кажется, догадываюсь, что заставляет ее так переживать.

И от этого по моим венам проносится импульс надежды. Я хочу ее так чертовски сильно. Хочу познать каждую ее частичку. То есть, хочу быть первым у нее.

Но считает ли она меня достойным? Ведь, в конце концов, наша связь — всего лишь летняя интрижка. Она неоднократно об этом напоминала. С чего вдруг она подарит свою девственность парню, которого больше никогда не увидит? В этом нет никакого смысла.

Хотя, мне бы хотелось удостоиться такой чести. Черт возьми, я хочу этого. То, что я чувствую к Люси... никогда до этого я не испытывал подобных чувств к девушке. Никогда. Все дело было только в удовольствии и удовлетворении. Мои отношения с девушкой редко бывали длительными. Блин, для меня два свидания — уже долго. Просто я не встречаюсь. Зачем тратить свое время?

В любом случае, не похоже, что у меня есть выбор. Если люди думают, что в этой стране нет браков по договоренности, значит, они не знакомы с моими родителями. Моя будущая жена и мой будущий брак — это не союз двух людей, это — слияние бизнеса.

Черт, полный отстой. Кстати, о бесчувственности. Сидни настроена так же, и мне ненавистно это. Она заслуживает быть любимой.

Как и я.

Я понимаю, что Люси мне так и не ответила, прижимаюсь губами к ее лбу, глубоко вдыхаю ее чудесный аромат.

— Из-за чего ты волнуешься, Люс?

Она нервно вздыхает.

— Потому что сегодняшней вечер особенный. Один из наших последних вечеров вместе, Гейб, и мне хочется, чтобы он прошел хорошо.

— Все, что происходит между нами, всегда хорошо. Мне хорошо уже просто от того, что ты рядом. — снова ее целую, наслаждаясь, как легко она открывается мне. Ушла вся ее застенчивость. Люси раскрепощенная, предприимчивая, а иногда и потрясающе дикая. И мне чертовски нравится, когда она такая.

— Ты слишком милый, — говорит она, вздыхая.

— Как и ты. — И заявляю права на ее рот, не желая больше разговаривать. Мне больше хочется продемонстрировать ей, что чувствую, чем наговорить кучу слов, которые она может посчитать бессмысленными. Не потому, что они такие, я говорю искренне, но поступки

говорят больше.

Так всегда было.

— Пошли в твою комнату, — говорю ей, беря Люси за руку и ведя к лестнице. — Мы можем раздеться догола и провести ночь вместе.

Люси начинает смеяться, нервное хихиканье заставляет меня поверить, что, возможно, она всерьез задумалась подарить мне свою девственность. Если это вообще возможно. Это так называется? Черт, я не знаю, что делать. Что сказать. Я должен принять ее как подарок, чем она и является. Я понимаю это.

Эта девушка... она становится всем для меня.

Большим, чем я хочу признать.

Глава 13.2

‘Люси’

Я дрожу. Меня буквально трясет, и, чтобы успокоить свои измотанные нервы, делаю глубокий вдох. Гейб ведет себя, словно нет ничего особенного в том, что мы поднимаемся в комнату, в которой я остановилась на все лето. В комнату, где мы с Гейбом снова и снова делали друг с другом множество вещей, потрясающих, непристойных и головокружительных.

Кто бы знал, что быть настолько эмоциональной и дать волю своей чувственности, будет так чертовски хорошо? Ладно, я подозревала. Я не совсем невежа. Предполагается, секс должен быть хорош. А когда вы с кем-то, кто вам не безразличен, он становится действительно приятным. Но из-за постоянных маминых нравоучений мной настолько сильно завладел страх, что все, связанное с сексом, пугало меня. Я могла поцеловать парня. Позволить ему немного пощупать меня, затем в ответ немного пощупать его, но на этом все. Дальше я бы не позволила себе зайти.

Я была слишком напугана.

С Гейбом я забыла про страх. Он делает все таким увлекательным и безрассудным, и невероятным. То, как он смотрит на меня, как прикасается ко мне, насколько легко и быстро кончаю с ним, это просто... вау. Если он может заставить меня чувствовать себя так чудесно, когда мы просто ласкаем друг друга, то представьте, каково будет, когда дело дойдет до настоящего соития.

И это то, чем я занималась. Представляла, как позволяю сделать это со мной. Позволяю ему овладеть мной. Мы зашли так далеко, что какой смысл цепляться за одну маленькую деталь? Я хочу этого, хочу, чтобы Гейб стал моим первым. И надеюсь, что это произойдет сегодня. Просто очень трудно поднять эту тему.

Эй, Гейб. Я расстаюсь со своей невинностью только ради тебя!

О, привет. Гейб, я полагаю, сейчас ты можешь засунуть свой член в меня. Очевидно, ты готов к этому. Как и я. Наконец-то, правда?

Просто возьми меня.

Морщусь. Нет, ни один из этих вариантов не сработает. Несу какую-то чушь. Как обычно, когда нервничаю, в голову лезут сумасшедшие мысли, а прямо в этот самый момент, можно сказать, я на пороге полномасштабной панической атаки...

— Эй. — Он останавливается в проеме двери в мою комнату, подносит наши соединенные руки к губам и целует мои костяшки. — Если ты против, я смирюсь с этим.

То, что он вообще произносит подобное, сводит с ума и достигает сердца. Он настолько невероятно чуткий. Девушка, которая однажды окончательно зацепит его, будет счастливой

стервой.

И с чего вдруг, от мысли о какой-то другой счастливнице, подцепившей Гейба, мое сердце словно раскалывается надвое?

Рассматриваю его. Наполовину распахнутая рубашка, которую я не успела до этого расстегнуть до конца, позволяет увидеть его загорелую и упругую кожу. Последние несколько дней он не брился, так как знает, что мне нравится, когда он трется своим щетинистым лицом о мою голую кожу. Я протягиваю руку, провожу пальцами по его подбородку, наслаждаясь покалыванием приятной, но и в то же время колючей щетины.

— Я хочу сделать это. — Встречаюсь с ним взглядом, у него такое сосредоточенное выражение лица. Мне кажется, что он говорит очень серьезно, и мне это импонирует. — Я хочу быть с тобой. Я хочу... ты знаешь.

— Даже не можешь сказать это вслух, Люс? — Его голос поддразнивающий.

У меня горят щеки.

— Могу.

— Тогда скажи. — Он дотрагивается до моего лица, проводит пальцами вдоль шеи, вызывая во мне дрожь. — Чего ты хочешь?

— Тебя, — шепчу я. Запинаюсь. Делаю глубокий вдох. Просто скажи это. — Внутри меня.

Его лицо темнеет, становится голодным. Собственническим.

— Обожаю, когда ты так говоришь.

— Не сомневаюсь, — бормочу я и улыбаюсь, довольная, что мне хватило смелости произнести эти слова.

Он нежно проводит пальцами по линии моего подбородка.

— Ты уверена?

Я медленно киваю и тяну его в спальню. Не то чтобы он неохотно идет за мной. Он хочет этого. Он хочет меня так же сильно, как и я его.

Осознание этого опьяняет.

— Я не хочу причинить тебе боль. — Он обхватывает мою шею сбоку, скользит пальцами, пока не накрывает ладонью затылок. — Я хочу сделать эту ночь идеальной для тебя.

— Знаю. И ты сделаешь. — Он снова целует меня в лоб, и я, переполненная эмоциями из-за милого жеста, закрываю глаза. Для него мои желания всегда на первом месте. Он — щедрый любовник, и, в свою очередь, мне хочется подарить ему весь мир.

Я боюсь, что как только заполучу его, как только узнаю, как ощущается Гэбриэл Уолкер,двигающийся внутри меня, занимающийся со мной любовью, то буду разрушена для кого-то другого. Он окончательно погубит меня.

Но сегодня мне плевать. Я хочу быть разрушенной. Гейбом.

— Если мы не хотим, чтобы я сделал тебе больно, нам стоит позволить себе долгую прелюдию, — говорит он, шаловливо улыбаясь. — Знаю, это будет непросто, но, думаю, ты справишься.

— Звучит ужасно, — отвечаю, надеясь, что он услышит поддразнивающие нотки в моем голосе. Кажется, что все время, вплоть до этого самого момента, мы с Гейбом только и занимались прелюдией, повышая напряжение между нами.

— Я знаю, ладно? Чертовски ужасно.

Мы оба смеемся, и затем он целует меня, заглушая мой мозг своими замечательными

губами. Его язык танцует с моим, руки путешествуют по всему моему телу, опускаясь вниз, и начинают теревить подол платья. Предвкушение посылает импульс желания между моих ног, особенно ожидая, как он вот-вот обнаружит, что под этим платьем на мне нет трусиков. Как и бюстгалтера.

Мне кажется, Гейб одобрит отсутствие нижнего белья.

По-прежнему продолжая целовать меня, он просовывает руки мне под платье и легко скользит пальцами по моим бедрам. Обвиваю его шею руками и притягиваю Гейба ближе, желая никогда не отпускать его. Он такой сильный, его тело такое твердое, упругое и мускулистое. Протягиваю руки между нами, чтобы расстегнуть рубашку до конца, мои пальцы быстро справляются с пуговицами, пока она не распахивается, и я могу прикоснуться к его горячей, гладкой коже. Пробегаюсь пальцами по плоскому животу, позволяя им скользить вниз к поясу его брюк.

Но все еще не чувствую себя достаточно смелой, чтобы их расстегнуть. Не хочу торопить события.

Он проводит пальцами вверх и вниз по внешней стороне моих бедер, меня пробирает дрожь. Его руки обхватывают бедра сзади, касаясь попы, и продолжают двигаться вверх. Думаю, он уже понял, что на мне нет белья. Разрываю поцелуй и всматриваюсь в него.

В его глазах мерцает темный блеск, и улыбка просто огромная.

— Люс, ты — плохая, грязная девчонка.

— Я? Почему это? — спрашиваю невинно и даже хлопаю ресницами для убедительности.

— Ты знаешь, почему. — Он задирает платье до бедер, полностью разоблачая меня, и тяжело вздыхает. — Посмотри на себя, — произносит он благоговейно, упираясь взглядом в место соединения моих бедер.

Извращенец.

Но, эй, во всяком случае, он — мой извращенец. Этой ночью.

Крошечная часть меня желает, чтобы я смогла удержать его на все мои ночи.

## 14 глава

### Люси

Не говоря ни слова, Гейб опускает ладони мне на плечи и мягко толкает назад, и мне ничего не остается, кроме как упасть на кровать. И, так как юбка больше не помеха, когда я приземляюсь, мои ноги широко раздвигаются, открывая вид на мою беззащитность. Он не отрывает взгляд, продолжая пялиться туда, где соединяются мои бедра.

— Детка, похоже, ты изрядно влажная, — шепчет он своим низким, глубоким голосом, который посылает по моей коже каскад мурашек.

Он редко обращается ко мне как-то иначе, чем по имени или Люс, поэтому, когда он называет меня деткой, у меня в животе начинают порхать бабочки. Я задерживаю дыхание, как только он тянется к поясу своих брюк, расстегивает кнопку и затем тянет молнию вниз, сбрасывая туфли, прежде чем освободиться из брюк, стоя передо мной. Я наблюдаю, мой взгляд падает на перед его черных боксеров-брифов, на то, как его толстая эрекция натягивает их спереди.

У меня слабеют ноги, и я рада, что не стою.

— Сними платье, Люс, — требует он, встретившись со мной глазами. Он любит покомандовать, но я не против. В спальне он берет на себя полный контроль, что нахожу очень сексуальным. Большую часть времени мне кажется, словно я понятия не имею, что делаю, так что предпочитаю, когда он говорит, что делать.

Без колебаний снимаю платье, стягивая его через голову, подмечая огонь в его глазах, как только он видит, что бюстгалтера на мне тоже нет. Гейб медленно качает головой, потирая рукой подбородок и продолжая изучать меня.

— Лифчика тоже нет? Ты определенно числишься в списке непослушных девочек, — говорит он с похотливым блеском в глазах, присоединяясь ко мне на кровати и накрывая меня своим большим телом, расставив руки по обе стороны от меня. — Хотя быть в этом списке не так уж и плохо.

— Именно на это я и надеялась, — успеваю прошептать перед тем, как он захватывает мой рот. Поцелуй глубокий, и такое ощущение, что его горячий, влажный язык касается меня повсюду. Он отстраняется от моих губ, чтобы спуститься поцелуями вниз по всей длине шеи, по ключицам, его руки у меня на груди, пальцы касаются сосков, вызывая во мне дрожь.

Я обожаю то, как уверенно он прикасается ко мне, как внимательно следит за тем, что мне нравится. Он четко знает, что сделать, чтобы я умоляла о большем, как и то, какие чувствительные у меня соски. У меня перехватывает дыхание, стоит ему обхватить губами один и начать сосать и тянуть его, кружа языком и прикусывая зубами плоть. Стремясь к Гейбу, я зарываюсь руками в его мягкие волосы, притягивая ближе к себе, и приподнимаю бедра. Во мне просыпается чувство разочарования, когда понимаю, что он до сих пор не обнажен.

Гейб уделяет такое же внимание другому соску, облизывая, посасывая и кусая его. Я практически чувствую, что могла бы кончить просто от того, как он сосет мои соски, безумие какое-то.

Он медленно проводит дорожку поцелуев к моему животу, кружит языком вокруг пупка, прежде чем последовать дальше. И я широко развожу ноги, чтобы он устроился, готовая к тому, чем он так щедро делится.

Но, когда Гейб медлит, открываю глаза и поднимаю голову, и вижу, как он с легкой улыбкой, изгибающей его губы, наблюдает за мной.

— Ты такая красивая вот так, Люси.

Мне одновременно и неловко, и приятно. От его слов, от того, как он смотрит на меня, как прикасается ко мне, я чувствую себя красивой. Ничего не говорю, потому что не знаю, как ответить. Но, кажется, он и не против. Гейб опускает голову, его взгляд по-прежнему прикован к моему, когда он прижимается губами к внутренней стороне бедра. Едва касаясь, он целует меня там снова и снова, приближаясь все ближе и ближе к моему клитору. Я трепещу от предвкушения, и как только его рот оказывается прямо там, где я так жажду — у меня между ног, а его язык начинает порхать по моим складочкам, у меня трясутся ноги и закатываются глаза.

С моих губ срывается протяжный и дрожащий стон. Его плечи слегка задевают внутреннюю сторону бедер, он хватается за них, закидывает к себе на плечи и продолжает лизать и сосать меня. Один длинный палец проникает в меня, затем еще один, Гейб медленно проталкивает их внутрь и обратно, в полной тишине комнаты слышны только хлюпающие звуки моей плоти.

— Ты такая охрентельно мокрая и тугая. — Похоже, он едва сдерживается. — Не могу

дождаться, когда окажусь внутри тебя.

Я тоже не могу дождаться, когда он будет во мне. Все мое тело дрожит от предвкушения и нервов. Будет ли это больно? Не хочу, чтобы было больно. Я хочу, чтобы это стало незабываемым, идеальным событием. Знаю, что не существует такого понятия, как «идеальный», но я полна решимости провести самую лучшую ночь с Гейбом.

И я уверена, что он сделает все, чтобы убедиться, что я наслаждаюсь этим моментом.

Гейб продолжает ласкать меня языком, кружа по моему клитору, прежде чем втянуть его в рот, одновременно увеличивая темп своих пальцев. Он всегда настолько увлеченный, делая мне куни, что кажется, ему и самому это очень нравится, чему чертовски рада, потому что, о, мой бог, я действительно наслаждаюсь, когда он делает его.

Лицо Гейба у меня между ног вполне может стать моей любимой вещью. И если из-за этого я становлюсь грязной шлюшкой, то так тому и быть. Я приму и буду использовать по максимуму свою порочную сущность.

— М-м-м, твой вкус чертовски хорош, — бормочет он рядом с моим влагалищем. Легкая вибрация его голоса посылает мурашки по всему моему телу, я зарываюсь пальцами в его волосах, прижимая к себе, практически вдавливая в себя его лицо. Я уже близка. Чувствую себя так, словно балансирую на краю восхитительной бездны, но падать в нее пока не хочу. Я хочу растянуть удовольствие, сделать так, чтобы оно длилось вечно. Это одно из моих последних мгновений с Гейбом, и мне не хочется, чтобы оно заканчивалось.

Но затем он отстраняется от меня, и я не могу справиться с окатившей меня волной разочарования. Что он делает? Куда он идет? Я изумленно смотрю на него, замечаю, как блестят его губы и подбородок, и от смущения краснею.

Я... по всему его лицу. Но не могу не думать, что это невероятно возбуждающе.

— Иди сюда. Давай слегка изменим позицию, попробуем кое-что новенькое. — Он ложится на кровать головой на подушки, похоже, его член вот-вот прорвется через боксеры. Гейб машет рукой, призывая меня подойти к нему, что я и делаю. — Оседлай меня.

Я начинаю пристраивать ноги по обе стороны его бедер, но он трясет головой.

— Оседлай мое лицо.

У меня рот открывается.

— Что ты сказал?

Он улыбается, напоминая бесстыжего мальчишку. Скорее даже соблазнительного взрослого мужчину с дьявольскими намерениями.

— Да. Трахни мое лицо, Люси. Давай же.

Трахни мое лицо? О боже, клянусь, у меня слабость от одних лишь слов. Звучит безусловно... пошло. И потрясающе.

Опускаюсь на колени на матрас рядом с ним, мое тело все еще пульсирует, нуждаясь в оргазме, к которому я была так близка всего пару минут назад.

— Не знаю...

Гейб даже не позволяет мне договорить. Хватает меня за бедра и тянет на себя, и мне ничего не остается, кроме как сделать то, что он хочет. У меня вырывается визг, как только он пристраивает меня прямо над своим лицом, мои колени обхватывают его голову с обеих сторон. И когда прижимает ко мне рот и начинает языком неторопливо и томительно лизать меня, я тянусь и изо всех сил впиваясь пальцами вцепляюсь в изголовье кровати.

О, божечки. Я чувствую его до самых кончиков пальцев ног. Он продолжает медленно лизать, затем увеличивает темп над моим клитором, порхая языком вокруг и доводя меня до

исступления. Я стараюсь сдерживаться. Не хочу задушить его до смерти и превратить свое влагалище как смертельное оружие. Но ничего не могу поделать. Я стону. Выдыхаю его имя, чертыхаюсь, вращаю бедрами, пытаюсь заполучить его рот на одной определенной точке, которая, уверена, отправит меня прямо в страну оргазмов. Вдруг он вставляет глубоко в меня два пальца, сильно всасывает клитор, и вот оно.

Я обмякаю на его лице, сильно кончая, выкрикивая его имя снова и снова. Его руки крепко держат мои бедра, прижимая к нему, так как он продолжает сосать мою горошинку, я наклоняюсь вперед, упираясь лбом в мягкую спинку кровати и закрывая глаза. Я, наверное, потеряю сознание. О, мой бог, от такого оргазма я сейчас лишусь чувств и мое тело не перестанет содрогаться. Боюсь, он довел меня до полного припадка ...

— Люси. — Гейб отрывает меня от своего лица, я открываю глаза и вижу, что он пристально смотрит на меня, его рот изогнулся в этой высокомерной надменной улыбке. И выглядит безумно довольным собой. Я же, наоборот, совсем без сил. И едва ли в состоянии держать глаза открытыми. — Думаю, ты готова.

Хмурюсь, пытаюсь отдышаться, успокоить свое учащенное сердцебиение, но это просто невозможно. Мне повезло, что прямо сейчас у меня не случился сердечный приступ.

— К чему?

— Ко мне.

## Глава 14.2

### Гейб

Нет ничего лучше, чем довести Люси до оргазма. Seriously, она прекрасна, когда кончает и издает все эти сексуальные звуки. То, как она дышит, как у нее перехватывает горло, хныканье, стоны, то, как произносит мое имя, а иногда даже выкрикивает его. Чтоб меня, это потрясающе. Наблюдая за ней, я завожусь как ни с одной другой девушкой до этого, поэтому стараюсь сделать вид, будто ничего особенного в этом нет.

Но это имеет огромное значение. Люси много значит для меня, и мне очень важно заставить ее чувствовать себя хорошо. Если бы мог подарить ей целый мир, я бы сделал это, вот как далеко зашел с ней. Хотя, на самом деле, говорю себе, это пустая трата моих времени и эмоций. Меньше, чем через два дня, я буду в другом штате и больше никогда не увижу ее. Мы могли бы пообещать друг другу звонить и прочую чушь, но оба знаем, что это не сработает.

Это конец. Сегодняшняя ночь, может быть, еще завтрашняя, и на этом все.

Я действительно чертовски ненавижу, что это почти конец.

Отгоняю прочь все негативные мысли и фокусируюсь на моей девочке. Она упала на кровать около меня, разгоряченная и голая, с довольной улыбкой на лице. Ее веки полуоткрыты, и у нее такой вид, будто в любой момент может заснуть. От осознания, что именно я вызвал эту удовлетворенную улыбку на ее лице, мне хочется надуться от гордости, но унимаюсь. Не нужно вести себя как придурок.

— Иди сюда, — бормочу себе под нос, потянувшись к ее талии. Она охотно подчиняется, обхватывая руками мою шею, пока я подминаю ее под себя. Целую ее, и она даже не уклоняется, учитывая, что мой рот был на ее киске всего несколько минут назад. В какой-то момент мне стало страшно, что она задушит меня, но все равно продолжал. Это был безумно горячий момент, который я никогда не забуду.

— Мне ну очень нужен презерватив. — Другими словами, умираю, как хочу оказаться в ней. Хотя, когда это случится, боюсь, не продержусь и пары минут. Бедняжка Люси подумает, что я — скорострел.

Закрываю глаза, думаю о посещении дантиста. О сдаче экзамена, к которому не подготовился — стоп, я редко готовлюсь к экзаменам, так что это не помогает, о чем угодно, лишь бы отвлечься от мыслей о чересчур быстрой эякуляции.

— Конечно. — Люси не помогает решить мою проблему, хотя мне очень нравится, как она целует мою шею, неторопливо скользя губами и покусывая мой подбородок. — У тебя он есть? — интересуется она робко.

Спасибо Господу, еще раньше я запихнул три штуки в свой бумажник. У меня уже был там один, но я надеялся.

— Есть. Сейчас достану. — Соскакиваю с кровати, почти спотыкаясь о собственные ноги, отчего Люси хихикает. Хватаю с пола брюки и достаю из заднего кармана бумажник, беру все три презерватива и два из них бросаю на прикроватную тумбу, а тот, что в руках, открываю и раскатываю по члену.

Я тверд, как скала, и прикасаться к нему очень чувствительно, почти болезненно. Умираю от желания войти в нее, не могу дождаться, чтобы погрузиться в ее глубины и ощутить, как она будет сжимать и стискивать мой член. Она наблюдает за мной глазами, полными тревоги, ее кожа покраснелась, волосы в беспорядке, а на пухлых губах неуверенная улыбка. Она выглядит испуганной.

Она выглядит красивой.

Подхожу к ней и без единого слова обнимаю, прижимаясь губами к ее губам. Поцелуй долгий и глубокий, мой член настойчиво упирается ей в живот. Не отрываясь от ее губ, переворачиваю Люси на спину, она словно плавится подо мной, ее жар, пышное тело, прижавшееся ко мне вплотную, в то время как руки обвивают мою шею и притягивают меня еще ближе.

— Не хочу сделать тебе больно, — выдыхаю рядом с ее ушком, разорвав поцелуй.

Она трясет головой, ударяя волосами мне по лицу.

— Я знаю, ты будешь нежен со мной.

Замираю, потрясенный ее доверием ко мне. Абсолютной верой, что, не взирая ни на что, поступлю правильно, когда дело касается ее.

Делаю глубокий вдох, встаю на колени, опираясь одной рукой на матрас, хватаюсь за основание члена и слегка касаюсь только лишь головкой ее киски. Она зажмуривает глаза, дрожаще вздыхая, ее бедра выгибаются, словно хочет большего. Словно стремится ко мне, так как я — единственный, кто может о ней позаботиться.

Провожу головкой члена по клитору, удивленный, какая она влажная, ее плоть такая податливая и манящая. Меня чертовски трясет, когда я осторожно надавливаю членом на ее вход и неспешно вхожу в нее, дюйм за дюймом, по чуть-чуть. При первом же вторжении Люси замирает, ее тело напрягается, я вижу, как она затаила дыхание.

— Дыши, детка, — шепчу, зачарованно наблюдая, как медленно погружаюсь в нее. Она принимает меня так легко, словно была создана для меня, и когда я, наконец, полностью в ее киске, закрываю глаза и опускаю голову, чтобы прикоснуться губами к ее губам в легчайшем поцелуе. — Ты в порядке?

Она кивает, бормочет что-то, что я не совсем разбираю, и так же медленно, как и вошел в нее, выхожу, выжидая, не желая причинить ей боль, отчаявшись трахнуть ее жестко и

сделать своей.

Но она уже моя. Я могу это сказать по ее задыхающимся звукам, по тому, как ее тело постепенно расслабляется, и ее тугий жар обволакивает меня. Глубоко толкаюсь. Еще глубже. Заставляя ее стонать. Заставляя себя кряхтеть. Я весь вспотел, тряска так и не прошла, черт, что гораздо хуже, я удивлен своей реакцией на нее. Почему меня настолько переполняет потребность сделать для нее это приятным?

Потому что она заслуживает это. Она заслуживает только самого лучшего.

Может, я и не тот, кто подарит ей лучшую жизнь, но, черт возьми, пока я с ней, приложу для этого максимум усилий.

— Обхвати меня ногами за бедра, — предлагаю я, она так и делает, позволяя мне тем самым погружаться в нее еще глубже. Мы оба стонем, сил сдерживаться больше нет. Меня чертовски убивает невозможность дать себе волю с ней, поэтому отпускаю себя, но как можно нежнее. Приподнимаюсь и протягиваю руку между нами, прикасаюсь к клитору, кружа по нему пальцами, Люси сильнее прижимается ко мне, впиваясь ноготками мне в плечи, ее рот рядом с моим ухом, когда она делает эти маленькие страстные вдохи, что сводит меня с ума.

Все, что она делает, сводит меня с ума.

— Ты близко? — спрашиваю я, потому что со мной это случится в любой момент. Я вот-вот кончу. Не хочется испортить для нее этот момент, но, проклятье, я сейчас взорвусь, в основании позвоночника уже начинает знакомо покалывать. — Скажи, что ты близко.

Люси яростно кивает, распахивая глаза и встречаясь со мной взглядом.

— Ты ощущаешь так хорошо.

Зажмуриваю глаза и трясу головой. Не могу смотреть на нее такую. Не когда она настолько безумно красива, что у меня сердце болит. Ненавижу, что придется расстаться с ней. Ненавижу, что у меня есть всего несколько часов с ней, прежде чем уеду и больше никогда не увижу ее.

Но, может, это и к лучшему. То, что я к ней испытываю после такого недолгого знакомства — просто безумие. Так не должно быть. Я не должен влюбляться в девушку, с которой не могу быть. Насколько будет больно, когда мы не сможем больше видеть друг друга?

Чертовски больно — по крайней мере, для меня.

— О, боже. — Кажется, она сейчас кончит, увеличиваю темп, мои бедра ударяются об ее бедра, пока я неистово тру ее клитор. Мои движения неуклюжие, я теряю все свое мастерство в погоне за освобождением для нас обоих, и когда она, наконец, замирает подо мной, откинув голову назад и закрыв глаза, я знаю — она его достигла.

Наблюдаю, как она кончает, чувствую, как пульсирует ее киска, выдаивая мой член, и вот оно. С дрожащим стоном, я тоже кончаю, вжимаясь в нее так глубоко, как только могу, пока оргазм выплескивается из меня.

Быть с ней, слушать ее, наблюдать за ней, чувствовать ее — все это вырывается из меня. Падаю на нее сверху, сбивчиво дышу, мое тело все еще сотрясает случайная дрожь. Люси гладит руками вверх и вниз по моей спине успокаивающим движением и неспешно целует меня в шею.

Сильно зажмуриваюсь, жалея, что нельзя остановить время. Я не хочу, чтобы это кончалось.

Никогда.

Четыре недели спустя...

— Ты у себя? — отвечает мама вместо приветствия.

Я закатываю глаза и плюхаюсь спиной на кровать. Мой матрас новейшей модели, словно пушистое облако, а вот подушки — отстой. Они слишком твердые.

— И тебе тоже привет.

Мама раздраженно вздыхает. С момента, как я уехала из дома, она непрестанно звонила и писала — а прошло-то всего два дня. Я ценю ее заботу. Правда. Но в тоже время схожу с ума. Мама чересчур опекающая. Я понимаю, ей нелегко расстаться со своей девочкой, но все же считаю, что ей нужна независимость от меня. Она молода, и теперь, когда я уехала, она может выбираться из дома и делать все, что ее душе угодно. Ей нет еще и сорока, а она не была на свидании, уже не знаю, сколько времени.

Она, бесспорно, заслуживает жить дальше. Как и я. Думаю, пришло время нам обеим, наконец, попытаться сделать это.

— Прости, — говорю я тихо. — Да, у себя. Сегодня утром доставили кровать. Она такая удобная, и я купила очень мягкое постельное белье с подходящим одеялом. Спасибо еще раз.

— Она купила матрас в новую квартиру, хотя я настаивала, что, переезжая, могу взять свой старый. Но мама сказала, что я заслуживаю что-то новое и отказалась даже слушать, когда я заявила, что мне ничего не нужно.

С годами я поняла, иногда лучше всего просто оставить все как есть.

— Я рада, что тебе она нравится, — говорит мама. — Как твоя соседка? Ты много с ней общалась?

— Да, она очень милая, но я редко ее видела. Здесь с ней ее парень, и прежде чем он должен будет уехать учиться, они проводят много времени вместе. — Другими словами, последние две ночи я слушала, чем они занимаются в ее комнате, словно озабоченные дикие кошки. Вынужденная страдать и тосковать о том, чего у меня больше нет.

Скорее даже по кому-то, кого больше не будет рядом. И кто сказал, что я не могу найти в колледже другого парня, с которым бы захотела сношаться, как озабоченные дикие кошки.

И почему я продолжаю представлять себе озабоченных диких кошек? Кто еще этим так занимается?

Хотя, как я и подозревала, что касается других мужчин, Гейб установил высокую планку. Другими словами, не могу перестать думать о нем. Как только он уехал, мы несколько раз переписывались, но последние две недели он не очень-то торопится ответить. Мне кажется, он пытается разорвать все связи, и я его прекрасно понимаю. Нет смысла продолжать общаться. Мы пошли каждый своей дорогой. Но в момент, когда я уехала из Санта-Барбары, почувствовала облегчение. Мне нужно было сбежать из того дома и от воспоминаний о нас с Гейбом.

Это было замечательное лето. Я заработала кучу денег просто ни за что, у меня теперь есть еще одна подруга, и я потеряла девственность с самым сексуальным парнем во вселенной. Мне не из-за чего жаловаться.

Совершенно.

Довольно жалко, что приходится постоянно напоминать себе об этом.

— Хм-м, так она приводит парня в квартиру, где только вы вдвоем? Совершенно неуместно, — заявляет мама, вырывая меня из мыслей, заполненных Гейбом.

Я уже почти начинаю протестовать, но решаю не делать этого. Такое ощущение, что она живет в Средневековье. Мне кажется, мама просто ничего не может поделаться с собой, поэтому настолько меня опекает, что иногда раздражает. Особенно, когда ты — двадцатидвухлетняя девушка, в полной мере способная позаботиться о себе, и не важно, есть в доме с двумя предположительно незащищенными девушками какой-то парень или нет.

— Все нормально, мам. Они безумно любят друг друга, что в этом плохого?

— Плохо то, что одним опрометчивым решением он может разрушить ее жизнь.

Маме не нужно напоминать мне, какое решение она имеет в виду.

— Не все выходят из дома, занимаются сексом и сразу же залетают.

— Я знаю. Как и ты, моя девочка. Ты — хорошая девочка. Ты не встречаешься с мальчиками и не позволяешь им прикасаться к тебе. — Она говорит это настолько довольно и уверенно, что я почти готова рассмеяться.

А еще почти готова бросить трубку. Меня охватывает довольно сильное чувство вины. Если бы только она точно знала, сколько раз Гейб прикасался ко мне. Всевозможными способами. О непрерывном сексе, который был у нас за те последние тридцать шесть часов или около того, пока мы были вместе. После нашей страстной ночи мои бедра болели еще несколько дней. Он воспользовался мной наилучшим образом.

И я наслаждалась каждой минутой.

— Послушай, я устала. — И для убедительности издаю долгий протяжный зевок. — Мне пора идти. Нужно хорошенько выспаться. Занятия начинаются завтра с утра.

— Ты волнуешься?

Холодный ком страха в животе напоминает о моем точном состоянии.

— Мне страшно.

— Не бойся. Ты будешь потрясающей. Уверена, у тебя, как всегда, все получится. Ты — такая умная девочка, дорогая моя. Просто будь внимательна на занятиях и слушай все, что там говорят, — советует она мне.

Снова чуть не закатываю глаза, но сдерживаюсь.

— Люблю тебя, мам.

— Я тоже люблю тебя, сладкая. Будь осторожна и позвони мне завтра! Расскажешь, как все прошло.

Я обещаю ей и заканчиваю разговор как раз в тот момент, когда слышу, как открывается входная дверь. Высунув голову за дверь моей спальни, тихонько выглядываю, прежде чем выйти в коридор. Я не слышу низкий мужской голос парня моей новой соседки Джинны, поэтому полагаю, она одна.

Когда вижу ее, свернувшуюся калачиком на диване, который она привезла с собой при переезде, и заплаканную, следую врожденным инстинктам и иду к ней, и нежно обнимаю.

— Ты в порядке?

Она трясет головой, задевая густыми каштановыми волосами мое лицо. Джина — высокая, статная и красивая девушка. И, кажется, у нее есть деньги — по крайней мере, больше, чем у меня — и, судя по тому, что я видела за очень короткое время, что мы живем вместе, она носит потрясные одежду и обувь, у нее есть цепочка с золотым кулоном в виде слова «любовь». На протяжении всего обучения в колледже знакомишься с новыми и совершенно разными людьми.

Наконец Джина заговаривает:

— Мой парень уехал, вместе с моими родителями вернулся обратно в ЛА. Он надеется завтра рано утром улететь в свой колледж. В-возможно, я-я его больше н-никогда не увижу, — неуверенно произносит она перед тем, как начать причитать всерьез.

Немного неловко обнимаю ее крепче, не зная, что сказать.

— Все будет хорошо.

Она поднимает заплаканное лицо и смотрит на меня.

— Он найдет себе другую

— Нет, не найдет. С чего бы, — горячо возражаю я. — Ты — красавица.

— И что? — С безнадежным видом Джина пожимает плечами. — Он будет учиться в колледже, где много других красивых девушек. Тысячи красивых девушек, которых никогда до этого не видел, а он великолепен. Они все будут хотеть его. Мы были вместе со старшей школы. Вдали от меня он в считанные секунды может найти кого-то нового.

— Ни черта подобного. Как он сможет так поступить с тобой? — Отстраняюсь и пристально разглядываю ее. — Он будет полным идиотом, если променяет тебя на какую-то тупоголовую девицу.

Она пожимает плечами.

— Может, Чед — идиот. Не знаю. Он может измениться. Я могу измениться.

Чед? Типичное чванливое имя богатого парня. И такой же чванливый вид богатого парня в белой рубашке-поло и шортах цвета хаки. — Так вы двое вместе со старшей школы?

— Мы встретились на геометрии на первом курсе, — вздыхает она, вырываясь из моих объятий и откидываясь на диван. Я чувствовала себя глупо, обнимая ее, учитывая, что мало ее знаю, но, кажется, она признательна за мою поддержку. — У нас были взлеты и падения, но я точно знаю, что он — мой единственный. Мы закончили старшую школу и последние два года учились в нашем местном общественном колледже.

Значит, она примерно моего возраста.

— Тогда я удивлена, что вы учите в разных колледжах, раз так долго были преданны друг другу. — Типа, я действительно удивлена. Если она настолько без ума от богатого парня Чеда, то почему они не остались вместе?

— Его родители заставили. — Ее губы сжимаются в тонкую прямую линию. — На самом деле они не одобряют меня. Они хотят для него кого-то, кто ближе к их финансовому... статусу.

У меня скручивает желудок. Я бы ни секунды не сомневалась, что если бы мы с Гейбом стали встречаться серьезно — ха-ха, смешно — его родители бы чувствовали по отношению ко мне то же самое, что и родители Чеда к Джине. — Я не осуждаю. Черт, да и не могу. Я здесь благодаря стипендии и студенческим займам, — тихо признаюсь.

Ее глаза от удивления округляются.

— Я тоже, — шепчет она.

Я поражена. Может быть, Чед осыпает ее подарками. Наверное, именно поэтому у нее столько дорогих вещей. Теперь все становится понятным.

— Так что, мне все равно, какой у тебя финансовый статус. — Делаю кавычки в воздухе, когда произношу «финансовый статус», потому что, ну кто так говорит, кроме богатых людей? — Я буду любить тебя такой, какая ты есть. А не за то, сколько денег у тебя или твоей семьи.

— Мои родители из среднего класса, у меня два брата и сестра, — рассказывает она. —

Я самая старшая, и мне всегда приходилось во всем помогать. Это первый глоток свободы, поэтому и не хочу ничего упустить.

Джина сжимает губы, виноватый взгляд заставляет меня задуматься, может она считает, что призналась в страшном грехе.

Хочу, чтобы она знала, что не одинока.

— Я единственный ребенок, воспитанный матерью-одиночкой. Это первый раз, когда я по-настоящему свободна от ее всеобъемлющего и чрезмерно контролирующего вмешательства.

Джина улыбается, тянется и хватается меня за руку.

— Думаю, ты только что стала моей новой лучшей подругой.

Гейб

— Какого черта ты такой раздражительный? — Тристан бьет меня по руке, проходя мимо. Сильно.

Ублюдок.

Я не в настроении с тех пор, как месяц назад уехал из Санта-Барбары. Родители шокированы моими поведением. Я покладистый парень. Сын, исполняющий все, что они хотят, не протестуя, но при этом жалуясь всем, кто будет слушать — и моим родителям в том числе, но они никогда не слушают. Довольно забавно, но большей бунтаркой оказалась моя младшая сестренка Сидни. Как только мы приехали в Техас, она вывалила на них кучу дерьма и с тех пор не унималась.

Возможно, я и не восстаю против родителей вслух, но зато волочусь за каждой юбкой, напиваюсь до беспамятства и управляю нелегальным игорным домом на протяжении последних трех лет, что учусь в колледже. Так сказать, веду разгульный образ жизни. Абстрагируюсь от всего. О чем бы с явным презрением ни говорила мама, когда мы обсуждаем мою студенческую жизнь. Такое ощущение, что она знает, каково это — выпускать пар и быть плохой. Она ушла из родительского дома и вышла замуж за папу в «зрелом возрасте» девятнадцати лет.

И с тех пор она была несчастна.

— Нет настроения возвращаться завтра в кампус, — в конце концов, выдавливаю сквозь зубы, понимая, что это жалкая отговорка. Я бы предпочел быть на занятиях и заниматься чем-угодно, чем целый день рассиживаться и предаваться мечтам о Люси. Это меня абсолютно никуда не приведет.

— Разве твоя рабочая нагрузка не меньше в этом семестре? — спрашивает Тристан, пересекая кухню и вытаскивая себе пиво из холодильника.

Поскольку мне больше нечем заняться, я тусуюсь в доме, где живут Тристан и Шеп. Занятия начинаются завтра. Работа в игорном доме возобновится в среду. А пока готовлюсь, так как именно я — тот, кто на самом деле владеет и живет в доме, где мы держим игорный дом.

— Я взял пару дополнительных курсов, которые откладывал, поэтому в этом семестре мне нужно их сдать. Безумно не хочется заниматься этим, но, похоже, у меня нет выбора, — отвечаю ему и подбородком указываю в сторону зажатого в его руке пива. — Достань и мне одно, ладно?

Тристан снова открывает холодильник, берет пиво, поворачивается и бросает его в

меня. К счастью, у меня быстрая реакция, и я успеваю поймать бутылку пива, прежде чем она упала бы на пол и кругом был бы жуткий беспорядок.

— Тебе повезло, что поймал бутылку, — раздается женский голос позади меня.

Поворачиваюсь и замечаю Джейд, несущуюся со злым взглядом на лице мимо меня к Тристану.

— А ты, придурок, раз бросил ее, — заявляет она, тыча указательным пальцем ему в грудь.

— Оу. — Тристан потирает грудь в том месте, где она его тыкала. — Почему ты всегда так строга со мной, Джей?

— Потому что ты — полный придурок, Ти, — произносит она, имитируя его тон.

Я ухмыляюсь, откручивая крышку у бутылки пива и кладу ее на стойку.

— Теперь она и тебя держит в узде? — интересуюсь перед тем, как глотнуть пива.

Тристан сердито смотрит на нас обоих.

— Скорее она держит в узде Шеп.

— Хочу, чтоб вы знали, что я сдерживаю ее, — говорит Шеп, входя в кухню через дверной проем, ведущий в гостиную. Он подходит сзади к своей девушке и обнимает ее, обхватив за талию. — Ее нужна твердая рука, скажу я вам.

— Перестань, — ворчит она, хлопая его по предплечью. И при этом улыбается, а Шеп целует ее в шею, так что, полагаю, на самом деле они совершенно не злятся. А может ей нравится, когда ею командуют. Люси, казалось, всегда нравилось, когда я доминировал в постели.

В эти последние несколько дней мне было тяжело наблюдать за ними вместе. От этого я сильно скучаю по Люси, самая невероятная вещь в мире. Нет причины для того, чтобы я скучал по ней. У нас была интрижка. И все. Это то, что я продолжал говорить себе на протяжении всего времени, пока был в Техасе. Черт, после нескольких дней ежедневной переписки я начал отдаляться. Дистанцироваться от нее.

Так было легче. Я смог убедить себя, что это помогает, что так не буду скучать по ней настолько сильно. Насколько сильно хотеть ее. Забавно, я не писал ей целых две недели. И уже месяц не видел ее милого личика, не целовал потрясающие губки, не прикасался к сексуальному телу, но все равно хочу ее так чертовски сильно, что с трудом могу сконцентрироваться.

Но я отказываюсь звонить ей. Отказываюсь писать. Мне нужно отпустить ее. Найти другую симпатичную девушку и переспать с ней. Это поможет двигаться дальше, уверен.

— Нам стоит куда-нибудь выбраться сегодня, — предлагаю.

— О, нет, — начинает Джейд одновременно с оглушительным «черт возьми, да» Тристана.

По крайней мере, хоть кто-то меня поддерживает.

— Ну же, Джейд, — прошу я, наблюдая, как она поворачивается назад и смотрит в сторону Шепа. — Вы должны пойти с нами вечером. Позволь Шепу выйти и покутить немного.

— Засранец, — произносит Шеп с легкой улыбкой.

— Она испортит нам все веселье, — бесцеремонно заявляет Тристан. — Поверь мне. Я проходил уже через это. Обычно Шеп был моим напарником. Теперь же он берет с собой кайфоломщицу, а она все портит.

— Ты только что назвал меня кайфоломщицей? — Джейд показывает Тристану язык. — Ты такой невероятно злой.

Он пожимает плечами.

— Всего лишь говорю правду.

И вот так они общаются постоянно. Я понял, что это их фишка. Я же — хороший парень, тот, кто нравится Джейд больше всех. Кроме Шепа, естественно. Это наша фишка.

— Ты ведь не будешь переживать, если я пойду с парнями? — интересуется Шеп тихим, интимным голосом. Похоже, он спрашивает разрешения или просто уважительно относится к чувствам Джейд.

Не вижу большой разницы.

— Нет, иди. Повеселись. Я останусь дома и в ожидании тебя буду голой валяться в кровати. — Она выскальзывает из объятий Шепа, поворачивается к нему лицом и целует в щеку. — Мне нужно идти. Увидимся позже?

— Ты же знаешь. Люблю тебя, — шепчет Шеп перед тем, как шлепнуть ее по попке и выпроводить из кухни.

Как только она уходит, качаю головой.

— Ты так увлекся ею. — С тех пор, как уехал на все лето, я не часто видел его в действии, но эти двое, кажется, по уши влюблены друг в друга.

Шеп пожимает плечами.

— Я влюблен в нее.

## Глава 15.2

Он говорит это так буднично, словно в этом нет ничего особенного, пока я стою рядом, пытаюсь принять концепцию любви. Черт возьми, что такое любовь вообще? Мои родители большую часть времени ведут себя так, словно были вынуждены быть вместе. Ни один из моих друзей никогда раньше не признавался, что влюблен. До Шепа.

Это заставляет задуматься, есть ли у меня шанс на любовь.

— Чем больше времени провожу с ней, тем больше уверен, что хочу быть с ней. Навсегда. Мне по-настоящему она нравится. Я ценю ее мнение, она заставляет меня смеяться, заставляет думать. И секс просто невероятен, — признается Шеп с лукавой улыбкой на лице.

— Кажется, она идеальная девушка, — предполагаю я. То, как он описывает Джейд, напоминает, что я чувствовал к Люси.

И от этого осознания я скучаю по ней еще больше, чем когда-либо.

Так чертовски глупо.

— Для меня Джейд — идеальная девушка, — кивая, соглашается Шеп.

— Вместе они отвратительны, — цедит сквозь зубы Тристан, заставляя нас обоих повернуться и посмотреть на него. Он допивает свое пиво, открывает холодильник и достает еще одну бутылку, откручивая крышку так, что она издает шипящий звук. — Все эти мусипуси, тьфу.

— Тебе просто завидно, — говорит Шеп, на что Тристан зло смотрит на него.

— Ничего подобного. Никаких денег в мире не хватит, чтобы я согласился быть привязанным к одной девушке. — Тристан машет бутылкой в мою сторону. — И я знаю, Гейб к этому относится точно так же.

— Верно, — машинально соглашаюсь, хотя... я завидую тому, что есть у Шепы с Джейд. Если бы несколько месяцев назад мне сказали, что буду испытывать зависть из-за серьезных отношений моего друга, я бы рассмеялся этому человеку в лицо.

Но сейчас не могу не думать, а как могло быть у меня с Люси. Были бы мы такими же счастливыми, как Джейд и Шеп? Этим летом мы довольно хорошо проводили время вместе. Мне пришлось все прекратить, так как не хотел разбить ей сердце.

Скорее даже я не хотел разбить свое собственное сердце.

— Итак, сегодня вечером ты сможешь быть настоящим напарником, — говорит Тристан Шепу. — Ты будешь приманивать девчонок, а мы с Гейбом будем охотиться.

— Вы двое хотите использовать меня, чтобы найти цыпочек для перепиха? — Он качает головой. — Ни за что.

— Ты больше не хочешь их трахать, так что это наше новое правило. Ты официально наш «второй пилот», — объявляет Тристан. — Не то чтобы нужна твоя помощь. Мы можем сделать все и сами, но так будет веселее. Как в старые добрые времена. Верно, Гейб?

— Ага, — соглашаюсь я, понимая, что это правильное решение. Найти совершенно незнакомую девушку, пофлиртовать с ней. Угостить выпивкой, сблизиться, наговорить комплиментов, прикоснуться, поцеловать, отвезти к себе, раздеть и уложить в свою постель. Выкинуть Люси из головы раз и навсегда. Я не трахался с тех пор, как видел ее в последний раз. Вот в чем моя проблема. Я заиклился на ней, потому что это было так давно.

Теперь могу только надеяться, что сегодня в баре найду невысокую сексуальную темноволосую девушку с потрясающим телом. С горящими карими глазами, пухлыми губами, убийственными буферами, тонкой талией, крепкими бедрами и задницей, за которую хочется схватиться. Девушку с хриплым смехом, легкой улыбкой, и от прикосновения которой чувствую себя чертовски живым...

Блин. Я думаю о Люси.

Все еще.

— Сегодня в десять у Джека действует специальное предложение по случаю начала нового учебного года, — продолжает Тристан, вырывая меня из полудепрессивных мыслей.

— Все девчачьи напитки за полцены.

— А что на счет нас? — спрашивает Шеп, скорчив рожу. — Никаких скидок на пиво? Ненавижу девчачьи коктейли.

— Не-а. Даже разливное дерьмо без скидки. Они делают это специально. Разрабатывают новый план. Привлечь девушек в бар, чтобы они раскупили все дешевые напитки, хорошенько напились, а мы бы могли начать этим пользоваться. — Тристан скалится и вскидывает брови.

— Круто. Совсем не жутко или вроде того, — растягивая слова, говорит Шеп, и я думаю о том же.

Именно об этом.

Пьяные студентки в моем списке далеко не на первом месте. Они становятся глупыми. Немного развязными, с чем обычно у меня нет проблем. Но стоит им хорошо напиться, они объединяются и становятся болтливыми. Шумными. Самоуверенными.

Я уже начинаю жалеть о сегодняшней вылазке.

## Глава 16

### Люси

Бар, куда меня привела Джина, забит битком, в основном девушками моего возраста. Одетыми настолько скудно, насколько они могли выйти, не будучи полностью голыми, и толпящимися вокруг бара с разноцветными коктейлями в руках, увенчанными маленькими яркими зонтиками.

Чувствую себя прямо-таки разодетой в мягком желтом сарафане, который выбрала. Но Джина, увидев меня в нем, настояла, что он идеально подходит. Без бретелек, с довольно хорошо поддерживающим мою грудь лифом в рюшах и выставляющий напоказ немного декольте и большую часть ног, в то же время, прикрывая все остальное.

— Оно прямо очень подчеркивает твою загорелую кожу, — сказала Джина, заставив меня рассмеяться. Да, за все то время, что провела летом на солнце, я стала темнее, но моя кожа почти круглый год примерно такого же коричневого оттенка.

Вот что бывает, когда ты — мексиканка, но никто этого не осознает. Все непроизвольно думают, что у тебя отличный загар.

— Здесь безумно круто, — кричит Джина мне в ухо. — Я в восторге, а ты?

Не особо, но мне не хочется разрушать ее иллюзии, поэтому киваю, решив не заморачиваться с ответом. Музыка громкая, настойчивый и пульсирующий ритм, кажется, движется непосредственно через меня, вибрируя прямо под кожей. Все девушки покачиваются и двигаются вместе, как будто заранее это спланировали. У противоположной стены замечаю группу парней, сжимающих в руках пиво и с восторженным восхищением наблюдающих за этими девушками.

Мы пришли сюда благодаря флаеру, каким-то образом оказавшимся на двери нашей квартиры. Учитывая, что у нас с Джиной ограниченные доходы, и Джина была немного подавлена из-за отъезда Чеда, мы решили, что сходить куда-нибудь выпить за полцены — отличная идея.

Я и не представляла, что это будет таким очевидным рынком мяса.

— Давай выпьем, — кричит Джина, хватая меня за руку и ведя через толпу. Все расступаются, словно они — вода, а мы — великий Моисей или что-то в этом роде, и перед

нами волшебным образом появляется бар и пара молодых парней, работающих за стойкой. — Что ты будешь? — спрашивает она, повернувшись посмотреть на меня.

— Выбери что-нибудь для меня, — прошу я, не уверенная, что лучше заказать. Я не большой любитель выпить. И никогда не была. Большинство людей устраивают вечеринки по случаю своего двадцать первого дня рождения, но только не я. Просто меня это никогда не интересовало.

Серьезно? Я не люблю терять контроль. Потеря контроля означает, что могу наделать глупостей, а я не хочу поддаваться искушению. Лучше вообще отказаться от алкоголя.

Но сегодня, ради Джина, выпью. И может чуть-чуть ради себя. Видя всех тех парней, выстроившихся у стены, и что некоторые из них довольно симпатичные, вспоминаю Гейба и то, как сильно по нему скучаю.

Звучит жалко, но это правда.

Джина машет одному из барменов, и он подходит к нам, одаривая ее кокетливой и двусмысленной улыбкой:

— Что я могу для тебя сделать?

Она заказывает два напитка, и, клянусь, я слышала, как она произнесла слово «зомби», он подмигивает ей и улыбается, прежде чем хлопнуть по краю барной стойки и ответить:

— Будет сделано.

Он уходит, а я наклоняюсь к ее уху и шепчу:

— Он заигрывал с тобой.

Джина поворачивается и изумленно таращится на меня.

— Не было такого.

— Было. — Я замечаю, что, перед тем, как начать готовить наши напитки, он бросает на нее косой взгляд.

— Уверена, он флиртует со всеми девушками. Смотри, сколько их здесь сегодня, — восклицает Джина, обводя рукой вокруг. — Он может выбрать любую из них.

Она права. Здесь полно девушек. Похоже, ради фруктового коктейля за полцены в этот бар пришла каждая одинокая девушка в кампусе.

— Но я не вижу, чтобы он флиртовал хоть с кем-то из них. Только с тобой.

Джина задирает подбородок и сразу выглядит чертовски высокомерной. Несмотря на то, что она из среднего класса, когда ей нужно, она вполне может вести себя заносчиво.

— Я девушка несвободная, он тратит свое время впустую.

Прыскаю от смеха из-за ее подбора слов, и, в конце концов, она тоже начинает смеяться. Бармен ставит перед нами наши напитки, пока мы все еще смеемся. Стоит нам с Джиной протянуть наличные, как он накрывает ее руку своей, решительно останавливая.

— За счет заведения. — Он бросает на меня многозначительный взгляд. — Для вас обеих.

— Ну, уж нет, — начинает протестовать Джина, но он качает головой, крепко сжимая ее руку.

— Я серьезно. Наслаждайтесь. — Он шлепает салфеткой по ее ладони и уходит помочь следующей девушке заказать экзотический напиток.

Джина пялится на смятую в руке салфетку, прежде чем разгладить ее и показать мне. — Он оставил мне свой номер.

Я снова смеюсь.

— Естественно, он так и сделал. Говорила же, он заигрывал с тобой.

— Невероятно. Прошло всего несколько часов, как я рассталась со своим парнем, и уже отбиваюсь от ухаживаний. Представляешь, что ждет Чеда? — Вот, дерьмо. Клянусь богом, она вот-вот расплачется.

— Ни в коем случае не смей так даже думать. Пойдем. — Беру ее за руку и веду сквозь толпу девушек, подпрыгивающих с напитками в руках в такт музыке и подпевающих под песню, звучащую в данный момент. Поворачиваюсь к ней лицом, и мы начинаем танцевать, мои губы прижаты к трубочке, пока я поглощаю коктейль. Из чего бы ни состоял этот так называемый зомби-коктейль, он чертовски хорош. Сладкий и вкусный, и совсем не чувствуется алкоголь.

Опасный.

Я выпиваю его в считанные минуты, ставлю стакан на соседний столик и полностью отдаюсь танцу, подпевая, как и другие девушки, под звучащие песни.

Джина делает то же самое, но, когда она танцует и кружится, ее стакан все еще у нее в руке. Поднимаю руки над головой и раскачиваюсь под музыку, теряясь в текстах песен, улыбаясь и кивая Джине, потягивающей напиток и не попадающей в ноты.

У меня слегка кружится голова, и мне так жарко, что начинаю потеть. Приподнимаю волосы на затылке и держу их так некоторое время, позволяя прохладному воздуху омыть мою кожу, прежде чем опустить тяжелые локоны. Кажется, в том коктейле все же было достаточно алкоголя, не то чтобы я сильно возражала. Мне хорошо. Лучше, чем я чувствовала себя уже долгое время. Наконец-то я свободна. Свободна делать все, что захочу. Кажется, я могу делать все, что угодно, как будто возможности, которые открываются передо мной, бесконечны. Другой колледж, другая квартира, другая жизнь. Я могу быть кем захочу, и никто меня не остановит. Даже мама.

Спотыкаюсь, чуть не падаю на пол, но, слава богу, быстро нахожу равновесие. Ладно, я совершенно точно выпила только один бокал. Мне не стоит больше пить спиртное, и, кроме того, здесь я ограничена в средствах. Надеюсь, к следующей неделе мое расписание устаканится, и я смогу начать искать работу.

Прямо сейчас источник дохода был бы большим подспорьем.

— Я хочу еще один, — кричит Джина, поднимая свой пустой стакан.

— Исключено. — Качаю головой. — Нам хватит и одного. Эта штука была крепкой.

— Да-да. Но разве коктейль не был классным? — Танцуя, она делает круг вокруг меня, пальцами подцепляет подол моего сарафана и немного его приподнимает. Я хлопком опускаю его обратно и изо всех сил стараюсь увернуться от ее шаловливых ручек. — Поживи немного, Люси. Еще один коктейль не навредит.

— Не стоит тратить деньги, — говорю ей, а она смотрит на меня.

— Первый раунд был бесплатным, помнишь? — Хлопает ресницами Джина, глядя на меня. — Спорим, я и второй коктейль могу получить бесплатно, стоит мне обольстить его своими чарами.

И на этом она опять идет к бару. Я наблюдаю, как она прислоняется к стойке, когда наш бармен приближается, чтобы поговорить с ней. Джина наклоняется вперед, позволяя взглянуть на ее декольте, которое довольно прилично выставлено напоказ в топе с низким вырезом, который она надела. Его взгляд прикован к ее груди, пока он отвечает «да» на какой-то ее вопрос.

И через несколько минут она стоит рядом со мной, протягивая мне еще один напиток.

— Опять за счет заведения, — докладывает она, протягивая бокал для тоста. Я чокаюсь

своим бокалом об ее, и мы обе потягиваем коктейли из наших трубочек. — Все, что нужно было сделать, это согласиться на свидание и дать ему мой номер телефона, — говорит она, сделав глоток.

У меня аж рот открывается.

— Ты не сделала этого.

— Сделала, — отвечает она, пожимая плечами и затем улыбаясь. — Только я дала ему неправильный номер.

— О-о, да ты вредная девчонка, — говорю я ей, и мы обе смеемся. И пьем.

И еще немного пьем.

В итоге, после тридцати минут танцев, потения и смеха с нашими новыми безымянными друзьями возле нас вертятся парни, некоторые из них симпатичные, парочка — неприятных. Мы танцуем подальше от неприятных, улыбаемся и флиртуем с другими. Замечаю, что Джина ниразу не призналась, что у нее есть парень, что удивляет меня. Но не мне судить. С какой стати ей посвящать в свои личные дела парня, которого она едва знает? Но если бы у меня был парень, я бы не флиртвала со случайными незнакомцами на танцполе в полузачуханном баре.

К тому времени, как допиваю свой второй бокал, я чувствую себя хорошо и навеселе, а ведь уже почти полночь. Пора домой.

— У меня завтра занятия в девять, — кричу я Джине.

Она подпрыгивает и смеется, хлопая в ладоши. Она уже давно выпила свой второй коктейль и ведет себя, как сумасшедшая.

— Кого это волнует? У меня в восемь.

Да уж. Утром она будет ненавидеть себя.

— Нам пора уходить отсюда, — предлагаю я, но она трясет головой.

— Да ладно тебе. Не будь занудой. Давай еще потанцуем! Это весело. — Она кружится, а затем начинает танцевать вокруг меня, придвигаясь все ближе и ближе, протягивая руку, чтобы схватить меня за талию и заставить танцевать с ней. Я легко падаю на ступеньки, наслаждаясь собой, улыбаясь другим девушкам поблизости, замечая, что большинство парней снова отступили. Может, они поняли, что с нами ничего не получится.

Так оно и было. По крайней мере, не сегодня.

## Гейб

Бар забит битком, девушек просто чертовски много. Любых, каких только можно себе представить. Высоких, низких, худых, пухленьких, фигуристых, тощих как жердь, рыжеволосых, брюнеток и блондинок, голубоглазых и кареглазых, у немногих глаза цвета зелени и орехов, не уверен, что могу назвать точный цвет их глаз. В помещении слишком темно. Они все одеты... довольно скудно, выставляя напоказ большую часть тела, и к тому же из-за такого количества народа внутри очень душно.

Но все же я до сих пор здесь вместе с Шепом и Тристаном, подпирая плечом стену и созерцая происходящее. Тристан разглядывает девушек перед собой с таким собственническим блеском, что мне становится интересно, не считает ли он их всех частью своего личного гарема.

Я? Я не заинтересован ни в одной из них. А значит, со мной точно что-то не так.

— Они все выглядят очень юными, — замечает Шеп, наклоня ко мне голову, чтобы я

мог лучше его слышать. — На что хочешь поспорить, что большинство из них здесь по фальшивым удостоверениям личности?

— Даже нет желания спорить, — говорю я ему, потому что знаю, скорее всего, он прав. Да, здесь много девушек нашего возраста, но много и таких, кто действительно выглядит восторженно и невероятно молодо. Так молодо, словно только что закончили среднюю школу.

Нет, спасибо. Они практически малолетки, а мне не нужна такая морока.

Две девушки выбрали именно этот момент, чтобы пройти мимо нас, одна из них одарила Шеп знойной улыбкой, и как только они оказались вне пределов слышимости, Тристан впился в него взглядом.

— Какого хрена, мужик? Я думал, ты наш «второй пилот»?

— Я и есть, — отвечает Шеп, нахмурившись.

— Тогда почему не заманил ни одну из них? Не сказал им что-нибудь.

— Не знал, что должен делать за тебя твою работу, — саркастически говорит Шеп. — Ты разве сам не мог этого сделать?

Я закатываю глаза и прислоняюсь к стене, не в настроении ввязываться в их очередную перепалку. Я поступал так раньше бесчисленное количество раз. Мы трое по большей части ладим, но время от времени эти двое нападают друг на друга, потому что они — кузены, и им легко спорить.

Но если они собираются продолжать это дерьмо, я ухожу отсюда.

Не обращая на них внимания, разглядываю всех девушек, надеясь, что кто-нибудь мне приглянется. Они все хорошенькие, смеются и пьют, на их лицах легкий блеск пота, так как в баре жарко, как в аду. Потягиваю свое пиво, не желая плюнуть на все и напиться. Я думал, что хочу напиться до потери сознания и найти безотказную и доступную девушку, но зайдя в бар, понял, что это было последнее, чего бы мне хотелось.

Бесит, что ни одна из них меня не интересует. Я их не различаю. Мне нравятся девушки всех размеров, с любыми фигурами и цветом кожи. Я искренне люблю проводить время с женщинами. Слушать их смех, разговаривать с ними, флиртовать с ними. Это забавно. Они забавные.

Но эти девушки, они, вероятно, не такой уж и вызов. Seriously, просто наблюдая за ними, я уже могу сказать, что ни одна из них не будет им. Они все жаждут сексуального удовлетворения, как и Тристан, словно извращенец, выискивающий девушек.

Господи, я все осуждаю. Что, черт возьми, со мной не так? Кого волнует, хотя бы они перепихнутся или нет? Примерно так и я существовал в колледже, особенно на первом курсе. Трахал почти каждую полупривлекательную девушку, которая смотрела в мою сторону.

Больше меня это не интересует. Не верится, что думаю об этом, возможно, никогда не смогу произнести вслух, но...

Случайный секс не звучит весело. Это звучит жалко. Я хочу найти кого-то и быть как Шеп с Джейд. Я хочу отношений.

Но больше всего я хочу Люси.

То, что она по-прежнему в моих мыслях, чертовски удручает.

— Хочешь еще пива? — спрашивает Тристан.

Качаю головой. Показываю мою наполовину заполненную бутылку.

— У меня еще есть.

Тристан направляется к бару, Шеп кивает мне.

— Пойду отолью, — предупреждает он, прежде чем отправиться в ванную комнату.

Киваю в ответ и остаюсь один, вежливо улыбаясь проходящим мимо девушкам, но не более того.

Проклятье, мне хочется уже убраться отсюда. Сегодня это место не для меня, я не в настроении.

Мое внимание привлекает всполох чего-то желтого, и готов поклясться, это нечто знакомое мне. Задираю голову, изучая толпу подпрыгивающих и подпевающих какой-то вдохновляющей песне Кэти Перри девушек. Закатываю глаза и прислоняюсь к стене, убеждая себя, что ничего не видел. Что желтое платье совсем не напоминало мне то, что носила Люси.

Исключено. Этого не может быть.

Но я снова вижу его. И еще раз. И у обладательницы упомянутого платья темные волосы, загорелая кожа...

Но это не может быть моя Люси. Ни за что на свете.

Я теряю ее из виду так же быстро, как и заметил, вскоре вместе с Тристаном возвращается Шеп. Мы увлечены разговором о предстоящем футбольном сезоне, когда снова вижу желтое платье. Но в этот раз она уходит, направляясь к входной двери. То, как она идет, ее волосы, как ведет себя...

Отлично, я — чертов псих, но она напоминает мне Люси.

— Извини, — говорю я и сую пустую бутылку из-под пива в руку Шепа. — Я сейчас вернусь.

Они возмущаются мне вслед, но я не обращаю внимания на их крики. Вместо этого покидаю бар и оставляю его далеко позади, следуя за ней и снова отмечая знакомую походку, взмах ее волос. Она с другой девушкой, которую не узнаю. Высокой девушкой с темными волосами и широким шагом.

## Глава 16.2

Клянусь богом, это должна быть Люси, и я начинаю бежать. Что если она здесь, в моем же колледже? Вот так совпадение! Я бросаюсь вперед, почти уже окликаю ее по имени, когда кто-то встает передо мной, останавливая мою погоню.

— Гейб! О, боже мой, что ты здесь делаешь? — пронзительный, чрезмерно возбужденный голос определенно мне знаком. И я совершенно ему не рад.

Меня охватывает разочарование. Долбанная Одри. Она знала, что мы оба учимся в одном колледже, поэтому то, что мы столкнулись нос к носу, не сюрприз для нее. Это ее исключили за неуспеваемость из двух других университетов за последние два года, и этот — последний, за который ее родители собираются платить. Если она не сможет закончить первый семестр, ей навсегда придется забыть про колледж.

Не то чтобы ее это волновало. Не думаю, что она учится ради научных изысканий. Скорее, чтобы напиться и повеселиться.

— Привет, Одри. — Обнимаю ее, так как она не оставляет мне выбора. Она практически сбивает меня, крепко сжимая руками.

— Ты знал, что я буду здесь, помнишь?

— А, да, верно. Наверное, я забыл. — Она смеется и отстраняется из моих объятий, а затем как будто в шутку толкает локтем свою такую же худую подружку под ребра.

— Я так рада тебя увидеть! Ты выглядишь потрясающе!

— Ты тоже хорошо выглядишь, — вяло отвечаю я, оглядываясь вокруг в надежде заметить желтое платье, но девушки в нем уже нет.

Дерьмо.

— Что у тебя новенького? — интересуется Одри.

— Ничего особенного. — Засовываю руки в передние карманы шорт, оглядываюсь и ничего не вижу — ни красивого желтого платья, ни длинных волнистых темных волос. Хочу убраться отсюда. Я не хочу разговаривать с Одри, я хочу вернуться домой и забыть об этой дурацкой ночи. Пустая трата времени. Достаяю из кармана ключи и крепко сжимаю их.

— Только не говори, что уже уходишь. Еще рано. — Одри протягивает руку и касается моего запястья, пытаюсь пальцами обхватить его. — Мы только что пришли сюда. Я бы с удовольствием поболтала с тобой. Узнала, чем ты тут занимаешься.

— Прости, что не могу остаться, мне пора. — Сочувственно улыбаюсь ей. — У меня завтра с утра занятия, и поскольку это первый день, то не хочется сразу произвести плохое впечатление. Ты же понимаешь, о чем я? — Я настолько полон дерьма, что почти больно.

— Ух ты. Кто ж знал, что ты такой прилежный? — Она застенчиво мне улыбается. — Это так сексуально.

Я почти закатываю глаза, но сдерживаюсь.

— Тогда еще увидимся?

— А то! — восклицает Одри, и вместе с подружкой они, хихикая, бросаются к входной двери бара. Они толкают стеклянную дверь, оттуда доносятся громкая музыка и голоса пьяных и фальшиво поющих женщин, я вздрагиваю.

— Проклятье, — бормочу я, как только за ними закрывается дверь, радуясь, что ужасное пение теперь просто приглушенный и неразборчивый шум. Пробегаюсь рукой по волосам и вглядываюсь вдаль, обдумывая то, что видел, точнее то, что мне показалось, я увидел. Когда сорвали мою погоню за желтым платьем. Хотя, скорее всего это просто мое воображение сыграло со мной шутку. Я так чертовски сильно хочу увидеть Люси, что она мерещится мне в каждой темноволосой цыпочке. Я такой глупый.

Веду себя как круглый дурак.

## Глава 17

### Люси

Моя последняя сегодняшняя пара проходит в одной из тех комнат в стиле аудитории, где места расположены ряд за рядом с крошечными столами, которые едва могут вместить планшет, не говоря уж о ноутбуке, и народу здесь полным-полно. Гигантское помещение, вероятно, вмещает человек двести, а может и больше, и клянусь, оно заполнено более чем наполовину.

Скорее даже почти полностью забито.

Учитывая, что в этом университете сильная бизнес-программа, наверное не стоит удивляться переполненной аудитории. Я не специализируюсь в бизнесе, но подумала, что курс «Управление маркетингом» будет разумным выбором, так как моя специализация — маркетинг. К тому же, это звучало интересно. Я прошла большинство общеобразовательных курсов в общественном колледже, но есть несколько, которые мне все еще нужно сдать. Этот

семестр включает в себя один общий курс, а остальные — это предметы, относящиеся к моей специализации.

Если я сильно постараюсь и заставлю себя взять летние курсы, то окончу колледж через два года. Это сэкономит мне и время, и деньги, в чем я отчаянно нуждаюсь.

Протащившись под палящим солнцем через весь огромный кампус, я, наконец, нашла нужное здание и влетела в аудиторию почти без минутки в запасе. Разгоряченная и довольно сильно запыхавшаяся, уселась в заднем ряду на самом верху.

Профессор был внизу, в самом конце аудитории, так далеко, что казался просто крошечным человечком, стоящим рядом с трибуной и столом справа позади него. Он молодо выглядит, одет в бледно-голубую рубашку с закатанными рукавами и брюки цвета хаки, и, когда оглядываю комнату, понимаю, что нахожусь в помещении, в основном заполненном женщинами. Многие из них смотрят на него с обожанием, только так можно описать выражения их лиц, при этом усиленно хихикая и перешептываясь.

Хм. По-моему, они все без ума от преподавателя.

В аудитории тепло, и сейчас полдень. Из-за того, что мы с Джинной засиделись вчера в баре допоздна, а сегодня я проснулась рано утром, сильно нервничая, да еще и с небольшим похмельем, сейчас чувствую себя уставшей. Последние два года я ходила в местный общественный колледж, куда поступила сразу после окончания школы. Можно подумать, что перевестись в большой университет не так уж и сложно.

Но кампус огромен, он словно вытянутый, запутанный лабиринт, в котором я все время теряюсь. Здесь так много людей, гораздо больше, чем в моем старом колледже. Сегодня, даже после экскурсии по этому месту и имея карту, я несколько раз сбивалась с пути, пойдя абсолютно в противоположном направлении. Я даже использовала Siri на телефоне, а эта зараза не помогла.

Не помогает и то, что профессор Бейли бубнит об учебном плане курса, о том, чего он ждет от нас, что в течение семестра будет много групповых проектов, и наша итоговая оценка будет зависеть на целых пятьдесят процентов от них. Почти вся та же самая информация, которую я слышала на предыдущих предметах, поэтому мне немного скучно. И очень хочу спать. Кладу подбородок на кулак, локоть опирается на крошечный стол, и прикрываю глаза.

Ладно, ничего особенного он не рассказывает. Мои глаза закрыты. Тепло. Очень тепло, восхитительно тепло. И профессор продолжает говорить своим глубоким монотонным голосом, который нахожу успокаивающим. Да, он привлекателен, но то, что он может усыпить меня в течение десяти минут, как заговорит, характеризует его с не очень хорошей стороны. Не то чтобы я без ума от преподавателя. Нет, я совершенно нелепа и все еще цепляюсь за чувства к парню, который совершенно недостижим.

Но, по крайней мере, он у меня был, верно? Пусть даже и недолго...

Мои мысли уносятся в укромное местечко, известное как Гейбландия. Только одна лишь мысль о нем вызывает трепет во всем теле. Чуть ранее сегодня, пока искала здание, где должна была быть вторая пара, я заметила парня, который шел впереди меня, и то, как он двигался, напомнило мне Гейба. Он шел с важным видом — с идеальной осанкой и расправленными широкими плечами. Он был одет в футболку и шорты-карго, которые обычно носил Гейб, и меня так и подмывало подбежать и поймать его. Схватить за руку и увидеть его красивое лицо, как только он повернется ко мне.

Но с другой стороны, я бы не хотела, чтобы Гейб был со мной в одном кампусе... ведь

так? Мне и так было трудно притворяться богатой девушкой рядом с ним. Не то чтобы это имело значение. Большую часть проводимого вместе времени мы тратили не на разговоры о нашем прошлом или о наших семьях, или о деньгах, или о чем-то подобном. Мы сохраняли наши отношения легкими. Простыми. Я знаю, что он не большой поклонник своей семьи, и, ей-богу, большую часть времени я держала рот на замке. Большую часть времени молчала, чем, с его слов, и заинтриговала.

Я. Загадочная девушка. Подумать только.

Но с Гейбом я была именно такой. Делала вид, что согласна с тем, какой он меня представляет, потому что благодаря своим предположениям он не давил на меня. Мне не нужно было придумывать легенду, и это было потрясающе. Все самое тяжелое он сделал сам. И хотя я подыгрывала ему, притворяясь бедной маленькой богатой девочкой, которой пренебрегал ее папа, и которая всегда искала его любви, это был отстой.

Мне не нравилось быть обманщицей. Было неприятно скрывать от него правду. Неужели ему было не все равно? Казалось, он не осуждал, но полностью не уверена. Но совершенно точно, что его родители не одобрили бы меня. Может быть, и сам Гейб в конечном счете не одобрил бы меня. Достаточно весело трахаться, но серьезно относиться к девушке? Это совсем другое дело.

Ауч. Даже думать об этом больно.

Хотя именно я настаивала на том, чтобы между нами был просто летний роман, я сделала это, чтобы спасти свое сердце. Я не хотела испытывать к нему чувства, так как это было бессмысленно. Между нами никогда ничего не было бы.

Ничего.

Профессор все еще бубнит, и я на мгновение закрываю глаза. И еще пару раз. И каждый раз на чуть дольше. Я могу так и заснуть. Ну, может, это будет и не полноценный сон, но передумать уж точно можно. Да, чуть-чуть вздремну. Не похоже, что пропущу что-то. Я уже просмотрела учебный план занятий в интернете сегодня утром, когда мне не спалось. И знаю, чего от нас ждут в этом семестре. После занятий мне все еще нужно зайти в книжный магазин и купить несколько книг. Завтра у меня только две пары, и к полудню я закончу. В этом семестре у меня пятнадцать дисциплин, и если смогу устроиться на работу в кампусе, то может заработаю еще на парочку...

Мой локоть соскальзывает, и я падаю вперед, почти ударяясь подбородком об стол. Все это произошло максимум за пять секунд, но этого было достаточно, чтобы устроить громкий шум, который заставил каждую голову в аудитории повернуться и посмотреть прямо на меня.

— Вы что-то хотели мне сказать? — окликнул меня профессор Бейли.

Я качаю головой, мои щеки горят от смущения. Я просто идиотка. Первый день занятий, и уже произвожу ужасное впечатление. Сегодня рано лягу спать, и мне все равно, какие планы у Джины. Я отказываюсь вести разгульный образ жизни. Не могу рисковать своим образованием. Это единственное, что поможет мне сделать хорошую карьеру и хорошо жить.

— Нет, извините, что прервала вас. — Слегка улыбаюсь ему.

Он не улыбается в ответ, просто продолжает говорить. Ну и брюзга. Медленно, но верно все разворачиваются и снова смотрят на него, и я вздыхаю с облегчением. Могла ли я быть еще более заметной?

У меня такое ощущение, что кто-то до сих пор наблюдает за мной. Чувствую, как каждый волосок на моем теле встает дыбом, незаметно оглядываюсь, надеюсь поймать того,

кто откровенно пялится на меня. Но не вижу никого, смотрящего в мою сторону. Моя кожа горит. И мурашки по телу. Сжимаю губы и опускаю голову, слепо глядя на пустую страницу заметок на моем планшете. Я не выдержала и купила айпад для занятий, хотя им уже пользовались. Я не смогла заставить себя купить его по очень высокой цене.

Ощущение, что за мной наблюдают, все еще очень сильное. Резко вскидываю голову, надеюсь поймать кого-нибудь, и вот тогда замечаю его. Он быстро отворачивает голову, будто никогда и не смотрел в мою сторону, я пялюсь на его затылок, практически желая, чтобы силой моей мысли он обернулся.

Он не оборачивается. Я продолжаю пристально смотреть на него. Похоже, он догадывается, что я наблюдаю за ним, и опускаю голову, позволяя волосам упасть мне на лицо, но все еще могу видеть его.

Медленно, но верно он оборачивается, и как только вижу его лицо, резко втягиваю воздух, чуть не задыхаясь. Но он этого не слышит. Как ни странно, он выглядит счастливым. Прямо невообразимо счастливым.

Это Гейб. Гребаный Гейб. Мой Гейб. Мой красивый, сексуальный, великолепный, невозможный Гейб.

Я методично убираю айпад в рюкзак, застегиваю молнию и протискиваюсь оттуда так быстро, как только могу.

## Глава 17.2

### Гейб

Люси встает со своего места, перекидывает рюкзак через плечо и вылетает из аудитории, словно за ней гонятся адские гончие. Я смотрю в безмолвном оцепенении, лязг захлопнувшейся за ней двери ошарашивает меня и удивляет весь класс, профессор Бейли смотрит на покинутое место Люси.

— Возможно, она решила, что все-таки не готова пройти мой курс, — говорит он надменно, как полный придурок. Все смеются в ответ, некоторым из них неловко, а я в этот самый момент решаю, что сваливаю к черту отсюда.

От слов к делу, хватаю рюкзак и следую за Люси, тихо двигаясь мимо всех в моем ряду, игнорируя девушку, которая шепчет: «Позвони мне», когда я прохожу мимо нее. Я встречался с ней раньше? Возможно. Может, трахнул ее? Это тоже вполне вероятно. Не то чтобы меня волновала эта девушка или профессор, или кто-то еще, сидящий в этой аудитории.

Мне важно лишь найти Люси.

Выхожу из аудитории, убедившись, что дверь за мной закрывается тихо, ибо мне придется вернуться туда, у меня нет выбора, и не хочу злить профессора в первый же день. И так достаточно плохо, что ушел с пары, но у меня не было особого выбора.

Коридор пуст, смотрю налево, потом направо, решив пойти налево, потому что именно там большинство людей заходят в здание в первую очередь. Как только распахиваю двойные двери, меня ослепляет яркий солнечный свет, и, выходя на улицу, я прикрываю глаза.

Здесь кругом люди. Первый день занятий, все полны энтузиазма и готовы выделиться, стремясь оставаться в курсе всех событий в этом семестре. В конечном счете, по прошествии времени, толпы будут редеть и все придет в норму, но сейчас это огромное скопление народа — полный триндец.

И это гигантское скопление людей делает невозможным для меня найти Люси.

Я начинаю бежать по тропинке, ведущей обратно на площадь кампуса, чертовски надеясь, что она пошла именно в этом направлении. И продолжаю оглядывать толпу, ища ее взглядом, мое сердце колотится со смешанным чувством паники и страха, когда понимаю, что не смогу найти ее.

Это ее я видел вчера вечером в баре в желтом платье? Я был так уверен в этом, но потом убедил себя, что вижу Люси во всем, во что долго всматриваюсь. То, что я скучал по ней, не значит, что она где-то здесь. Она могла далеко уйти, кто знает. Она, наверняка, уже очень далеко.

Таким было мое оправдание прошлой ночью, когда я лежал в постели и не мог заснуть.

Но что чертовски безумно, она действительно здесь. Я смотрел прямо на нее, пока мы были в аудитории. Она выглядела такой милой с покрасневшими от смущения щечками, когда все повернулись поглазеть на нее. Без понятия, что сделала Люси, чтобы привлечь к себе столько внимания. Все, что я знаю, это то, что был так потрясен, увидев ее, сидящей там, что на минуту подумал, не галлюцинации ли у меня. Когда она повернулась посмотреть на меня, я, словно какой-то идиот-подросток, которого только что поймали на том, как он пускает слюни на свою первую любовь, отвел взгляд.

А потом поймал ее, наблюдающей за мной в ответ. И выражение ее лица, стоило ей понять, что это действительно я... она не выглядела такой уж довольной. Нет, скорее она была в полном шоке прямо перед тем, как встать и выбежать из аудитории.

С чего вдруг она так отреагировала? Мы расстались по-хорошему — по крайней мере, я так думал. Черт, я с трудом отпустил ее в то утро, когда мы уезжали в аэропорт. Люси прижимала меня к себе и целовала так пылко, что оставшуюся часть дня все еще чувствовал на моих губах отпечаток ее губ. В то утро я даже не принимал душ, потому что хотел ощущать ее запах на своей коже.

Звучит отвратительно, но, черт возьми, она так чертовски хорошо пахнет. Я был в глубоком трауре, когда мне все-таки пришлось принять душ и смыть ее запах раз и навсегда. Говорю, как сумасшедший. Даже в мыслях кажусь безумным. Я лишился своего чертового рассудка.

И все из-за девушки, которая сейчас ведет себя так, будто не хочет иметь со мной ничего общего.

Я планировал приехать в Санта-Барбару и забрать свою машину, прежде чем вернуться в Сент-Огастин в колледж, и упоминал, что заеду. Когда мы впервые переписывались после моего отъезда, я спросил, не хочет ли она встретиться после моего возвращения, но Люси ответила, что ее там не будет. И она не солгала об этом. Как только прилетел обратно в Санта-Барбару и забрал свою машину с долговременной стоянки, я поехал к ее дому, но он был пуст.

Я поставил на ней крест. И убеждал себя вспоминать ее с нежностью, словно она была мимолетным летним увлечением. Это не срабатывало, но я старался изо всех сил. А теперь Люси здесь. В то самое мгновение, как только увидел ее и понял, что это действительно она, собственной персоной, сидит всего в нескольких метрах от меня, от охватившего при виде ее волнения и облегчения я превратился в тупицу.

Мне казалось, что она будет рада меня видеть, но это было не так. Но еще хуже? Мое сердце разбилось, когда она убежала. Расколосось прямо посередине.

Люси мчалась так, словно увидела привидение. Или своего злейшего врага.

Чертовски отстойно. Ужасно.

— Гейб. — Мелодичный голос доносится до меня прямо из моих кошмаров. Клянусь богом, она преследует меня.

Я поворачиваюсь и натянуто улыбаюсь ей. Она — последний человек, которого я хочу видеть.

— Привет, Одри.

— Забавно встретить тебя здесь. — Она выпячивает бедро и кладет на него руку, изо всех сил стараясь выглядеть милой. Застенчивой. Я подыграю ей. Она выглядит чертовски хорошо, одетая в очень короткие шорты и очень узкую рубашку. Но я не заинтересован. Она ничего для меня не значит. Я смотрю на нее, и мне кажется, что смотрю на расфуфыренную подружку.

Да уж. Подружка с длинными светлыми волосами и сиськами, которые маячат прямо перед моим лицом. Имею в виду, она совсем не похожа на подружку.

Проклятье, мне нужно убраться отсюда.

— Слушай, я должен...

— Хочешь пойти сегодня на вечеринку? У меня дома. — Она мило улыбается, глаза широко раскрыты и полны надежды.

Медленно качаю головой. Я вместе с Шепом, Тристаном и нашим небольшим персоналом договорились этим вечером устроить торжественное открытие игорного дома.

— Извини, у меня уже есть планы.

Она поджимает губы, притворяясь обиженной.

— О, как жалко. Мне бы очень хотелось, чтобы ты пришел. Я бы с удовольствием провела с тобой время, учитывая, что мы здесь вместе и все такое.

— Может, в другой раз, — отвечаю, не желая быть грубым. Но также и не желая поощрять.

— Да? — оживляется она. — Было бы здорово. Может, сходим куда-нибудь в эти выходные. Как ты на это смотришь?

— На эти выходные у меня тоже планы. — Я не обязан оправдываться. Мои планы реальны. Первый уикенд, когда мы открыты после начала нового учебного года, всегда безумный. Я буду все время находиться в доме, присматривая за всем.

Лицо Одри вытягивается, и, клянусь, в ее глазах мелькнула вспышка гнева.

— Похоже, ты пытаешься избегать меня.

Нет ничего лучше, чем сразу перейти к главному — у нее есть яйца, пусть будет так.

— Я серьезно. У меня есть планы. И они не имеют ничего общего с тем, что я избегаю тебя или нет. — И не собираюсь разглашать свои планы. На самом деле, я никогда раньше об этом даже не задумывался. Стоит Одри узнать, что я в своем собственном доме управляю игорным бизнесом, будет просто кошмар. Она может побежать прямо к моим родителям и рассказать им, чем занимается их сын.

Или шантажировать меня этой информацией.

У нее вырывается вздох.

— Да без разницы. Тебе стоит вспомнить, что наши мамы считают, мы идеально подходим друг другу. И, пожалуй, я с ними согласна. Разве ты не хочешь сделать их счастливыми?

В данный момент мне совершенно плевать на них обеих, но говорить об этом Одри, конечно же, не собираюсь. И она действительно верит, что мы идеально подходим друг

другу? На мой взгляд, это уж она загнула.

— Ты действительно веришь, что мы совместимы?

У нее отвисает челюсть, и она прикидывается шокированной.

— А ты так не думаешь?

Не хочу быть грубым, но она не облегчает ситуацию.

— Послушай, я не чувствовал связи с тобой на протяжении всего лета, и уверен, что с тобой было то же самое. И, кроме того... я кое-кого встретил, ясно? Кого-то, кто много значит для меня, не хочу тебя обманывать.

Теперь все ее лицо напрягается. Да уж, эта девушка очень выразительна. Ее настроение легко читать по каждому движению лица. Она была бы ужасным игроком в блэкджек или покер.

— Кто-то лучше меня?

Серьезно?

— Одри, я даже толком тебя не знаю. Но да. Она... Я считаю ее своей девушкой. — Неужели я только что это сказал?

Да. Твою мать, сказал.

— И у вас серьезные отношения? — спрашивает Одри скептически. Она поднимает бровь и скрещивает руки на груди. — Ты должен привести ее на мою вечеринку сегодня вечером. Позволь мне познакомиться с твоей девушкой.

— Я ведь уже сказал, что у меня другие планы. — И ухожу, слегка помахав ей рукой. — Еще увидимся, Одри.

— Надеюсь скоро встретиться с твоей девушкой, Гейб! — кричит она мне вслед.

Я никак не отвечаю. Черт, у меня не получится достаточно быстро сбежать от нее. И практически спотыкаюсь о собственные ноги, пока ухожу от нее, отказываясь оглядываться. Она, наверное, все еще наблюдала за мной с надеждой и презрением на лице. Мне не нужно ее дерьмо. Черт, не могу поверить, что она здесь. Она может все испортить, если узнает, чем я занимаюсь.

Я так сильно сосредоточился на новом затруднительном положении с Одри, что даже не заметил, как оказался на полпути от дома...

Что так и не нашел Люси.

## Глава 18

### Гейб

— Проклятье, нам было о чем поговорить. — Тристан потирает затылок и встает. — Давайте выпьем. Тост за новый семестр и новые начинания.

Джейд откладывает в сторону блокнот и ручку и тоже встает.

— Я принесу шампанское.

Поднимаю бровь и перевожу взгляд с Тристана на Шепу.

— Кто принес шампанское?

— Я. Причем, отличное, — говорит Шеп, шлепая Джейд по попке, когда она проходит мимо него, направляясь в кухню. Мы встретились в их доме, чтобы обсудить наши планы на торжественное открытие казино в среду вечером. Джейд взяла на себя смелость стать нашим секретарем, если это можно так назвать. Пока мы обсуждали наши планы, она делала заметки, предложила пойти завтра по магазинам за украшениями и собиралась привлечь

несколько своих друзей, чтобы включить их в нынешний комитет декораций.

Последние три года в день открытия мы распахивали двери и приветствовали всех обратно бесплатным бочонком теплого пива, который не пополнялся. Теперь у нас есть комитет декораций и комитет, отвечающий за фуршет. Следующее, что узнаю, Джейд будет стоять у входной двери и тепло приветствовать всех, пока мы будем подстергать жертв внутри, готовые пополнить все их деньги.

— В честь чего такое дорогое шампанское? — Я оглядываю гостиную, наблюдая, как наш персонал из четырех парней разговаривает между собой вместе с только что подошедшим к ним Тристаном. В этом году у нас в штате появился новый парень, которого Тристан встретил на занятиях прошлой весной и который кажется умным и амбициозным. Думаю, он будет ценным сотрудником, но мы никогда точно этого не узнаем, пока он не окажется по шею в дерьме и не столкнется с кучей разозленных клиентов, обвиняющих его в краже их денег. Время покажет, вольтется он в коллектив или сломается под давлением.

— Это наш последний год, когда мы вместе управляем этим местом. Подумал, что это достаточный повод отпраздновать. — Шеп с оценивающим взглядом хлопает меня по спине. Слишком оценивающим. У парня отличная интуиция, что чертовски раздражает, потому что я прямо-таки чувствую, как вопрос повис у него на губах. — Ты в порядке, мужик? Выглядишь напряженным.

Это потому, что я напряжен. У меня болят плечи. Вернувшись домой, я написал Люси, но она не ответила. Ни единого слова от нее, и это было несколько часов назад. Какого черта она избегает меня? Мы встретились взглядами. Мы видели друг друга, но она все равно убежала. Она злится на меня? Я ей противен? Или она испытывает отвращение к себе из-за того, что была со мной?

Господи, я не понимаю. Во всей этой ситуации это больше всего и сводит с ума. Я в полном неведении, когда речь заходит о том, что она делает.

— Мои занятия — отстой, — отвечаю, пытаюсь отмахнуться от его беспокойства, хотя мое оправдание звучит неубедительно. — Со мной все будет нормально.

— Еще один год, и, насколько я знаю, этот семестр у тебя легкий. — Он так пристально смотрит на меня, словно видит насквозь, и я стараюсь сохранить нейтральное выражение лица. — Ты точно говоришь правду?

— Эй, ты же меня знаешь. Я абсолютно счастлив. — Пытаюсь его одурачить — то, что действительно хорошо умею делать. Бред сивой кобылы, и Шеп это знает, но мне бы хотелось, чтобы он просто оставил все, как есть.

— Чушь собачья. — Он делает паузу, изучая меня. — Дело в родителях? Выливают свое дерьмо на тебя?

— Они постоянно его выливают на меня, — бормочу я.

— Да, я в курсе. Но имею в виду особое дерьмо. Похоже, каждый раз летом они давят на тебя по поводу любых семейных обязанностей, какие только смогут придумать, чтобы помучить тебя. — Шеп попал прямо в точку. Это именно то, что они проделывают со мной каждое лето. — В этом году было еще хуже или что?

Я решаю согласиться с его предположением.

— Ты знаешь, как это бывает. Та же хрень, другой год. Думаю, меня это бесит, потому что сейчас я уже на финишной прямой. То есть, это же действительно мой последний год свободы, а они так меня скрутили, что даже не знаю, как его отметить.

— Да уж, хреново. Мы должны использовать этот год по максимуму, а не позволить ему

слоमितь нас, так ведь? — Он снова хлопает меня по спине так сильно, что практически толкает вперед. — Итак. У меня есть предложение для тебя.

Я хмурюсь. Это звучит не очень хорошо.

— Ты о чем?

Прежде чем заговорить, Шеп быстро оглядывается через плечо.

— Джейд хочет тебя кое с кем свести.

— Чего-чего? С кем?

— Ш-ш-ш, не хочу, чтобы она знала, что прямо сейчас я натаскиваю тебя. С бывшей соседкой по комнате, Келли. Помнишь ее? Она только что рассталась со своим парнем-неудачником, и в последнее время ей одиноко. Джейд подумала, что вы могли бы стать парой.

— Она, правда, так подумала? — Звучит фальшиво. Джейд знает, какой я на самом деле. Каким раньше был и Шеп. Я не хочу быть парой ни с кем.

Ну, раньше я не хотел быть парой ни с кем. Есть кое-кто, в ком я заинтересован, но она бежит от меня, как от чумы.

— Итак, Келли немного влюблена в тебя и надеется с твоей помощью покончить с воздержанием. — Шеп подходит ближе, выглядя слегка обеспокоенным. — Только не говори ей, что я все разболтал, ладно? Они обе никогда мне этого не простят.

— Кажется, ты почти... боишься их, — предполагаю я, и он смеется, хотя и натянуто.

— Я не боюсь их.

Я молчу.

Он тяжело вздыхает.

— Ладно, когда они собираются вместе, то пугают меня до усрачки. Клянусь богом, они как команда. — Шеп делает паузу. — Ну, так что? Ты в деле?

— На счет чего?

— Переспиишь с Келли?

Ничто не сравнится с вульгарным обаянием нашего Шепарда Прескотта.

— Нет.

Шеп выглядит удивленным.

— Серьезно? Нет?

— Нет, — повторяю я, на этот раз качая головой.

Теперь настала очередь Шепана замолчать на минуту.

— Ты можешь объяснить мне, почему «нет»?

— Я просто... мне совершенно не интересно трахать какую-то случайную девушку. Хотя я знаю Келли, так что, наверное, она не была бы такой уж случайной, но все же. Я покончил с этим дерьмом, — бормочу я.

Шеп протягивает руку и тыльной стороной ладони щупает мой лоб. Я отдергиваюсь от его прикосновения и отбрасываю его руку, как только он снова тянется ко мне.

— Ты что, заболел? — спрашивает он. — Серьезно, ты болен? Не думаю, что когда-либо слышал, чтобы ты так говорил.

— Как так? Что отказываюсь от возможности перепихнуться? — Пожимаю плечами. — Видимо, я изменился.

Шеп начинает смеяться. Даже прямо-таки громко и раскатисто ржать. Так громко, что это привлекает внимание Тристана, и он подходит, чтобы присоединиться к нам.

— Что тут смешного?

Шеп едва может говорить.

— Ничего, — отвечаю я вместо него.

— Тогда чего он так ржет? — интересуется Тристан.

— Потому что он — идиот. — Скорее даже великий мудака, но я сдерживаюсь и не говорю этого вслух.

Джейд приближается, сжимая в одной руке открытую бутылку шампанского, а в другой — четыре сложенных стопкой красных пластиковых стаканчика.

— Супер-пупер стаканчики для нашего супер-пупер напитка.

Шеп прекращает дико смеяться и помогает ей раздать стаканчики, а затем щедро наполняет каждый из них шампанским. Джейд целует Шепу в щеку, и тот обнимает ее за талию, притягивая ближе к себе. Тристан бормочет что-то о том, что теперь, когда в нашей повседневной работе участвуют девушки, слишком много денег тратится на всякую ерунду.

За что получает подзатыльник от Шепу, но мудака полностью заслуживает его.

А я тем временем не могу оторвать глаз от Джейд и Шепу. Как легко они взаимодействуют друг с другом. Как она смеется над тем, что он говорит. Как его голос становится глубже, когда он говорит тихо и только для нее. Как она наклоняется к нему, как он целует ее, как она смотрит в его глаза, когда что-то говорит ему.

Они влюблены друг в друга. Безумно, по уши влюблены, а я понятия не имею, каково это. Мне кажется, все это могло бы быть и у меня с Люси, но прежде чем смог узнать, как развивались бы наши отношения дальше, мы вынуждены были закончить их.

Я начинаю твердо верить, что хочу таких отношений. Я заслуживаю этого. Влюбиться. Быть без ума от девушки. Которая что-то значит для меня, которая так же сильно хочет нравиться мне и проводить со мной время, как и я хочу нравиться и проводить время с ней.

Проклятье, я все еще хочу Люси. Одна лишь мысль о ней причиняет боль моему глупому и, как мне казалось, несокрушимо сердцу. Потираю рукой грудь, чтобы облегчить боль, но это не помогает.

— Ну, Гейб. — Голос Джейд вырывает меня из моих мыслей. — Ты ведь знаком с моей подругой Келли, верно? С которой я жила раньше?

Шеп бросает на меня взгляд и делает глоток из своего стаканчика. Видимо, сейчас я и должен прикинуться дурачком.

— Да, я помню ее.

Джейд улыбается.

— Она считает тебя симпатичным.

Я улыбаюсь в ответ и раскидываю руки в стороны.

— Да меня вообще все девушки считают симпатичным.

Тристан издает рвотные звуки. Шеп закатывает глаза.

— Ты должен как-нибудь пригласить ее на свидание. Уверена, она согласится, — предлагает Джейд.

— Согласится с чем? — невинно спрашиваю я.

— Пойти с тобой на свидание, — так же невинно отвечает она.

Так-так. Бедняжка Келли хочет перепихнуться, и Джейд по какой-то причине сводничает свою подругу. Извращение какое-то. Не думаю, что Джейд намеренно действует как сутенер Келли, но со стороны это выглядит именно так.

— Мне нравится Келли, но я — пас, — говорю я, допивая остатки шампанского.

У Джейд не получается скрыть свое разочарование.

— Серьезно? Я не должна бы тебе этого говорить, но она недавно рассталась со своим парнем.

— Верно, и скорее всего она все еще немного привязана к нему. Она скорбит по утрате? Ищет кого-то, кто раз и навсегда вытряхает его из ее организма?

— Гейб! — Джейд нервно смеется, но, судя по ее глазам, думаю, что попал в точку на счет затруднительного положения Келли. — Честно говоря, у них была ужасная сексуальная жизнь, и я сказала ей, что она заслуживает большего, так что да. Каждый заслуживает отличную сексуальную жизнь, верно, дорогой? — Улыбается она Шепу.

Не знаю, сколько еще выдержу, находясь рядом с этими двумя влюбленными голубками.

— И ты думаешь, я смогу напомнить ей, что секс не так уж и ужасен?

— Ну, это же к тебе перешел титул местного бога секса с тех пор, как я увела Шепу с рынка, — заявляет она.

— Эй, а как же я? — обиженно спрашивает Тристан.

— Ты слишком угрюмый и мрачный, — говорит Джейд, махнув на него рукой. — Келли боится тебя.

Я улыбаюсь и сминаю стаканчик в кулаке. К черту все! Может мне все же стоит отвлечься. Если Люси собирается убегать от меня каждый раз, как только увидит меня, то я лучше отступлю. Зачем мучить себя, когда могу иметь почти любую девушку в кампусе?

Не хочу показаться придурком, но это правда, особенно, когда Шеп вне игры. «Поматросил и бросил» было нашим принципом. Возможно, стоит вернуться к этой политике. Люси была помрачением рассудка. И на этом все. Мне нужно вернуться к своим старым привычкам.

Поматросить и бросить. «Вошел-вышел» — в прямом и переносном смысле. Никто не страдает, всем весело, и на этом все кончено.

Мне нравится.

— Знаешь что, я приглашу ее, — заявляю я, от чего Джейд визжит и прыгает вверх-вниз. Она подходит ко мне и обнимает, крепко сжимая, прежде чем отпустить.

— Давайте устроим двойное свидание, — возбужденно предлагает она. — Ты, Келли, я и Шеп. Мы можем пойти куда-нибудь поесть или выпить, или еще что-нибудь, и вы с Келли сможете узнать друг друга получше.

Мне нравится, что мы не рассматриваем это, как нечто непристойное. Конечно, мы с Келли можем пойти на свидание и за ужином поболтать обо всем, что угодно, но потом захотим перейти на другой уровень, верно?

На уровень, где мы оба будем голыми.

— Что бы ты ни задумала, я в игре, — уверяю я Джейд, моя улыбка легкая, но в груди тяжесть. Возможно, это не самая лучшая идея в мире, но разве у меня есть выбор? Люси отказалась от меня, и я могу признаться себе — мне больно. Чувствую себя немного подавленным, немного несчастным.

Нет ничего лучше быстрого перебега, чтобы вернуться в строй.

Провожу рукой по лицу, по затылку.

Боже, надеюсь на это.

Глава 18.2

Люси

Через несколько дней после прибытия в Сент-Огастин я нашла работу на неполный рабочий день, и хотя это не работа в кампусе, но на первое время сойдет. Раньше я уже работала официанткой, и пусть это не самое любимое мое занятие, ресторан, в котором работаю сейчас, маленький и прямо на берегу океана, и еда очень вкусная.

И что очень важно, с боссом мне тоже повезло. Ненавижу работать на засранцев, но они повсюду, так что их трудно избежать. Не важно. Я стараюсь изо всех сил и работаю. Зарабатываю деньги и на крайний случай храню всю полученную за лето наличность на моем сберегательном счете.

Пока все в порядке. Все идет по плану.

Ладно, не совсем. Кое-кто все портит, но мне нельзя думать об этом. О нем. Он — отвлекающий фактор, а последнее, что мне нужно, это отвлекаться, мне нужно оставаться сосредоточенной. Быть на высоте. Закончить колледж — моя цель номер один. Потерять рассудок из-за парня, который великолепен в постели — это неразумно.

Главное: учеба и работа. Учеба и работа.

Учеба. И. Работа.

Вчера я впервые вышла на работу, и мои ноги просто убивают меня. Сегодня у меня туфли поудобнее, те, что недавно нашла в местном магазине «Kohl's», когда мы с Джинной ходили туда. На мне новые черные кроссовки «Найк», купленные на распродаже, футболка с названием ресторана на груди и черные шорты. Это субботний вечер, дел невпроворот, поэтому в ту же секунду, как заступаю, принимаюсь за работу.

Работа помогает мне отвлечься от реальной проблемы — проблемы по имени Гейб и моей реакции на то, что мы учимся в одном колледже. Я имею в виду... каковы были долбаные шансы? Это не то, что мы когда-либо обсуждали, и я специально сохраняла наши отношения обезличенными.

Огромная ошибка. Знать заранее было бы очень неплохо, потому что, по крайней мере, я была бы готова.

А теперь чувствую себя полной стервой, игнорируя его, но что еще мне оставалось делать? Лучше бы он никогда меня не видел. Я подумывала бросить наш общий курс, но не могу себе этого позволить. Его предлагают только в осеннем семестре, и я не позволю, чтобы из-за какого-то тупицы страдало мое расписание.

Ну ладно, он не тупица. Он довольно классный парень. Но не для меня.

Так что в среду я проскользнула в аудиторию в последнюю минуту и снова села в самом заднем ряду, за парту прямо у двери, чтобы успеть выскочить, как только профессор Бейли нас отпустит. И поверьте, я именно так и поступила.

Я даже не видела Гейба. О, я искала его, потому что ничего не могу с собой поделать, похоже, мне нравится эта пытка или что-то в этом роде, но да. Его хорошенькой темноволосой головы нигде не было видно. Не было ни его милого, симпатичного, великолепного, красивого лица, ни его чудесного, богоподобного тела.

Дерьмо. Мне действительно нужно взять себя в руки.

Сосредоточившись на работе, суечусь в крошечном ресторанчике, рассаживая клиентов, принимая их заказы, вновь наполняя их бокалы и принося им еду. Чем позже становится, тем больше мы заняты, и я даже не замечаю двух пар, смеющихся и легко болтающих, пока не останавливаюсь перед их столиком и не спрашиваю, не хотят ли они чего-нибудь выпить.

В тот момент, когда поднимаю взгляд от блокнота, я замираю. Напряженные голубые глаза смотрят на меня, почти жадно впиваясь, но в глубине их горит гнев.

Это Гейб.

Супер.

— Я выпью пива, — говорит парень, сидящий напротив, обнимая за плечи красивую рыжеволосую девушку. — А ты что будешь, детка?

— Просто немного воды, пожалуйста, — отвечает она, мило улыбаясь мне.

Другая девушка — та, что сидит рядом с Гейбом, — бросает на рыжеволосую недоверчивый взгляд.

— Ты что, не пьешь?

— Кто-то же должен быть трезвым водителем, — замечает рыжая.

Хм, она мне нравится. Кажется, у нее есть голова на плечах.

— Ну что ж, а я выпью. — Девушка Гейба улыбается мне. Мне хочется выцарапать ей глаза своими короткими ногтями, но держу себя в руках. — Я тоже буду пиво.

— Какое? — грубо спрашиваю, не желая затягивать с этим, но дерьмо. Теперь я должна принять заказ у Гейба. А я едва могу смотреть на него, не говоря уже о том, чтобы заговорить.

Он знал, что я здесь работаю? Как он мог? Каковы были долбаные шансы? Я в курсе, что этот городок маленький, но святое дерьмо.

— «Bud Light». — Она смотрит на другого парня, когда он стонет. — Да что с тобой?

— Это дерьмо — не что иное, как разбавленная моча. Прости, конечно. — Он одаривает меня извиняющейся улыбкой. — Я буду «Pale Ale», пожалуйста. (Прим. пер. — Американский светлый эль от известной пивоварни «Sierra Nevada» в Калифорнии).

То, что он знает, что в задней комнате у нас припрятана «Sierra Nevada», указывает на то, что он бывал здесь раньше.

— Будет сделано. — Я тяну, записывая все заказы слишком долго, пока, наконец... наконец поднимаю голову и встречаюсь взглядом с Гейбом.

— А ты?

Он просто смотрит на меня, гнев, голод — все это до сих пор в его глазах. Он молчит, и его челюсть так плотно сжата, что, кажется, она вот-вот сломается. Я задерживаю дыхание, ожидая его ответа.

Которого так и нет.

Проклятье, он не облегчает ситуацию, да? Хотя я тоже этого не делала, и теперь получаю то, что заслуживаю.

— Ты не собираешься что-нибудь заказать? — Девушка слегка толкает Гейба локтем в бок.

Он смотрит на нее, его губы вытягиваются в мрачную линию. О, он напряжен. Узнаю этот взгляд. Я видела его раньше.

— Я тоже выпью «Pale Ale». — Он с трудом сглатывает. — Рад снова тебя видеть, Люси. — Его мрачный голос звучит так, словно он скорее будет плотать гвозди, чем увидит меня снова.

И все же мои колени слабеют, стоит мне услышать, как он произносит мое имя, и я быстро бормочу: «Сейчас подойду», прежде чем умчаться от их столика обратно на кухню. Я слышу, как его спутница спрашивает Гейба:

— Ты знаешь официантку? Откуда? — Но это все, что я уловила.

Что он ей ответил? Не то чтобы меня это волновало. Нет. Нисколько.

Дерьмо. Естественно, мне не все равно, но это неправильно. Я, словно трусиха, сбежала

от него, и с тех пор избегаю. Даже не ответила на его сообщение, потому что я — трусливая лицемерка, не способная посмотреть в лицо парню, с которым трахалась все лето.

И в которого почти влюбилась.

Влюбилась. Ха. Совсем из ума выжила.

Трясу головой и хватаю стакан, яростно открываю контейнер со льдом, хватаю совок и насыпаю в стакан кучу льда, прежде чем наполнить его водой. Беру пару бутылок «Pale Ale», «Bud Light», три охлажденных бокала и ставлю все на поднос.

Мои пальцы дрожат, делаю глубокий вдох. И все потому, что я только что видела Гейба. Я потеряла его. Seriously, почему позволяю этому парню так выбивать меня из колеи? Не стоит делать из этого проблему. Я могу двигаться дальше, и он тоже. Он уже на свидании с другой девушкой — очень красивой девушкой, — так что он определенно оставил прошлое позади.

Но почему он так смотрел на меня? Вел себя так, словно... я до сих пор для него важна? Нет, скорее он казался злым, и это отстой. Я не хочу чувствовать его гнев. Да, я не справилась с этой ситуацией между нами наилучшим образом, но не знаю, как еще это можно было сделать.

В то время избегать проблем казалось хорошей идеей.

Разочарованно выдохнув, хватаю свой поднос и возвращаюсь к их столику. Спутница Гейба смотрит на меня оценивающим взглядом, пока я раздаю им напитки, затем выхватываю блокнот из кармана фартука и спрашиваю, готовы ли они сделать заказ.

Они готовы. Сначала заказывают все остальные, Гейб ждет, чтобы быть последним, и когда, наконец, слышу, как он говорит, его глубокий голос грохочет по моим нервным окончаниям, заставляя ноги дрожать. Я стараюсь не смотреть на него, но все же смотрю. Похоже, ничего не могу поделать с собой. Он тоже смотрит на меня тем самым напряженным взглядом, который у него появляется перед тем, как наброситься. Мне нравилось, когда он набрасывался на меня. Такой взгляд означал, что он собирается обрушиться на меня, зацеловать до потери сознания, сорвать с меня одежду и восхитительно порочно совратить меня.

Но не похоже, что он хочет наброситься на меня таким образом. Больше похоже на безумно скверный вариант: я так зол на тебя, что собираюсь избавиться от тебя.

Не то чтобы он хотел причинить мне боль... черт. У меня в голове полный хаос. Я больше не вижу никакого смысла, если вообще когда-либо видела его.

Улыбаюсь им всем, как только Гейб делает свой заказ, собираю меню и, убегая, уношу их с собой. Передаю заказ на кухню и ловлю взгляд начальницы.

— Мне нужно подышать свежим воздухом. Дашь пару минут? — прошу я.

— Конечно, — отвечает Барб, указывая мне на заднюю дверь, ведущую наружу. Она такая милая. Она владеет этим местом и управляла им в течение многих лет, исполняя обязанности и администратора, и инспектора... всего. Даже не представляю, как она все это делает. Ей должно быть не меньше шестидесяти пяти. — Прервись ненадолго. Я прикрою, если кому-то за одним из твоих столиков что-то понадобится.

Облегчение почти переполняет меня.

— Спасибо, — устало говорю я, снимая фартук, вешаю его на крючок у задней двери и выхожу на улицу.

Как только оказываюсь на теплом, свежем ночном воздухе, позволяю плечам опуститься, откидываясь на заднюю стену здания. Я опираюсь о стену и смотрю на океан,

слегка вздрагивая, когда ветер дует на меня сильнее. Слышу, как волны разбиваются о прибой, вижу неподалеку мерцание костра и обхватываю себя руками, отгоняя внезапный озноб, охвативший меня.

И погода тут не причем. Скорее, это все из-за Гейба и его холодных флюидов.

Он ненавидит меня. И мне это не нравится, хотя я сама виновата. Мне просто нужно преодолеть это. Он двинулся дальше, нашел кого-то нового, так что мне не стоит волноваться из-за того, что у нас общий курс. Как это вообще что-то меняет? Может быть, в конце концов, мы станем... друзьями. Это было бы, хм, здорово. Тогда мы могли бы иногда встречаться и пить кофе. Говорить о его новых подружках, пока я мечтала бы о том, чтобы снова быть с ним. О, это был бы полный отстой, но я бы справилась.

Рано или поздно.

— Люси.

Замираю. Закрываю глаза. Боже, помоги мне, теперь я воображаю, что он на самом деле здесь со мной и зовет меня. Наверное, я сошла с ума. Это было бы обоснованным выводом. С тех пор, как переехала в этот дурацкий город, на меня со всех сторон сыпятся неприятности, и теперь я окончательно сошла с ума.

— Люс. Посмотри на меня.

Я слышу хруст его ботинок по гравию дорожки и понимаю, что это не галлюцинация. Он действительно здесь, стоит всего в нескольких шагах от меня, и по голосу не похоже, что злится. Он кажется...

Измученным.

Случайно взглянув на него, вижу, что да, вот он. И не выглядит разозленным. Нет, скорее он выглядит... опустошенным. Неужели из-за меня? Меня? Неужели я действительно так много значу для него?

— Люс, пожалуйста. Поговори со мной. Ты задолжала мне, по меньшей мере, объяснение, ты так не думаешь?

Я смотрю ему прямо в лицо, он подходит ближе, фонарь, расположенный рядом с задней дверью, отбрасывает на него неестественный свет. Черная рубашка-поло — одежда богатеньких мальчиков, само собой — безупречно сидит на нем, натягиваясь на груди, рукава плотно облегают бицепсы. Его волосы длиннее на макушке, коротко подстрижены по бокам, и он одет в джинсы, идеально облегающие его бедра.

Я прикасалась к этому телу. Ласкала руками, ртом и языком его теплую, упругую кожу. И он делал то же самое со мной. Я не должна думать о таких вещах. Я должна сказать ему, чтобы он вернулся к своей девушке и забыл, что мы когда-либо видели друг друга.

Но ничего такого не говорю. Вместо этого делаю шаг к нему. Потом еще один. И еще один, пока не оказываюсь так близко, что чувствую исходящее от его тела тепло. Я кладу руки ему на грудь, приподнимаюсь на цыпочки и прижимаюсь губами к его губам.

Глава 19

Гейб

Срань господня, я целую Люси. Ее мягкие, влажные губы двигаются вместе с моими, и ее знакомый вкус посылает заряд адреналина в мою кровь. То, что она по своей воле подошла ко мне, а не оттолкнула — такое осязаемое облегчение, что я чувствую слабость. Черт возьми, она ощущается так хорошо в моих объятиях, ее рот сливается с моим, наши

языки переплетаются, и, клянусь, у меня в мозгу короткое замыкание.

Что не лишено смысла, потому что мне стоило бы оттолкнуть ее. Потребовать объяснений, почему так дерьмово со мной обошлась. Вообще-то, это отличная идея.

Но сперва зацеловать.

Я обнимаю ее за талию и притягиваю к себе. Она всхлипывает у моих губ, и это звук почти ломает меня, я углубляю поцелуй, если это вообще возможно. Поглощая и поглощая Люси, пока ее грудь не вздымается от тяжелого дыхания, а пальцы не вцепляются в мою футболку.

— Прекрати, — выдыхает она, пытаюсь оттолкнуть меня. — Возвращайся к своей спутнице, Гейб.

Ее слова врезаются в мой затуманенный мозг, возвращая меня обратно в реальность. Я отпускаю ее и делаю шаг назад, пытаюсь успокоить дыхание и бешено колотящееся сердце. Провожу рукой по волосам, в то время как мы молча смотрим друг на друга, и я даже не буду пытаться разобраться в противоречивых эмоциях, борющихся внутри меня.

Но самый главный вопрос, пронсящийся у меня в голове, — какого черта она работает? В чем тут дело? Она такая противоречивая, сплошная загадка.

Я хочу узнать больше. И хочу, чтобы она доверяла мне достаточно, чтобы открыться и поделиться всеми теми маленькими нюансами, которые делают ее такой, какая она есть.

— Что ты делаешь, Люс? — спрашиваю я, мой голос грубый и хриплый. Прочищаю горло, ни на секунду не отводя от нее взгляд. Мне нужен ответ, но она, естественно, увильивает от моего вопроса.

— Тебе лучше зайти обратно, — тихо говорит Люси. — Тебя ждут.

— К черту все это. — Она вздрагивает, и я смягчаю свой тон. — Почему ты сбежала, увидев меня в аудитории?

Она качает головой, отводя свой взгляд от меня.

— Я, хм, я запаниковала.

— Но почему? Ты же знаешь, я бы никогда не причинил тебе вред и не обидел. — Не понимаю. Нас связывал не только секс, мы были друзьями. По крайней мере, я думал, что мы ими были. Она мне нравится. И думал, что это взаимно.

Люси вскидывает руки вверх, выглядя расстроенной.

— Потому что ты отмахнулся от меня. Ты перестал писать мне, вот я и подумала, что ты... двигаешься дальше или что-то в этом роде. Очевидно, так и есть. — Она машет рукой в сторону здания, ее рот сжимается в мрачную линию.

— Ты несправедлива, — говорю я. — Келли — просто подруга.

— С привилегиями? — Люси выгибает бровь. — Ты не один раз говорил мне, что в колледже был настоящим игроком. Вернулся к своим старым привычкам, так?

Хреново быть предельно честным, когда твои же слова используют против тебя.

— Серьезно, она — подруга Джейд. А Джейд — девушка Шепа. Мы всего лишь друзья, понимаешь? Мы просто вместе тусуемся. И все.

Твою мать, я вру. Да, я на самом деле здесь сегодня вечером, чтобы потусоваться с Келли. И скорее всего, закончу вечер с ней голой подо мной. Не то чтобы я был уверен, что буду на что-то способен с ней, но надеялся, что немного жидкой храбрости поможет мне в этом.

Я — урод, да? Абсолютно бесчувственный мудака.

Но сейчас, когда Люси стоит передо мной, одна только мысль о том, чтобы раздеть

Келли, заставляет меня похолодеть.

Вызывает отвращение к самому себе.

— Значит, тот парень с тобой — это и есть твой друг Шеп? — Она выглядит странно очарованной этим фактом. Я рассказал ей все о своих друзьях. И про девушку Шеп тоже. Она заинтересовалась, потому что хочет быть частью моей жизни?

Эй. Парень может мечтать.

— Да. Но это не важно. — Делаю шаг к ней и мягко хватаю ее за плечо. — Чем ты занимаешься после работы?

— Пойду домой и лягу спать. — Она пытается вырваться из моих объятий, но я не отпускаю ее. Не могу. Пока нет. — Чего ты хочешь, Гейб?

— Поговорить с тобой. — Провожу большим пальцем по ее коже, чувствую, как от моего прикосновения у нее бегут мурашки по коже, и это дает мне надежду. Ее тело по-прежнему отзывается на мои прикосновения. Это должно что-то значить, верно?

Она вздыхает, звук почти... безнадежный.

— В этом нет никакого смысла. Что сделано, то сделано. Разве мы не можем просто... оставить все как есть?

Гнев переполняет меня, и я пытаюсь подавить его. Но, черт возьми, это тяжело. Ее слова разжигают что-то глубоко внутри меня, отчего в моем животе ревет огонь.

— Ты действительно именно этого хочешь?

Она кивает. Не говоря ни слова.

— Серьезно? — Я пристально смотрю на нее, и она отводит взгляд.

Тянусь к ней, пальцами сжимаю ее подбородок и заставляю посмотреть на меня. Она поднимает на меня свои большие карие глаза, в которых светятся и беззащитность, и смущение, и надежда, и я уступаю своему желанию, захватывая ее губы для одного быстрого, глубокого поцелуя.

Когда мы разрываем наши губы, Люси тяжело дышит и отшатывается от меня, как только ее отпускаю.

— Это еще не конец, — бормочу я, и она сжимает губы. — Ни в коем случае.

Не говоря больше ни слова, разворачиваюсь и оставляю ее стоять там. Мое сердце бешено колотится, и, клянусь богом, вот-вот выскочит прямо из груди. Мы не закончим на этом. Не теперь. Нет, когда мне есть что сказать по этому поводу.

Обхожу здание и захожу через главный вход, улыбаясь хозяйке Барб, проходя мимо нее. Я много раз приходил сюда с Шепом и Тристаном. Это одно из наших любимых мест, где можно поесть. И чертовски невероятно, что первая девушка, к которой я действительно испытываю настоящие чувства, работает здесь.

— Куда ты пропал? — спрашивает Келли, когда я проскальзываю в кабинку и сажусь рядом с ней.

— Встретил кое-кого знакомого. Перекинулся парой слов. — Я улыбаюсь ей, довольный, что, по крайней мере, не лгу. Я на самом деле встретил кого-то знакомого. Кого-то, кого я поцеловал. Кого-то, кого я хочу целовать и дальше.

— Кого? — спрашивает Шеп, и я посылаю ему свирепый взгляд.

— Да, кого? — Джейд с любопытством наблюдает за мной.

Дерьмо.

— Вы прям как парочка сов-наседок, — шучу я, пытаюсь сменить тему. — Вы в курсе, что когда моя сестра была маленькой, она была помешана на совах? У нее были даже обои с

изображением сов и все такое.

— У тебя есть сестра? И почему я не знала этого? — Келли подается вперед и касается моей руки. Слава богу, она купилась на мою попытку отвлечь внимание.

Пожимаю плечами.

— Она младше, только что окончила школу. На прошлой неделе у нее начались занятия в местном колледже.

— Как ее зовут? — Живо интересуется Келли.

— Сидни. Но я в основном зову ее Сид. — Как только это имя слетает с моих губ, оборачиваюсь и вижу Люси, стоящую у нашего стола с нашими заказами в руках. Выражение ее лица говорит само за себя. Я знаю, о чем она хочет спросить.

Как Сид?

Но держу рот на замке, наблюдая, как она раздает еду каждому из нас, спрашивает, не нужно ли нам чего-нибудь еще, прежде чем умчаться.

— Наша официантка какая-то дерганая, — заявляет Джейд, как только Люси уходит. — Мне кажется, ты заставляешь ее нервничать.

— Кто заставляет ее нервничать? — спрашиваю я, прежде чем положить в рот картошку-фри.

— Ты. — Джейд указывает пальцем прямо на меня. — Она едва может смотреть тебе в глаза.

— Может, она считает тебя симпатичным, — говорит Келли раздраженно.

Она что, ревнует? Пожалуйста, господи, пусть это будет не так. Я едва знаю эту цыпочку. И определенно не ищу отношений с ней.

— Может она думает, что ты — полный придурок, — добавляет Шеп. — Держу пари, ты когда-то отшил эту цыпочку, и теперь она до глубины души ненавидит тебя.

Догадливый говнюк.

— А, может, мы все делаем из мухи слона, — бормочу я, сосредоточившись на еде. Хватит болтать. Хватит с меня разговоров.

Разговоры ни к чему не приводят.

## Глава 19.2

### Люси

Моя смена тянулась вечность. Когда Гейб и его компания, наконец, ушли, я вздохнула с облегчением. Но оно было недолгим. В ресторане было настольколюдно, что я едва могла перевести дух, и так продолжалось до одиннадцати часов вечера. И только сейчас собираюсь уходить, а уже почти полночь.

— Ты ведь будешь вести аккуратно, да? До вторника! — Взывает ко мне Барб, когда я выхожу из ресторана.

— Да, буду, спасибо, — обещаю я, закрывая за собой дверь. Моя Тойота припаркована на стоянке, далековато от самого ресторана, но я не чувствую себя в опасности. Она хорошо освещена, и здесь никого нет. Спрятаться негде.

Мысленно подсчитываю заработанные чаевые и улыбаюсь. Может, я смогу работать в «Хижине» неполный рабочий день, если мои чаевые останутся такими же, то они будут более чем компенсировать меньшее количество часов. И, возможно, мне даже не понадобится работа в кампусе, хотя я все еще собираюсь ее искать. Бьюсь об заклад, я

смогла бы потянуть обе, не отставая от курса. Вряд ли у меня будут друзья или парень, которые смогут отвлечь меня от того, что важно...

Эти размышления о парне заставляют задуматься о Гейбе, и меня пробирает дрожь. Черт бы побрал его и его необычайно привлекательную внешность. То, как зло он смотрел на меня, и то, как он собственнически, совершенно необузданно и по-настоящему поцеловал меня. Мне безумно хотелось сдаться. Это было бы очень легко. Но я не смогла. Просто... не смогла сказать: «О, да, Гейб, давай встретимся после моей работы вечером».

Ни в коем случае. Зачем тянуть с этим еще дольше, чем необходимо? Что сделано, то сделано. То, что было между нами, было мило. Приятная, чувственная и наполненная сексом небольшая интрижка на лето. Он злится на меня, и я его понимаю. Я тоже немного злюсь на него. Мне стоило извиниться, но увидев его, я действительно была ошарашена. Может, извинюсь перед ним, когда увижу его на занятиях в понедельник. Наверное, это будет правильно. Это будет обдуманно и искренне, он простит меня, и мы оставим в прошлом эту неразбериху, в которую превратилась наша жизнь.

Только оказавшись практически у самой своей машины, замечаю, что с другой стороны от нее припаркована другая машина. И к тому же знакомая. И такой же знакомый человек выходит из тени, его глубокий голос резонирует, окутывая меня, когда произносит мое имя.

Я чуть не выпрыгиваю из кожи, заметив Гейба, стоящего там и мрачно наблюдающего за мной.

Положив руку на грудь, глубоко вдыхаю.

— Гейб! Что ты здесь делаешь?

— Жду тебя. — Он скрещивает руки на груди.

— А что случилось с твоей подружкой?

Он отмахивается от вопроса легким движением головы.

— Я отправил ее домой с Джейд и Шепом.

— Но я думала...

— Тут не о чем думать. Забудь про нее. — Гейб делает шаг вперед, его взгляд почти умоляющий, когда встречается с моим. — Мне нужно поговорить с тобой.

Я вздыхаю.

— Я уже все сказала тебе. Не о чем больше говорить.

— Верится с трудом. Просто... побудь со мной немного. Мы можем прогуляться до пляжа. — Он машет рукой в сторону океана.

— Там же кромешная тьма, — указываю я, пытаюсь заглушить страх, звучащий в моем голосе. Веду себя нелепо. Океан меня не пугает.

Гейб? Черт, да. Но только не океан.

— Луна наполовину полная. — Он указывает на небо, и я смотрю вверх, отмечая, что она действительно наполовину полная. — Твои глаза привыкнут. Ну же, Люс. Как в старые добрые времена.

Вот именно это меня и пугает. Может, я не хочу вспоминать старые добрые времена.

Глупая обманщица, конечно же, ты хочешь заново пережить прошлое, особенно если это означает рот Гейба между твоих ног и твои пальцы, зарывшиеся в его волосы в попытке сильнее прижать его голову к себе, пока он лижет и доводит тебя до оргазма.

Тьфу. Я закрываю глаза. Никаких разговоров об оргазме. Я не хочу этого, только не от Гейба.

Твоя ложь нелепа, и ты это знаешь.

Нахмурившись, трясую головой. Ненавижу этот маленький ворчливый голос, живущий в моей голове.

— Я очень устала. Это был долгий вечер. — Изо всех сил я цепляюсь за свое последнее оправдание, но это бесполезно. Он видит меня насквозь.

— Я не задержу тебя надолго, обещаю. Нам даже не нужно разговаривать, — говорит он.

— Тогда зачем все это?

Его глаза теплеют, рассматривая меня.

— Я просто хочу провести время с тобой, Люс.

Боже, от этих его слов в моем животе порхают около тысячи крошечных бабочек. Слабо улыбнувшись ему, открываю дверцу машины, бросаю сумочку на пассажирское сиденье и захлопываю дверцу, запирая ее обратно и засовывая ключи в передний карман. Я даже не беру с собой телефон — просто выдающееся событие.

— Идем.

Он достает одеяло из багажника своей машины — зачем ему вообще одеяло? Сколько девушек он поимел на этом одеяле? — и мы направляемся к пляжу. Когда нам приходится пробираться через крутые, скалистые участки, Гейб тянется, чтобы взять меня за руку. Как только мы добираемся до ровной песчаной поверхности, я отпускаю его руку и иду рядом с ним, кивая в ответ, когда он спрашивает, стоит ли нам остановиться и присесть в каком-то определенном месте.

Я помогаю ему расправить одеяло на песке, а затем сажусь на один его край, надеясь, что он сядет на противоположный. Но, естественно, он этого не делает. Нет, он усаживается рядом со мной, так близко, что чувствую его жар, его запах, и закрываю глаза, изо всех сил стараясь отогнать эмоции, захлестнувшие меня, словно цунами.

Сидеть с ним вот так — кажется таким правильным. Словно мы никогда и не расставались. Но еще я чувствую себя обманщицей. Он удивляется, почему я работаю, почему у меня дерьмовая машина, почему торгуюсь в магазине и веду себя, как обычная девушка. Он как-то сказал мне, что я была самой удивительной богатой девушкой, которую он когда-либо встречал.

В то время у меня не хватило духу признаться ему, что я вовсе не богатая девушка. Что я действительно обычная девушка, которой приходится торговаться в магазине, работать и водить старую, слегка потрепанную машину. Это моя жизнь. Это я, но он почему-то не видит меня настоящую.

Может быть, это потому, что не хочет. Или еще хуже, что предпочитает верить в мою ложь.

Другими словами, он будет очень зол, если когда-нибудь узнает правду.

— Могу я кое в чем признаться? — спрашивает он низким голосом, напоминающим мне сладкий густой сироп, льющийся на мою кожу.

Киваю, не в силах вымолвить ни слова. Логика меня покинула, что чертовски опасно. Ведь знала, стоит ему только вытащить меня на этот пляж, я тут же совершу какую-нибудь глупость. Например, позволю ему делать со мной все, что он захочет.

Гейб берет меня за руку и переплетает наши пальцы в таком нежном жесте, что мне почти хочется плакать. Ладно, не совсем так. Скорее мне хочется схватить Гейба и кататься с ним по песку со слившимися ртами и блуждающими повсюду руками.

Очевидно, я забегаю вперед.

— Я скучал по тебе. — Его взгляд встречается с моим, такой глубокий темно-синий, полный несдерживаемых эмоций. Я никогда раньше не видела, чтобы он так смотрел на меня, и готовлюсь к тому, что он скажет дальше. — Я никогда раньше не говорил этого девушке.

— Ни одной? — хриплю я, когда он подносит наши сцепленные руки ко рту и касается ими моих пальцев.

— Даже моей матери. — Гейб неторопливо целует тыльную сторону моей руки, казалось бы, простой жест, но он настолько восхитительно хорош. — Не стоит втягивать ее в этот разговор.

Я нервно смеюсь.

— Да, не стоит.

— Я действительно скучал по тебе, Люс. — Он делает глубокий вдох, я чувствую теплый порыв воздуха на своей коже, а затем он опускает наши сцепленные руки к себе на колени. В опасной близости от того самого места между его ног, к которому у меня возникает внезапное желание прикоснуться. Я точно знаю, что нужно сделать, чтобы заставить его стонать, а знание — очень мощная вещь. — Больше, чем мне хотелось бы признать.

— Тогда зачем признаешься в этом?

— Потому что хочу быть честным с тобой. Больше никакого дерьма между нами.

Мое сердце сжимается от боли. Его признание такое... ух. Многозначительное и милое. А я по-прежнему обманщица. Жалкая, мерзкая, никудышная обманщица.

Отворачиваюсь от него, потому что он вполне может только силой своего взгляда соблазнить меня, если не буду настороже. Я могу сказать что-то, о чем потом пожалею, и, хотя хочу быть честной, я еще не готова разозлить его.

— Ты первым отказался от меня, — заявляю я, напоминая несчастного ребенка.

— Это что, соревнование? — Когда я поворачиваюсь посмотреть на него, он вздыхает и проводит свободной рукой по волосам. Сразу видно, что он расстроен, и это прекрасно, потому что я тоже расстроена. — Когда ты убежала от меня в понедельник на занятиях, мне было больно.

Ох.

— Я не хотела сделать тебе больно, — шепчу я. — На самом деле я просто пыталась защитить себя.

— От меня? Это же безумие. — Он качает головой.

Легкий ветерок обдувает нас, и я дрожу от холодного воздуха. Может еще и август, но ночи здесь прохладные.

— Ты был последним человеком, которого я ожидала здесь встретить, Гейб. И когда увидела тебя на занятиях по маркетингу, я подумала, не мерещишься ли ты мне. Мне казалось, что схожу с ума. Потом, осознав, что это действительно ты, не знала, что сказать и как реагировать. Поэтому сделала первое, что пришло в голову.

— Убежала, — добавляет он.

— Да. — Киваю. — Я убежала. И мне жаль, если задела твои чувства. В тот момент я не думала ни о ком другом. Только о себе. — Я кажусь невероятно эгоистичной, но, по крайней мере, я честна.

На мгновение мы замолкаем, Гейб перебирает своими пальцами мои, его прикосновение такое легкое, что щекочет, вызывая покалывание во всем теле.

Я, наверное, могла бы сидеть вот так с ним вечно...

— Я хочу еще одну попытку, — вдруг заявляет он, и я хмуро смотрю на него.

— Ты о чем?

— Хочу попытаться еще раз, — повторяет он. — Хочу начать все сначала. Начать заново с тобой. Забудь все те летние разговоры и все остальное. Для меня это было не просто увлечение. И, мне кажется, для тебя тоже. — Он сжимает мою руку, придвигаясь ближе ко мне. — Мне нужен еще один шанс с тобой. С нами.

О. Черт. Он говорит серьезно. Я вижу это по его глазам, по выражению милого, прекрасного лица. Не в силах удержаться, протягиваю руку и касаюсь его щеки, чувствую знакомый укол щетины под ладонью, и, боже, я хочу его. Вот так просто. Я хочу, чтобы он уложил меня на одеяло и прижался своим большим теплым телом к моему. Я готова пожертвовать всем ради еще одного шанса с ним, чтобы получить именно то, о чем он просит.

Но это было бы огромной ошибкой. Он не захочет услышать мою правду. Он ждет от меня чего-то определенного, а я совсем не такая, какой он хочет меня видеть. Богатой девушкой, которую можно привести домой к родителям, и кого они одобрили бы, кого-то с хорошим прошлым и всем, о чем они мечтают.

Не знаю, будет ли Гейба на самом деле волновать то, что я просто обычная работающая девушка из Южной Калифорнии, или нет, но боюсь рисковать. Боюсь, что разрушу все между нами раз и навсегда, а этим я рисковать не хочу.

— Когда ты прикасаешься ко мне вот так, мне кажется, что ты по-прежнему хочешь меня, — шепчет он хриплым и полным обещаний голосом. Я и не заметила, как погладила его по щеке большим пальцем.

Улыбаюсь, хотя улыбка в лучшем случае дрожащая. Будь с ним помягче. Скажи, что можешь быть просто его другом. Соври и скажи ему, что у тебя есть парень или что-нибудь в этом духе. Скажи что угодно, чтобы покончить с этим раз и навсегда. Сделай так, как будет лучше. Поступи правильно.

— Я никогда и не переставала, — как полная идиотка, признаюсь я. И судорожно выдыхаю. Я иду вразрез со всем, в чем убеждала себя, что должна сделать. — Прости меня за все эти глупые...

## Глава 20

### Гейб

— ...А потом я сказал, что собираюсь по-настоящему ухаживать за ней, — заканчиваю я, откидываясь на спинку сиденья. — Это было глупо?

Шеп хмурится, потом перегибается через стол, не сводя с меня глаз.

— И что же, на хрен, это означает?

Я хмыкаю. Мы завтракаем без Тристана, потому что он просто вылил бы на меня ушат дерьма, а я хотел серьезно поговорить с Шепом о... проблемах с девушкой.

Я. О проблемах с девушкой. Кто бы мог подумать? Точно не Тристан. Похоже, у Шепа это тоже не укладывается в голове.

— Я пытаюсь завоевать ее расположение. Начать с ней отношения, — объясняю я. — Ну, знаешь, как у тебя с Джейд.

— погоди минутку. Разве у тебя уже не было с ней чего-то этим летом? — Он хмурится

еще сильнее. Кажется, я и правда сбил его с толку.

Я уже угостил его завтраком и рассказал обо всем, что произошло между мной и Люси этим летом. Как поначалу то отталкивал, то притягивал ее, отказывая себе, пока наконец не сдался. И как только сдался, мы были друг с другом повсюду, а кульминацией стало то, что она отдала мне свою девственность.

Да. Я поделился даже этим, потому что хотел, чтобы он понял, насколько серьезно все было. Люси не какая-то случайная девушка, которую я трахал летом и которая мне нравится. Она особенная. Я хочу с этой девушкой серьезных отношений.

И твердо верю, что смогу даже... полюбить ее. Я достаточно думал об этом, чтобы каждый раз при упоминании слова «любовь» не чувствовать, что моя голова вот-вот взорвется.

В большинстве случаев.

— Да, мы были вместе все лето. Но с самого начала мы договорились, что наши отношения будут всего лишь мимолетным увлечением. — Что-то вроде того. Черт, ума не приложу, как назвать то, что было между нами.

Шеп качает головой.

— Мужик, я чертовски запутался. Просто возобновите все с того места, где остановились, и продолжайте в том же духе. Все просто.

— Но я хочу доказать ей, что настроен серьезно, — подчеркиваю я. — Она отдала мне свою девственность, мы трахались, как кролики, а потом я собрал вещи и уехал. Через какое-то время не ответил на ее сообщения, и да, это делает меня полным мудаком, но я извинился и думаю, что она простила меня. Поэтому хочу начать все сначала. Начать с чистого листа и напомнить ей, что могу быть хорошим парнем. По крайней мере, для нее я могу им быть.

Шеп на мгновение замолкает, разглядывая меня. Смущая меня. Хотелось бы, чтобы он сказал что-нибудь и избавил от мучений раз и навсегда.

— Она тебе нравится, — наконец говорит он.

— Ну типа да. Она мне очень нравится, — повторяю я. — Вообще-то, даже больше...

Шеп выгибает бровь.

— Ты влюблен в нее? — В его голосе звучит недоверие.

— Не знаю. — Пожимаю плечами, ожидая, что меня охватит паника, но этого не происходит. Это шокирует. — Не думаю, что это любовь. Пока нет.

— Значит, она тебе не безразлична.

Киваю.

— Очень.

— Вау. — Он качает головой. — Не думал, что доживу до этого дня.

— Какого дня? Когда я, в конце концов, влюблюсь? Честно говоря, тоже никогда не думал, что такое может случиться. — Когда-либо. Любовь — отстой. Вот как я всегда думал. Как и Шеп. Мы сблизились из-за наших одинаково ужасных родителей.

А сейчас посмотрите на нас.

— И все еще не случилось, ты не влюблен, — указывает Шеп. — Если верить тебе.

Ничего не говорю, потому что он прав. И уже закончил этот разговор. Я беспокоюсь. Я увижу Люси сегодня на паре по маркетингу. У нас обоих он два раза в неделю, и, хотя понятия не имею, как она отреагирует, увидев меня, не могу не признать, что, да, черт возьми, я переживаю. И взволнован.

Предвкушая увидеть это милое личико и пригласить ее на официальное свидание.

Согласится ли она? Надеюсь, да.

То, что я беспокоюсь о том, согласится ли она на свидание или нет, довольно забавно.

— А помнишь, были дни, когда мы могли иметь любую цыпочку, какую бы ни захотели? — В голосе Шепа слышится нежность, которая меня удивляет. Мне казалось, что он абсолютно счастлив быть несвободным.

— Да, это было не так уж и давно. — Особенно для меня, хотя формально и для Шепа тоже.

Он кивает с ностальгическим видом.

— Мы втроем могли зайти в бар, и уже через несколько секунд после нашего появления начинался сезон влажных трусиков.

Морщусь. Серьезно? Сколько нам?

— Можно и так сказать, — медленно соглашаюсь я.

Шеп смеется:

— Я серьезно. Девушки сходили с ума каждый раз, стоило нам появиться вместе, и все они боролись, чтобы узнать, кто первой заполучит одного из нас. Изобилие мокрых трусиков повсюду. И нам это чертовски нравилось. Было круто.

— Да. — Было. Но сейчас, размышляя об этом, могу признаться, что мне было как-то одиноко. Я никогда не мог запомнить имя девушки. Одна киска за другой, один рот за другим... в этом не было ничего особенного. Секс ради секса. Насколько это грустно и напрасно?

— Почему ты смотришь с таким презрением? — Шеп толкает меня локтем. — Ты когда-то жил ради подобного дерьма.

— И ты тоже, — парирую я. — Но теперь ты изменился.

— Ты прав. Мне больше не нужно это, — соглашается Шеп.

— Так что же произошло? Что заставило тебя измениться? — Я уже знаю ответ, но хочу услышать его объяснение. Мы, словно парочка цыпочек, обсуждаем наши чувства и прочее дерьмо, но, черт возьми, мне нужен совет. Некоторые рекомендации.

Выражение лица Шепа становится серьезным.

— Правильная девушка. Даже не могу сказать, что именно заставило меня измениться. Единственное, что могу сказать, дело было в самой Джейд. Она овладела мной. Скорее даже, я должен был обладать ею.

Прекрасно понимаю. Именно это я чувствую по отношению к Люси. Потребность, чтобы она была моей, — она просто... есть. Клокочет внутри меня, угрожая схватить и никогда не отпускать, пока не достигну своей цели.

И моя цель — Люси.

— Бро, ты как-то притих.

Пожимаю плечами.

— У меня столько всего на уме.

— Например, как сделать эту девушку твоей? Легко. Волочись за ней. — Шеп качает головой. — Еще один из нас попался. Похоже, Тристан наконец-то сам по себе. Интересно, сможет ли он вызвать сезон влажных трусиков в одиночку?

— Звучит просто отвратительно. Почему ты продолжаешь это так называть? — Если он еще раз произнесет эти три слова, я встану и уйду. Оставив ему счет за завтрак.

Шеп от всей души смеется, я же хмуро смотрю на него в ответ. В последнее время чувствую себя большой потехой для него. Знаю-знаю, Тристан и я думали, что было

чертовски весело — и странно — наблюдать, как Шеп делает глупые вещи, чтобы завоевать Джейд. То, что наш лучший друг влюбился в девушку, в то время как он мог иметь любую и каждую, какую он когда-либо хотел, чертовски сбивало с толку. Я этого не понимал.

Теперь же — понимаю. Я — идиот, изо всех сил пытающийся заполучить девушку, и без сомнения тоже буду глупо себя вести.

Черт, я уже выставил себя полным идиотом. Отключился, пока целовал Люси? Слава богу, кроме нас двоих никто не знает об этом.

— То есть ты хочешь сказать, что настолько увлекся этой девушкой, что даже не можешь больше выносить слова «сезон влажных трусиков»? — Шеп давится от смеха.

Он повторил это снова, ублюдок. Вскაკиваю на ноги.

— Мне пора.

Смех Шепз затихает.

— Я думал, ты платишь за завтрак.

— Извини, бро, когда ты продолжаешь нести такую чушь, я не могу остаться. — Бросаю на стол пару долларов. — Но с меня чаевые.

— Мудак, — кричит Шеп, когда я выхожу из закуской, рассмешив меня.

Улыбка не сходила с моего лица всю дорогу до кампуса.

Люси

На занятии он сидит рядом со мной. Буквально сидит рядом со мной за соседним столом, и его рука касается моей руки, когда он устраивается. Физический контакт с Гейбом вызывает у меня мурашки по коже, заставляет краснеть и заикаться, и стоило ему сверкнуть легкой улыбкой в мою сторону, и сказать «привет» своим сексуальным, низким протяжным голосом, я почувствовала себя так, словно он одним лишь блеском своих идеально ровных, идеально белых зубов отключил все мои мозговые клетки.

Как мне вынести целый семестр с ним на этом курсе? Меня ждет фиаско, уверена.

Нет. Не позволю из-за своей реакции на Гейба обречь себя на неудачу. Мама бы взбесилась, узнай, что на занятиях есть парень, который может отвлечь меня. Мужчины — зло. Они посланы прямо из ада, чтобы склонять женщин к греху. Она сказала мне об этом однажды, когда мне было шестнадцать, и я мечтала пойти на свидание с Рики Торресом. О, он был очарователен. Семнадцатилетний, высокий, с черными, как ночь, волосами и сверкающими темно-кариими глазами, с улыбкой, сулящей все на свете, все то, о чем я не могла даже помыслить, настолько была забитой. Он пригласил меня в кино, и я согласилась.

Мама сразу же строго-настрого запретила идти на свидание с Рики, не очень деликатно дав понять, что он — порождение Сатаны. Сначала я подумала, что она шутит. Но нет, она была серьезна. И напугана — серьезно напугана, что я пойду в кино с Рики и вернусь домой залетевшей, испуганной и в полном одиночестве.

Она перенесла на меня все свои прошлые страхи. Знаю, это было несправедливо, но мама ничего не могла с собой поделать, и я ее прощаю. Но, переложив на меня свои страхи, она удерживала меня. Не позволяла испытывать такие ощущения, как... небольшой мандраж из-за мальчика, сидящего рядом со мной на занятиях и улыбающегося мне так, словно я — единственное, что он хочет видеть.

Вроде того, как Гейб улыбается мне прямо сейчас.

Парень серьезно намерен добиваться... меня. Все эти разговоры в субботу вечером о

том, чтобы ухаживать за мной, признаюсь, что была абсолютной девочкой и позволила им опьянить меня. В ту ночь я вошла в свою крошечную квартирку так, словно витала в облаках. Он ехал за мной до самого дома, чтобы убедиться, что я добралась в целости и сохранности, и благодаря всего лишь этому джентльменскому жесту я снова попала на крючок.

Какой женщине не понравится, что мужчина добивается того, чего хочет? И быть единственным объектом желания этого мужчины?

Все остальные девушки в аудитории вытягивают шеи, пытаюсь взглянуть на Гейба, но он даже не замечает этого. Он улыбается мне, протягивая руку, чтобы заправить выбившийся локон мне за ухо, его пальцы касаются мочки моего уха, и я вздрагиваю от этого прикосновения.

— Я скучал по тебе, Люс, — признается он низким, сексуальным шепотом, который щекочет мои нервные окончания и превращает их в желе.

Я улыбаюсь и смотрю на свой стол, пытаюсь придумать, что сказать. Он хотел встретиться со мной вчера вечером, но было воскресенье, и мне было нужно выполнить несколько заданий. Это мой единственный выходной от работы и колледжа, и нужно было успеть все наверстать. И именно в этот день звонит мама и муштрует меня — хм, засыпает вопросами, чтобы убедиться, что я жива и здорова.

И еще, как меня заверяла Джина вчера днем, пока я сокрушалась, не совершила ли я ошибку, сказав ему, что занята, нет ничего плохого в том, чтобы ради желаемого немного напрячься...

— Что ты вчера делал? — спрашиваю его, игнорируя признание о том, что он скучал по мне. Пусть думает, что на меня его слова не подействовали, хотя на самом деле так оно и было. Но не похоже на меня — играть в игры.

Но опять же, мне не пристало и нагло врать...

— Тусовался с друзьями. Немного поработал. — Гейб пожимает плечами, его взгляд останавливается на моем лице, без сомнения заметив мое потрясение. — Да, эм, я еще не говорил тебе, но я управляю... — Его голос срывается, и он оглядывает комнату, чтобы убедиться, что никто не обращает на нас внимания, прежде чем наклониться ближе, его рот прямо у моего уха. — Чем-то вроде казино в моей гостиной.

Вскидываю голову.

— Что-что?

Он улыбается, выглядя слегка смущенным.

— Нелегальный игорный дом. У нас там есть столы и крупье. Я, Шеп и кузен Шеп, Тристан, — мы все управляем им. Мы втроем вложили деньги, и дело закончилось открытием казино у меня дома.

У меня отвисает челюсть. До меня доходили слухи об игорном доме в кампусе, а я здесь всего неделю. Понятия не имела, что за всем этим стоят Гейб и его друзья. Это же безумие.

— Разве это не рискованно?

— Да, но разве жить, не рискуя, не скучно? — Он ухмыляется и постукивает пальцем по кончику моего носа. — Ты должна как-нибудь зайти и заценить.

— К тебе домой? Хм, и как часто вы открыты для бизнеса? — Ладно, это просто прозвучало странно. Он ведет незаконный бизнес в своем собственном доме. Кто так делает?

О, я знаю. Гэбриэл Уолкер, вот кто.

— Всего несколько дней. Со среды по субботу, хотя со временем, если дела и в этот раз пойдут в гору, мы будем работать и по воскресеньям.

— Вы, вероятно, очень заняты. — Его родители в курсе, чем он занимается? Даже представить не могу, чтобы эти напыщенные люди, сливки общества, одобрили участие их единственного сына в незаконных азартных играх. Разве он не может сесть в тюрьму за что-то подобное? А его сестра знает? Держу пари, Сидни в штаны бы наложила, если бы узнала.

— Это не давало нам скучать последние три года, — легко заявляет он. — А ты играешь?

— В покер? — Когда он кивает, я качаю головой. — У меня было приложение «блэкджек» на первом смартфоне, который у меня был когда-то.

Гейб смеется, и этот звук заставляет меня улыбнуться. Мне нравится, когда он смеется.

— Я могу научить тебя играть в покер. Это довольно просто.

— Ты пытаешься соблазнить меня прийти к тебе? — поддразниваю я.

— Если бы я хотел соблазнить тебя, то не упоминал бы, что научу тебя играть в покер. — Его голос понижается, и клянусь, мое лицо сейчас вспыхнет, он такой сексуальный. — Я точно знаю, что тебе нравится, Люси. Или ты думаешь, что я уже забыл?

О. Боже. Мои ноги становятся ватными, и я рада, что сижу. Не ожидала, что он прям вот так с ходу будет играть грязно.

— Кх-кх...

Профессор Бейли выбирает именно этот момент, чтобы войти в класс, и я так благодарна, что со вздохом облегчения откидываюсь на спинку сидения. Слава богу, мне не придется продолжать этот неловкий разговор.

Имею в виду, я не против поговорить о сексе с Гейбом, но не могу делать это в огромной аудитории среди тысячи людей.

— Ты должна прийти сегодня вечером, — шепчет Гейб уголком рта, когда профессор начинает бубнить об основах маркетинга.

— К тебе домой?

Он кивает, даже не глядя в мою сторону.

— Я могу пригласить Шепа и Джейд, если ты хочешь познакомиться с ними официально. Уверен, Джейд ты понравишься. Мне кажется, она устала быть единственной девушкой среди нас, когда мы тусуемся все вместе.

Действительно ли я ей понравлюсь? Разве она не пыталась свести Гейба со своей лучшей подружкой всего несколько дней назад? Похоже, я все испортила. Джейд может увидеть во мне соперницу.

— Хм, я бы с удовольствием, если ты думаешь, что они не будут против. — Приятно, что он хочет познакомить меня со своими друзьями. Как много он рассказал им обо мне? Может, они думают, что я какая-то богатая, избалованная стерва? Боже, надеюсь, что нет. Продолжать врать нелегко. Мне действительно нужно сказать ему правду, и как можно скорее. — Они показались мне милыми.

— Конечно же, они не будут против. И они классные. Уверен, вы поладите, — уверяет меня Гейб слишком громко, и профессор Бейли делает паузу в своей лекции, его взгляд останавливается на нас двоих, сидящих в верхнем ряду.

— Я мешаю вашему разговору? — раздается его голос снизу.

— Нет, сэр, — отвечает Гейб, сверкнув своей фирменной улыбкой.

Клянусь, я только что услышала, как все девушки в аудитории вздохнули, стоило им только увидеть ее.

И когда он поворачивается ко мне с этой убийственной улыбкой, я полностью понимаю,

что они чувствуют.

## Глава 21

### Люси

Как только я прихожу к нему домой, Гейб проводит мне экскурсию, начиная с большого крыльца и дивана, стоящего там прямо под окном, выходящим на улицу.

— Раньше он принадлежал моей матери, — поясняет он с лукавой улыбкой. — Если бы она знала, что он стоит снаружи круглый год, она была бы в ярости.

Думаю, ему нравится мучить своих родителей, даже если втайне от них.

Его дом огромен, а гигантская жилая площадь напоминает мини-казино. Повсюду стоят карточные столы, есть даже рулетка.

— Это похоже на Лас-Вегас, его модифицированная версия, — говорю я ему, с благоговением оглядываясь вокруг. Не то чтобы я когда-нибудь была в Вегасе, но видела достаточно в кино и по телевизору, чтобы уловить суть.

— Знаю, ничего особенного, но это работает. Большинство людей, приходящих сюда, не волнует, как это выглядит. Они просто хотят выиграть большие деньги. — Он замолкает, поворачиваясь ко мне лицом. — Итак. Тебе нравится? — обеспокоенно спрашивает он, и голос его звучит... нервно.

А я редко видела, чтобы Гейб нервничал. Кажется, его никогда ничего не беспокоит.

За исключением... меня. О, и еще, кажется, семья доводит его до белого каления. Сидни не раз упоминала, что их родители всегда оказывают давление на ее старшего брата.

— Мне нравится. — Я встречаюсь с ним взглядом. — Даже если у тебя нелегальный бизнес азартных игр в твоём же доме, кто я такая, чтобы судить?

Он делает вид, что обижается, прижимая руку к груди и все такое.

— Эй, к твоему сведению, у нас здесь легальный бизнес. Никаких левых схем не допускается.

Я закатываю глаза.

— Точно. За исключением того, что то, чем вы занимаетесь, незаконно в штате Калифорния.

Гейб опускает руку.

— Возможно, в Неваде мне сойдет это с рук, — бормочет он, качая головой.

— Наверное, да, — соглашаюсь я. — Кроме того, подумай обо всех возможностях. Ты мог бы открыть бордель наверху.

Его лицо проясняется.

— Это чертовски классная идея, Люс. Может тебе стоит присоединиться к нашему бизнесу. Стать четвертым партнером.

Он серьезно?

— Ты хочешь сказать, что доля от проституции будет моей?

— Совершенно верно. Держу пари, из тебя получится потрясающая хозяйка борделя. — Он кивает. — Ты бы пристраивала девушек, проверяла благонадежность клиентов, выясняла, в каких услугах они нуждаются...

О. Дерьмо. Кажется, он вполне серьезен. Мои щеки горят, стоит мне только подумать о том, как буду разговаривать с потенциальными клиентами и интересоваться, что они предпочитают в сексуальном плане. Будет неловко.

— Э-э-э...

— Я шучу, Люс. — Он легонько толкает меня в плечо. — Но на минутку мне удалось тебя развести, а?

Потираю место, куда он ударил меня — на самом деле совсем не больно, — не могу не чувствовать себя полной идиоткой.

— А вот и нет. Я тоже шутила, — вяло возражаю я.

— Ну да. — Его понимающий взгляд говорит мне, что он не верит ни одному моему слову. Ему и не следует. — Хочешь пить? Не голодна? Я думал заказать пиццу, когда Шеп и Джейд приедут, но у меня есть закуски, если тебе хочется чего-нибудь прямо сейчас.

Держу пари, у него есть закуски. Те, которые полны вкусных, но для меня совершенно вредных калорий. Я отказалась от жесткой диеты, потому что она никогда не помогает мне, но стараюсь следить за тем, что ем.

— Я просто выпью чего-нибудь, — отвечаю я, следуя за ним на кухню.

Он щелкает выключателем, и я оглядываюсь, отмечая приборы из нержавеющей стали и белые мраморные столешницы. Красивая кухня. Весь дом красивый — старый, но, похоже, внутри он был отреставрирован. Интересно, сколько он стоит. Уверена, Гейб купил дом, или его родители купили. Он владеет всем, в то время как я снимаю, выкраиваю, коплю и экономлю каждый пенни, который у меня есть.

Интересно, каково это, иметь под рукой все, что только можно пожелать. А я должна бы знать, каково это, учитывая мою фальшивую предысторию. Но мне бы очень, очень хотелось признаться ему во всем.

Только не сегодня. Просто... пока не могу заставить себя рассказать ему.

Я не готова к тому, что из-за лжи он возненавидит меня.

— Какую пиццу ты любишь? — Он открывает двойные дверцы холодильника и заглядывает внутрь. — Ты хоть понимаешь, что летом мы провели вместе несколько недель и ни разу не заказывали пиццу?

Было много других замечательных, удивительных вещей, которые мы могли бы делать вместе, вот почему.

— Что, черт возьми, с нами не так? — насмешливо спрашиваю я.

Он ухмыляется, выглядывая из-за двери холодильника:

— Я задаюсь тем же вопросом. Ладно, есть вода, апельсиновый сок, кола, 7-Ур, несколько сортов пива и бутылка водки Grey Goose в морозилке. Что ты будешь?

— Хм, воду. — Он посылает мне взгляд, и я вздыхаю. Он точно такой же, как когда Гейб привел меня в бургерную и навязал ванильную колу. До сих пор помню, как хороша она была на вкус. — Ладно, колу.

Он протягивает мне красную банку, я смотрю на нее, потом на него.

— Ты же не на диете? Люс, — предупреждающим тоном начинает он.

— Класс. — Открываю банку и делаю глоток, газировка щекочет мой язык и горло, когда я глотаю. — У тебя красивая кухня.

— Я переделал ее после того, как купил дом. — Он достает бутылку пива и закрывает дверцу холодильника.

— Значит, дом принадлежит тебе.

— Да. Надежное вложение. Я могу передумать и продать его, вернув обратно все свои деньги и еще немного сверху. — Он откручивает крышку с бутылки и делает большой глоток. Я смотрю, как он пьет, и движение его кадыка, когда глотает, странным образом

очаровывает — и возбуждает — меня.

Качая головой, делаю еще один глоток колы. Очевидно, что я совсем потеряла голову, если одного вида выпивающего парня достаточно, чтобы возбудиться.

Но почти все, что делает Гейб, заводит меня.

Раздается звонок в дверь, и Гейб, не говоря ни слова, направляется в гостиную, оставляя меня одну на кухне. Прерывисто вздыхаю, делаю большой глоток колы и провожу руками по волосам, пытаюсь их пригладить. Я нервничаю из-за встречи с друзьями Гейба. Он сказал им, что я была их официанткой в тот вечер? Узнают ли они меня? Они собираются подстроиться под ситуацию или как? Боже, чувствую себя неудобно. Так, что не знаю, что сказать, что сделать, и оглядываю кухню, пытаюсь успокоить панику, быстро поднимающуюся внутри меня...

— Люси, — зовет Гейб из гостиной, — иди сюда и познакомься с Шепом и Джейд.

Расправив плечи, выхожу из кухни и направляюсь в гостиную, удивленно моргая, когда Джейд бросается ко мне и заключает в теплые, ароматные — девушка пахнет просто чудесно — объятия.

— Так приятно познакомиться с тобой, — шепчет она мне в щеку.

Я отстраняюсь, взволнованная ее энтузиазмом. Гейб и Шеп смотрят на нее так, словно она сошла с ума.

— Что? — спрашивает она, когда они продолжают пялиться. — Вы никогда раньше не видели меня милой?

— Не совсем, — медленно признается Гейб.

Шеп раздражается смехом.

— Я просто в восторге от встречи с девушкой, каким-то образом укротившей главного кобеля в кампусе, — надменно заявляет Джейд, посылая мне одобрительный взгляд. — Она, должно быть, весьма впечатляющая, если может держать тебя под контролем, Гейб.

Мои щеки пылают. Это так неловко. Не то чтобы я его контролирую. Я почти не позволяла ему целовать себя с тех пор, как мы воссоединились. Ладно, я целовала его. Но больше ничего не было. Официально мы не пара или что-то в этом роде. Даже близко нет.

— Это Шеп, — говорит Гейб, указывая на своего друга, и только я хочу пожать его протянутую руку, как он тоже притягивает меня в объятия.

Они довольно дружелюбные, что приятно. По крайней мере, благодаря им я чувствую себя желанным гостем.

— Рад познакомиться с тобой за пределами «Хижины», кстати, это мой любимый ресторан, — уточняет Шеп, когда я отхожу от него. — Я знаю Барб уже много лет.

— Именно туда он повел меня на наше первое свидание, — добавляет Джейд.

— Правда? — Я смотрю на них обоих, на то, как легко Джейд подходит к Шепу и обнимает его за талию, положив голову ему на грудь. Они оба очень хороши собой. Джейд с ярко-рыжими волосами и милыми веснушками по всему лицу. И Шеп — просто золотой мальчик-красавчик, и он это знает. Держу пари, он просто очаровашка.

Они — идеальная пара.

— О да, я знаю, как произвести впечатление на девушку, — отзывается Шеп, отчего мы все смеемся.

— Какую пиццу будем заказывать? — спрашивает Гейб, потирая руки. Он указывает подбородком в мою сторону. — Ты не против позвонить, Люс?

— Вовсе нет, — отзываюсь я, вытаскивая телефон из кармана шорт. — Просто скажите

мне, что предпочитаете и откуда, и я позвоню.

Его губы изгибаются в едва заметной улыбке, глаза теплеют, когда он наблюдает за мной, пока Шеп и Джейд обсуждают, с какой начинкой они хотят пиццу. От того, как интимно он смотрит на меня, у меня в животе поднимается жар, и я не могу не желать, чтобы вечер прошел быстро.

Чтобы, в конце концов, я смогла остаться с Гейбом наедине.

Глава 21.2

Гейб

Я продолжаю копаться в своем телефоне. Знаю, это чертовски грубо, но мне все равно. Я хочу, чтобы Люси принадлежала только мне. Мне реально хочется, чтобы Джейд и Шеп убрались отсюда, а они все еще здесь. Более того, Шеп только что открыл еще одно пиво, а на другом конце комнаты Джейд и Люси, сидя рядышком на диване, увлеченно болтают.

Видя их такими, я начинаю нервничать. О чем, черт возьми, они могут разговаривать? Обо мне?

Дерьмо. Даже знать не хочу, о чем толкует Джейд. Или Люси. Что, если она расскажет Джейду о моем эпическом провале в джакузи? Люси имеет полное право бесконечно троллить меня тем, как я заснул, целуя ее.

Постоянная борьба между нами поначалу тоже не доставляла особого удовольствия. На самом деле, наша история с Люси не была легкой с самого первого дня. Мое обычное «я» давно бы от нее отказалось и нашло кого-нибудь попроще.

Есть много девушек попроще. Но ни одна из них никогда не заставляла меня чувствовать себя так, как Люси.

— Думаешь, они говорят обо мне? — спрашиваю я Шепу, когда он подходит и останавливается рядом со мной. Я только что выбросил пустые коробки из-под пиццы в мусорный бак снаружи, когда обнаружил Шепу на кухне в поисках еще пива.

— Мир не вращается вокруг тебя, Гэбриэл, — сухо отвечает он и замолкает. — Но готов поспорить на деньги, что они говорят о тебе.

— Дерьмо, — бормочу я, забирая бутылку у Шепу, когда он протягивает ее, и опустошая ее одним длинным глотком. Он свирепо смотрит, когда я возвращаю пустую бутылку из-под пива. — Благодарю.

— Ты нравишься Джейду, так что не переживай, — небрежно говорит Шеп, но я по-прежнему обеспокоен. Она могла рассказать Люси кучу всевозможных историй о моих многочисленных связях с девушками. Она видела меня в действии только в течение короткого периода времени, но этого было достаточно, чтобы нанести некоторый ущерб. К тому же я даже не представляю, что Шеп мог поведать Джейду обо мне. А он знает все мои маленькие грязные секреты.

— Девушки любят поговорить, — продолжает Шеп. — Думаю, ты зря волнуешься. Я бросаю на него взгляд, и он пожимает плечами. — Хочешь, чтобы мы оставили вас в покое? Чтобы ты мог остаться со своей девушкой наедине?

— Да. — И коротко киваю. Шеп все прекрасно понимает. У меня такое чувство, что с момента, как я вернулся в Сент-Огастин, он все понял, понял, что со мной что-то случилось. А, когда он и Джейд встречались, я был полным мудаком по отношению к нему. — Я бесконечно критиковал тебя, когда вы с Джейдом только начали встречаться.

— Было такое, — протяжно произносит Шеп.

— Да, и это был отстой, дружище. Я, э-э, извиняюсь. — Никогда не был силен в извинениях, и то, как я запинаясь, принося их, лишь доказывает это.

— Все нормально, бро. — Он изучает двух девушек, которые над чем-то вместе смеются. Звук в буквальном смысле приносит облегчение, и я заставляю взять себя в руки и успокоиться... Кто знал, что я могу стать такой размазней за такое короткое время? — Кажется, теперь ты понимаешь.

— Да, — соглашаюсь я, мой голос нежен, но стоит Люси поднять голову и встретиться со мной взглядом, мое тело напрягается. Между нами что-то пробегает в этот момент, невысказанные мысли вслух и сладкая улыбка, которые она дарит мне, заставляют мою грудь вздыматься сильнее.

Проклятье. Эта девушка скручивает меня изнутри, и ничего не могу с этим поделать. Не то чтобы мне хотелось остановить происходящее между нами, но у меня такое чувство, словно я в состоянии свободного падения, и нет никакой страховочной сети, чтобы поймать меня. Я просто продолжаю кувыркаться с ног на голову, не зная, где приземлюсь.

Интересно, Люси — та самая, кто поймает меня?

— Джейд, детка, нам пора идти, — зовет Шеп. Он даже не пытается скрыть нежность в своем голосе. Эта новая, более мягкая сторона Шеп пугала меня до чертиков. Это означало, что он меняется, а я ненавижу перемены. Последние три года у нас все было хорошо. Я не понимал, с чего вдруг ему захотелось чего-то другого. В этом не было никакого смысла.

Но теперь начинаю понимать. Когда в твоей жизни появляется подходящая девушка, ты просто не можешь ее отпустить. И придется стараться изо всех сил, чтобы удержать ее. Доказать, что ты достоин ее.

То, что Люси все еще рядом после всех моих глупых поступков, о чем-то да говорит.

Джейд, а следом и Люси, подходят к нам с Шепом. Джейд обнимает меня и мрачно шепчет на ухо:

— Лучше бы тебе не облажаться, Уолкер, — прежде чем отпустить меня.

Затем она поворачивается к Люси и крепко обнимает ее.

— Я отлично провела сегодня время. Пожалуйста, Гейб, не испортить ничего. Мне нравится, что рядом есть еще одна девушка, с которой можно пообщаться. Но не нравится, что из вас троих только Шеп пристроен. Ты и Тристан плохо влияете на него.

— Ты называешь меня дурным влиянием? — Мы втроем всегда плохо влияли друг на друга. Не стану отрицать. Но с тех пор, как Шеп с Джейд, он ведет себя лучше всех, а встретив Люси, и у меня не было ни малейшего желания заниматься этим дерьмом.

— Уже нет. — Джейд одаривает меня улыбкой, полной одобрения. — Обращайся с ней хорошо. Она — то, что надо.

— Знаю, — отвечаю я серьезно, заставляя Люси удивленно посмотреть на меня. — Но спасибо, что подтвердила мои впечатления.

Люси хранит молчание, пока мы провожаем Джейд и Шепу, хотя обнимает их обоих. Как только дверь закрывается, она спешит на кухню, собирая бутылки и банки из-под содовой, все еще разбросанные по столу и стойке. — У тебя есть мусорная корзина для вторсырья? — спрашивает она с полными руками.

— Когда откроешь дверь в гараж, то увидишь ее справа, — говорю я ей.

Прежде чем успеваю сказать что-то еще, она уходит, а я убираю остальную часть кухни, не то чтобы там еще много осталось. Мы выбросили все бумажные тарелки и мусор в коробки из-под пиццы. Я подумываю о том, чтобы взять еще пива, но решаю, что хочу

сохранить свою голову относительно ясной сегодня вечером.

Как только Люси возвращается на кухню, я замечаю, что она не смотрит на меня, и мне это не нравится. Что случилось? Джейд что-то сделала? Черт, я что-то не то сказал?

— Ты злишься?

Она останавливается и наконец-то поднимает взгляд и встречается с моим.

— Нет. С чего бы мне злиться?

— Джейд что-то сказала? Рассказала какую-нибудь ужасную историю про меня и девушек? Потому что не буду врать, я не был святым до того, как встретил тебя. Я путался со всеми подряд. У меня было много девушек. Я по-полной наслаждался студенческой жизнью. — Прерываюсь, размышляя, как далеко стоит заходить с этим признанием. — Но с тех пор, как встретил тебя, Люси, меня не привлекала ни одна другая девушка. И, богом клянусь, это чистая правда.

Она смотрит на меня, обхватив руками спинку одного из кухонных стульев так крепко, что костяшки пальцев побелели.

— Я верю тебе.

На меня накатывает такое сильное облегчение, что, клянусь, аж колени дрожат.

— Отлично. Ты должна знать, Люси, что я не... я не позволяю девушкам встречаться с моими друзьями, если это в моих силах. Это приводит ко множеству проблем, с которыми не хочу связываться.

— Серьезно?

— О, да. Они возлагают надежды, а я просто... не хочу их разочаровывать. Так что лучше предпочитаю держаться на расстоянии.

— Ты никогда не держался от меня на расстоянии, — бормочет она. Она отпускает стул и пробирается ко мне, ее бедра покачиваются, напоминая мне, как давно мои руки не касались этих восхитительных изгибов.

Мое сердце начинает бешено колотиться, кровь течет по венам быстро и горячо. Она придвигается ближе, я чувствую ее запах, вижу блеск в ее темных глазах и сжимаю пальцы в кулаки, чтобы не схватить ее слишком быстро.

Не хочу торопить события. Торопить ее. Не нужно спешить.

— Потому что ты другая, Люс, — говорю я низким и хриплым голосом. — И всегда была такой.

Темная бровь выгибается дугой.

— А я, увидев тебя в первый раз, подумала, что ты какой-то извращенец.

Мне становится смешно.

— Я и был им. Сидел весь день на балконе и наблюдал за тобой у бассейна.

— Но, в конце концов, я решила, что ты слишком красивый, чтобы быть извращенцем. — Люси шагает еще ближе и кладет руки мне на грудь. — Мне хотелось, чтобы ты не прекращал наблюдать за мной. И продолжала устраивать шоу только для тебя.

— Я ценил каждое мгновение, — отзываюсь я, кладя руки ей на бедра и сжимая их.

Она улыбается, медленно поглаживая руками вверх и вниз по моей груди.

— Держу пари, что так оно и было.

Я притягиваю ее так близко, что наши бедра сталкиваются. И вот я уже тверд.

— Я рад, что ты дала мне второй шанс, Люс.

— Я дала тебе несколько вторых шансов, Уолкер. — От ухмылки, которую она мне дарит, мне хочется поцеловать ее в губы.

Что я и делаю.

## Глава 22

Люси

Гейб, не теряя времени, тащит меня в свою спальню наверху. Тусоваться с Джейд и Шепом было довольно весело, но через некоторое время меня начало одолевать нетерпение.

Мне хотелось остаться наедине со своим парнем.

То, что я думаю о Гейбе, как о своем парне, может быть глупо, но Джейд обронила несколько обнадеживающих фраз, которые дали понять, что он ведет себя не так, как обычно.

— Он рассказал тебе об их принципе «поматросить и бросить»? — закатив глаза, спросила она меня после того, как мы съели пиццу и устроились вместе на диване.

— «Поматросить и бросить»? — переспросила я.

Она кивнула.

— У Гейба, Тристана и Шепа, у них всех, есть одно правило. Вообще-то, у них куча дурацких мужских правил, которых я не знаю и знать не хочу. Но Шеп признался мне в самом главном — переспать один раз, и на этом все. Вот как они всегда обращались с девушками.

Я морщусь.

— Весьма мерзко.

— Знаю, но задумайся вот о чем. Как часто ты виделась с Гейбом? Была с Гейбом? На слове «была» Джейд делает акцент.

И я тут же почувствовала прилив жара к щекам. В последнее время я постоянно краснею, ненавижу это. Казалось бы, что с моей темной кожей это не должно быть заметно, но все замечают, и от этого мне неловко.

— Часто, — наконец призналась я.

Улыбка, которой она меня одарила, была торжествующей:

— Значит, тебе удалось разнести в пух и прах принцип Гейба — «поматросить и бросить», — рассмеялась она. — Двое повержены, остался еще один.

После услышанного я расплылась в улыбке, хотя и понимала, что она торопит события. Но ничего не могла с собой поделать. Слова Джейд и ее неустанное ободрение вселили в меня надежду.

И сейчас, наблюдая, как Гейб бродит по комнате, закрывая шторы, подбирая грязную одежду с пола и бросая ее в корзину для белья, стоящую в углу, не могу не восхищаться тем, как он двигается. Даже при том, что он определенно в легкой панике от того, что я оказалась в его немного неубранной комнате.

— Ты не навел порядок в комнате, зная, что я приду сюда? — спрашиваю я, более чем немного удивленная. Подхожу к его столу и, заметив, беру фотографию в рамке, на которой Гейб, Шеп и, должно быть, Тристан гораздо моложе. Они широко улыбаются в камеру, на всех солнечные очки, и они так смехотворно хороши, что почти больно смотреть.

Ставлю фотографию обратно на стол, мои ладони вспотели, и я тру их о джинсовые шорты.

— Я собирался. — Он посылает мне робкую улыбку через плечо. — Но до твоего прихода потратил слишком много времени на уборку кухни. Мне так и не удалось подняться

наверх, хотя я знал, что здесь не так уж и ужасно. У меня нет домработницы, как у Шепа и Тристана, но дважды в неделю приезжает клининговая компания и убирает в казино.

У меня челюсть падает.

— У Шепа и Тристана есть домработница?

— О да, и она их ужасно балует, как и Джейд. Это чертовски раздражает, — смеется он. — Извини за резкость. Я мог бы позволить себе домработницу, если бы захотел, но она мне не нужна. Не такой уж я и неряха.

Оглядываю комнату и вижу, что большая часть беспорядка — это просто груды одежды, валяющиеся тут и там. Он прав. Все не так уж плохо.

— Если хочешь, тебя баловать могу я, — небрежно предлагаю, проводя пальцами по краю стола, прежде чем полностью повернуться к нему лицом.

— Да? — В его голосе явно слышится интерес. — А как бы ты стала меня баловать?

Улыбаясь, я указываю на кровать.

— Садись, я тебе покажу.

Не раздумывая, он садится на край кровати, широко расставив ноги, как делают все мужчины, его взгляд полон любопытства — не обожание ли это? — когда подхожу к нему. От этого взгляда мое сердце сжимается. Положив руки на его твердые, как камень, бедра, я медленно опускаюсь перед ним на колени.

— Люси... — начинает он, но я тут же качаю головой.

— Ш-ш-ш. — Медленно провожу руками вверх и вниз по его ногам, просовываю пальцы под края его шорт. Его бедра горячие, немного волосатые и мускулистые. — Я могла бы для тебя готовить.

— Да? — Он прерывисто выдыхает, когда я провожу ногтями по внутренней стороне его бедер. — Что, например?

— Все, что захочешь. Мама брала меня с собой на кухню с тех пор, как я была маленькой девочкой. Зачастую она так много работала, что, будучи в старших классах, именно я была той, кто готовила для нас. — А что тебе нравится?

— Мне бы, э-э, понравилось все, что бы ты ни приготовила. — Он вздрагивает, когда я вытаскиваю руки из-под его шорт и тянусь к поясу. — Что ты делаешь, Люс?

Я улыбаюсь и расстегиваю верхнюю пуговицу его шорт.

— Балую тебя. А сейчас, Гэбриэл, снимай рубашку.

— Только если ты снимешь свою. — Он делает паузу, и я откидываюсь назад, когда он быстро снимает рубашку и бросает ее на пол. — Эй, я должен был спросить раньше, но Люси — это укороченное имя?

При виде его груди на мгновение теряю дар речи. Боже, он горяч. Ведь я уже видела его таким много раз. Но вид полуобнаженного Гейба никогда не надоедает.

— Хм, обещай, что не будешь смеяться.

Выражение его лица смягчается.

— Я бы никогда не стал смеяться над тобой, Люс. Надеюсь, ты это понимаешь.

Я сдерживаю готовый вырваться из меня мечтательный вздох. Он не только красивый, но и очень милый. Прямо, слишком милый:

— Мое полное имя — Лусиана, — тихо признаюсь я.

— Лусиана. — Он растягивает каждый слог, смакуя его. — Лусиана. Красивое имя. Мне нравится. Но ты предпочитаешь, чтобы тебя называли Люси?

— Люси мне больше подходит. — Пожимаю плечами. — Лусиана звучит слишком официально.

— Красивое имя для красивой девушки. — Его тон искренен, как и взгляд. — Но и Люси звучит мило. Мне нравится и так тоже. — Он протягивает руку и проводит пальцами по моей щеке. — Мне все в тебе нравится.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — машинально произношу я, сжимая губы, как только эти слова вылетают. Проклятье, я не хотела этого говорить, не сейчас, когда собираюсь перевернуть его мир.

Или, по крайней мере, надеюсь, что переверну его мир. Я начинаю паниковать из-за возможной неудачи...

— Я хочу узнать о тебе больше, — говорит он, убирая пальцы с моего лица. — Если ты позволишь.

Я хочу этого больше всего на свете, но мне так страшно.

— Гейб...

Он встает, и я падаю назад, приземляясь на попу. Он нависает надо мной, без рубашки и с расстегнутой пуговицей на шортах, так что они почти неприлично низко висят на бедрах. Мой взгляд прикован к нижней части его живота, к узкой полоске темных волос, ведущей от пупка прямо к Земле Обетованной, и я облизываю губы в предвкушении.

— Твоя очередь, — говорит он, наблюдая за мной.

Откидываю голову назад, чувствуя себя почти... покорной, сидя вот так, в то время как он возвышается надо мной.

— Моя очередь для чего?

— Снять с себя футболку, детка. — Порочный трепет пробегает по моей спине, стоит ему назвать меня деткой. Мне безумно нравится, когда он так делает. Он машет рукой в мою сторону, без сомнения поощряя меня, и без колебаний стаскиваю футболку через голову, оставляя ее на полу рядом со мной.

Его глаза загораются, когда он с упоением смотрит на мой бюстгальтер. Он ярко-голубой, полностью из кружева, мои и без того твердые соски почти непристойно выпирают через ткань. Я надела этот бюстгальтер, думая о нем и надеясь, что ночью он все-таки окажется у него в руках.

Похоже, мое желание вот-вот сбудется.

— Симпатичный лифчик, — протягивает он.

— Спасибо. — Опускаю взгляд на свою грудь. — Я надеялась, что тебе понравится.

— О, еще как нравится. — Его глаза темнеют, и он снова медленно опускается на край матраса. — Мне бы хотелось, чтобы на тебе был только он и ничего больше, когда будешь сосать мой член.

У меня отвисает челюсть. Уже давно не слышала, чтобы он говорил что-нибудь порочное. Я и забыла, как мне это нравится.

— Это твое особое пожелание?

— Ты же говорила, что хочешь меня побаловать. — Пожимает он плечами.

— Трудно выполнить твою просьбу, когда ты все еще в шортах. — Он снял обувь, как только мы зашли в комнату, и я наблюдаю, как он поднимает бедра, стягивает шорты вместе с нижним бельем вниз по ногам и откидывает их. — Хм, гораздо лучше.

Его член толстый и длинный, твердый и прямой, достаёт почти до живота, я дрожу в предвкушении того, как возьму его в рот.

И как, рано или поздно, он войдет в меня.

— Твоя очередь, Люс, — бормочет он, и от решительной нотки в его голосе меня бросает в дрожь.

Медленно поднимаюсь на ноги, стараясь держаться как можно грациознее, что очень трудно, когда мои колени практически стучат друг о друга, настолько я нервничаю. Я уже давно не была с Гейбом вот так и надеюсь, что между нами все будет так же хорошо, как и раньше.

Страстным взглядом он следит за каждым моим движением, за тем, как тянусь к поясу обрезанных джинсовых шорт и медленно их расстегиваю, зная, что он наблюдает. Предвкушает. Он облизывает губы как раз перед тем, как я опускаю молнию вниз, у меня начинает горячо пульсировать между ног.

— Сними их медленно и аккуратно, — велит он, как только собираюсь стянуть шорты с бедер. — Позволь мне насладиться зрелищем.

Я останавливаюсь и поднимаю голову, мой взгляд сталкивается с взглядом Гейба, удерживая зрительный контакт. Его глаза такие пылающие, что кажется, будто они обжигают меня. Он наклоняет голову набок и кривит губы в едва заметной улыбке, когда ободряюще кивает.

Ладно, начнем.

Глубоко вдыхая, зацепляю пальцами шлевки ремня у себя на бедрах и мучительно медленно стягиваю шорты, неспешно открывая такие же ярко-голубые кружевные трусики. Гейб не отводит глаз, его пристальный взгляд сосредоточен на каждой частичке моего обнажающегося тела, и мою кожу покалывает от бедер до самых кончиков пальцев.

Позволяю шортам упасть к моим ногам и осторожно перешагиваю через них, оставаясь перед ним только в трусиках и бюстгальтере. На одно краткое, неловкое мгновение мне хочется прикрыться. Спрятать свои округлости, пухлый живот, легкие выпуклости. Но это глупо. Он уже дотрагивался до всех этих прелестей. Ласкал каждый дюйм моей кожи руками и ртом. Он знает меня лучше, чем кто-либо другой на этой земле.

И все же он совсем не знает меня.

От осознания этого я едва не падаю на колени.

— Ты чертовски великолепна, — выдыхает он, наклоняясь вперед и упираясь локтями в бедра. — Сними трусики. Медленно.

О, он получает от этого удовольствие, и я тоже. Моя кожа словно горит, когда засовываю указательные пальцы с обеих сторон своего откровенного нижнего белья и начинаю спускать его вниз. Сначала тяну одну сторону, оголяя бедро, затем еще чуть-чуть ниже, прежде чем сделать то же самое с другой стороны. Мои лобковые волосы выглядывают из-под резинки трусиков, и меня опять охватывает паника.

Что, если ему нравится, когда женщина полностью выбрита, эпилирована воском, и все в таком духе? Нужно было раньше спросить. Он видел меня голой бесчисленное количество раз, но абсолютно голая киска... не для меня. На мой взгляд, это своего рода «фу» и требуют постоянного и тщательного ухода, особенно учитывая, что до недавнего времени я не светила ни перед кем своими женскими прелестями, тем более перед парнем.

Но нравятся ли это Гейбу? Он никогда не жаловался, но это еще ни о чем не говорит. Какие у него предпочтения? Полностью эпилированная или с волосами, вот в чем вопрос...

— Ты охренительно сексуальна, Люс. Иисус. — Последнее слово он буквально рычит, выглядя готовым наброситься на меня, и я снова натягиваю трусики, полностью прикрывая себя. Он выпрямляется и проводит рукой по губам. — Ты дразнишься или что?

— Э-э. — Не спрашивай. Не спрашивай. — Итак. — Не делай этого! — Как ты относишься к... лобковым волосам?

Вот дерьмо. Я спросила. Неужели мне настолько комфортно с ним, что из меня вылетают такие идиотские вопросы?

Ага, наверное, так и есть.

Он хмурится.

— А почему ты спрашиваешь?

— Тебе нравятся, когда там волосато или лысовато? — Своего рода забавно, как рифмуются слова (Прим. пер. — в оригинале «hair or bare»), но на самом деле, только это и интересно в данном вопросе. Насколько жалкой я могу быть? И что, если он ответит, что предпочитает без волос? Тогда я пропала.

— Люси, пока это ты, мне все равно, — говорит он со всей искренностью.

От облегчения я почти готова рассмеяться. Гейб всегда знает, что сказать, чтобы успокоить меня. Возбудить меня. Заставить меня почувствовать себя особенной — как будто я действительно ему не безразлична.

— Но что, если я выращиваю там лес?

У него в глазах мелькает изумление.

— Тогда я прорублю тропу, пока не найду то, что ищу.

— О, боже, — выдыхаю я, перед тем как начать смеяться. Парень, которого я хочу больше всего на свете, сидит передо мной совершенно голый, а я стою перед ним, одетая только в кружевной бюстгальтер и трусики, и мы говорим о том, как он прорубает тропу среди моих заросших лобковых волос, дабы получить то, что хочет.

Не то чтобы я выращивала там джунгли. Я подстригаю там. Просто не эпилирую воском...

Я и правда слишком сосредоточена на глупостях. Мне нравится, что мы можем вместе посмеяться. Мне нравится звук его смеха, то, как в уголках его глаз появляются морщинки, то, каким напряженным становится его взгляд, как он смотрит на меня, словно никто другой не важен для него. Только я.

Только я.

Вопрос, какие киски мне нравятся — с волосами или без, — казалось, пришел из ниоткуда, но я имел в виду каждое сказанное слово. Мне плевать, даже если мне придется рубить это дерьмо бензопилой, если это поможет добраться до киски Люси, тогда я сделаю это. Все, что потребуется.

Не важно, что.

Я показываю пальцем, что ей следует двигаться.

— Сними свои трусики, детка. Я жду.

Ее смех угасает, она снова начинает снимать трусики, мучительно медленно, открывая себя постепенно, пока голубое кружево не натягивается на ее пышных бедрах, как бы демонстрируя ее прекрасную киску. Умираю от желания прикоснуться к ней губами, но не могу этого сделать. По крайней мере, пока.

Сначала хочу насладиться зрелищем. Мой член чертовски болит, он болит от желания почувствовать на себе эти сексуальные губы. Он дергается в предвкушении, когда она снова опускается на колени, ее руки на моих ногах, когда она придвигается ближе. Так близко, что я чувствую запах ее ароматной кожи, чувствую, как ее волосы щекочут внутреннюю сторону моих бедер. От ее близости у меня кружится голова. Мне хочется схватить ее. Поцеловать. Сказать что-нибудь глупое, вроде...

Не оставляй меня. Никогда.

— Я хочу твой рот на мне, — говорю я ей.

Ее глаза загораются, когда встречаются с моими.

— Я хочу тебя у себя во рту.

— Да? — Я дотрагиваюсь до ее волос, провожу пальцами по шелковистым прядям и слегка их дергаю. Она знает, чего я хочу. Мы играли в эту игру достаточно долго, и, хотя прошло уже много времени с тех пор, как мы были вместе, я знаю, она помнит, что мне нравится.

А я, черт возьми, хорошо помню, что нравится ей.

Она наклоняется вперед и прижимается губами к внутренней стороне моего левого бедра, целуя меня там. На мгновение закрываю глаза, не желая ничего пропустить, но это было охренительно приятно. Чрезвычайно восхитительно.

Сделав глубокий вдох, считаю до десяти. Мне нужно успокоиться, пока я не кончил слишком быстро и не испортил все.

Люси целует чувствительную кожу чуть ниже моего живота, прослеживает языком дорожку волос, ведущую к моему члену. Я шиплю на выдохе, когда ее рот слегка задевает его, и когда она высовывает язык, чтобы лизнуть самый кончик, время, кажется, останавливается.

Все, что я могу, — это смотреть. Сжимая пальцы в ее волосах, убирая их от лица, чтобы лучше видеть. Черт, обожаю смотреть. Она втягивает мой член в рот, только кончик. Посасывает его. Дразнит языком разбухшую головку, и, когда она берет меня полностью, так глубоко, насколько может, ее рот широко открывается. Внутри меня все замирает, пока продолжаю смотреть, загипнотизированный легким ритмом ее ласк, тем, как над моим членом подпрыгивает вверх и вниз ее голова.

Черт. Я кончу и быстро, если она будет продолжать в том же духе. Она набрасывается

на меня, медленно и уверенно увеличивая скорость с каждым заглатыванием. Я приподнимаю бедра и чуть ли не кричу от счастья, когда она тянется к моим яйцам и ласкает их. Едва ли кто-то прикасается к ним, в прошлом, когда редко кто из девушек это и делал, то обращались с ними как с хрупкими маленькими цветами.

Я не против грубой хватки. Черт, вот почему это еще называют и мужской хваткой — потому что мы изобрели это дерьмо (Прим. пер. — в оригинале *manhandling*). Так что Люси может трогать мои яйца сколько угодно. Мне приятно, когда она касается любой части моего тела. Я не хочу, чтобы она стеснялась.

Хочу, чтобы она была смелой. Хочу, чтобы она была раскрепощенной. Хочу, чтобы она была настолько возбужденной, что не сможет не прикасаться ко мне всеми возможными способами.

Она сжимает и любит. Гладит и ласкает, дразня место сразу за мошонкой, чем заставляет меня напрячься. И, стоит Люси опустить руку с моих яиц, я немедленно протестую:

— Нет.

Она откидывается назад, глядя на меня широко раскрытыми глазами и с блестящими губами. Чтоб меня, когда-нибудь она станет моей погибелью, я просто знаю это. Может, это происходит прямо сейчас, а я даже не понимаю.

— Что нет?

— Мать твою, не останавливайся, — шепчу я хриплым голосом, когда она втягивает мой член в рот так глубоко, как только может. Клянусь, я задеваю заднюю стенку ее горла, и она издает этот легкий рвотный звук. Последнее, чего мне хочется, хотя, святое дерьмо, все это влажное, горячее тепло, плотно обернутое вокруг моего члена, кажется чертовски нереальным. — Расслабь горло, детка. Да, именно так. Именно так...

Люси делает, как я прошу, выглядя такой красивой, одетая только в этот лифчик и ничего больше, и волосами, струящимися роскошными волнами по плечам. У ее кожи тот розовый румянец, который появляется, когда она возбуждена, ее соски упираются в кружево лифчика. Ее груди плотно прижаты друг к другу благодаря бюстгальтеру, демонстрируя офигительное декольте. Ложбинку, которую мне хочется потрогать и поцеловать...

— Я хочу кончить на твои сиськи, — заявляю я, звуча как грубый мудака, но ничего не могу с собой поделать. Находясь рядом с Люси, я хочу относиться к ней с уважением, но и в то же время хочу, чтобы она была не против осуществить все мои грязные фантазии. И она всегда согласна на все, что, честно, пугает меня до чертиков.

Знать, что она готова дать мне все, что захочу, сделает все, что попрошу, — это чертовски пьянящая штука. То, что мы так совместимы и химия между нами всегда просто запредельная, только делает все намного лучше.

Между мной и Люси все отлично. Чертовски отлично. Не могу не задаться вопросом, если это почти слишком хорошо...

Она вытаскивает мой член изо рта, и он блестит от ее слюны.

Че-е-ерт!

Я крепко зажмуриваюсь, считаю до двадцати и снова открываю глаза.

— Вытащи меня из своего ротика, Люс.

Она делает, как я прошу, ее пальцы обхватывают основание моего члена, облизав кончик один раз. Два раза.

— Вот и все, давай закончим твоё шоу, — подбадриваю я, в спине уже начинает

знакомо покалывать, когда смотрю, как она облизывает и сосет мой член, словно это ее любимое мороженое, и сегодня — самый жаркий день лета. Ее язык обводит вены вдоль моего ствола, пальцы крепко обхватывают основание, когда она начинает скользить ими вверх и вниз, я откидываю голову назад и закрываю глаза, борясь с подступающим оргазмом.

Но это бесполезно. Он накатывает на меня, его уже не избежать. Я стону ее имя, мои глаза почти закатываются назад, когда она начинает дронить мне сильнее. Быстрее. Она наклоняется ближе, облизывает крошечное отверстие в кончике, засовывает туда язык, играет с ним, и проклятье...

Я кончаю.

Она отклоняется, как только моя сперма выстреливает, попадая на ее грудь и стекая по коже и кружевному бюстгалтеру. Я снова и снова стону, пока мое тело сотрясается от оргазма, а живот сводит от судорог, когда последняя капля выстреливает из меня. У меня такое ощущение, что в какой-то момент мое тело может растечься лужицей.

Должен признать, моя девушка знает, как сделать самый потрясающий минет.

Глядя вниз на себя, она проводит указательным пальцем по сперме, покрывающей ее грудь, и подносит палец ко рту, облизывая его досуха. И просто не могу в это поверить, но мой член опять дергается, как будто у него есть своя собственная жизнь.

Я трахну ее прямо сейчас, если она позволит. Я буду трахать ее всю оставшуюся жизнь, если она скажет «да».

Безумная, невероятная мысль, но, тем не менее, правдивая. Я принадлежу ей. Она держит меня в своих руках, сжимая все крепче, чуть ли не удушая, но я хочу такой боли. Если это означает, что Люси останется со мной, и я сделаю ее своей, тогда, черт возьми, да, я буду наслаждаться этой маленькой болью, зная, что она моя навсегда и во веки веков.

Провожу рукой по лицу, прежде чем взять ее за руку, чтобы мы оба могли встать. Клянусь богом, чем больше времени провожу с ней, тем больше хочу подарить ей луну, звезды и все, что между ними.

— Итак. Это удовлетворяло твоим потребностям? — сладко спрашивает она, ее голос наполняет мои вены так, что кажется, словно я, черт возьми, живу и дышу ею всем своим существом.

— Охренительно круто, — это все, что я могу сказать, прежде чем притянуть ее ближе и поцеловать в губы. Жестко. Я заявляю права на ее рот, и, если она захочет, я также потребую и ее душу. Эта девушка... она моя. Она все для меня.

Но, черт возьми, даже пока не догадывается об этом.

Глава 23

Гейб

Я подминаю Люси под себя по центру кровати, мои бедра удерживают ее на месте, пока тянусь к ее рукам. Подняв их над ее головой, переплетаю наши пальцы вместе, наслаждаясь ощущением ее рук, так крепко сжатых в моих. Она выгибает спину, выглядя в этой позе такой охренительно прекрасной, что мне приходится оторваться от нее, чтобы с упоением насладиться ее красотой. Вся эта неприкрытая, обнаженная кожа, выставленная напоказ только для меня, за исключением ее...

— Чертов лифчик, — бормочу я, качая головой. — Забыл его снять.

Она тихо смеется:

— Я могу сделать это вместо тебя.

— Нет. Останься в нем. Может, так будет даже интереснее. — Всего несколько секунд назад я помог Люси вытереть сперму с ее кожи. Я не могу просить ее сделать для меня что-то еще. И определенно не хочу чувствовать, будто воспользовался ею.

— Хорошо. — Она раздвигает ноги, и я прижимаюсь к ней, все еще держа ее руки в своих. Мне нужен презерватив. Я чист, но Люси заслуживает знать, что она в безопасности. Если бы мог, трахнул бы ее без защиты, и чертовски уверен, это было бы потрясающе, но не знаю, согласилась бы она на это.

— Ты такая красивая, Люс. — Наклоняюсь и неторопливо целую ее, языком пробуя ее вкус. — Я скучал по тебе.

Ее взгляд мрачнеет, и на мгновение она отводит его от меня.

— Я... я тоже скучала по тебе.

Меня охватывает триумф, но пытаюсь подавить его.

— Значит, мы много времени потеряли зря.

Она снова улыбается, ее взгляд возвращается ко мне.

— Похоже, что да.

— Тогда нам стоит это исправить. Будем заниматься сексом как можно чаще, чтобы наверстать упущенное время.

Немного смещаю бедра, приподнимаюсь, чтобы обхватить основание члена и медленно ввести его в ее тело. Она охотно принимает меня, ее ноги раздвигаются шире, нижняя часть тела выгибается, чтобы впустить меня. Наконец я полностью прижимаюсь к ней, мы сплетены в стандартной миссионерской позе, хотя в этом моменте нет ничего скучного или стандартного. И практически вибрирую от возбуждения от того, что снова оказался в ней.

Она смотрит мне в глаза.

— Отпусти мои руки, — шепчет она.

— Может быть, ты мне нравишься вот такой. — Так и есть. Это заводит, держать ее вот так, утверждать свою власть над ней. Не то чтобы когда-либо злоупотреблял этой властью, но мне нравится знать, что я все контролирую, а она — позволяет мне контролировать. То, что она настолько мне доверяет — это пипец какая честь, клянусь богом.

— Я в этом и не сомневаюсь. — Она пытается вырваться из моей хватки, на ее выразительном лице написано разочарование. — Но так я не смогу прикасаться к тебе.

Тут же освобождаю ее, разжав пальцы на запястьях, и она торжествующе улыбается и опускает руки сначала мне на плечи, потом обхватывает меня и начинает гладить вверх и вниз мою спину. Снова и снова, ее прикосновения становятся мягче, с каждым движением пальцев успокаивая меня.

Признаюсь, когда она так до меня дотрагивается, я прям умираю. Как будто она хочет забрать всю мою боль, чтобы все проблемы исчезли, и стало легче. И чтобы дни стали ярче. Но это же Люси. Не важно, кто я и что делаю, когда она со мной. Она не обращает внимания на внешний блеск и прочую чушь. Может быть, это из-за того, что она сама из богатой семьи, поэтому для нее это не имеет большого значения. Но, клянусь гребаным богом, мне кажется, что она видит меня настоящего и все равно хочет остаться со мной.

И это означает, друг мой, что ты по уши в дерьме.

— Ты ощущаешь так хорошо, — шепчет она тем сексуальным, хриплым голосом, который использует только тогда, когда я глубоко погружаюсь в нее. Никогда в другое время, только когда мы вот так вдвоем. Как единое целое. Когда мой член в ее киске, кожа к коже, и наши сердца бьются в унисон. Я двигаю бедрами, углубляя свое проникновение, и

Люси с самым сладким стоном, который когда-либо слышал, закрывает глаза.

— Детка, я могу заниматься этим всю ночь, — говорю я ей, она неистово кивает, отчего ее волосы рассыпаются по моей подушке темным, волнистым облаком вокруг ее очень красивого личика.

Наклоняюсь и целую эти неотразимые губы, проникая между ними языком. Она легко открывается мне, язык встречается с моим, и я медленно начинаю двигаться. Внутрь и обратно, бархатные объятия ее внутренних стенок так хороши. Охренительно хороши. Я обливаюсь потом. Мозг пуст, в нем нет ничего, кроме честолюбивого намерения заставить ее кончить.

Сильно.

— О, Люс, — выдыхаю я, когда она обхватывает своими сексуальными ногами мою талию, подталкивая глубже в себя. Она цепляется за меня, сжимая руки вокруг моей шеи. Она держится изо всех сил, прильнув ко мне, пока я ускоряю движения, трахая ее. Внутрь. Обратно. Погружаясь в жар ее гостеприимного тела. Снова и снова, и снова.

— Гейб... — Ее голос — едва слышный шепот, я наклоняюсь и целую ее щеку, подбородок, шею, рот. Она откидывает голову назад, и я протягиваю руку между нами, лаская ее грудь, проводя пальцем по краю лифчика, по ложбинке между грудями, прежде чем наклонить голову и поцеловать ее там, проводя языком по узкой впадинке между грудями. Она восхитительна на вкус.

Она потрясающая.

Никогда не хотел девушку сильнее, никогда не чувствовал потребности быть с девушкой снова, как с Люси. Быть с ней вот так... что-то значит. Что именно, точно не знаю.

Моим чувствам нет предела. Не могу думать. Не могу сосредоточиться ни на чем, кроме нее. И себя. И нас вместе. Наконец-то. О чем я мечтал с тех пор, как увидел ее на лекции. Черт, да с тех пор, как расстался с ней в Санта-Барбаре. Теперь, когда она подо мной, мой член внутри нее, и наши тела соединены, все прежние сожаления, что я оставил ее, исчезают в одно мгновение.

— Детка. — Остановившись, провожу рукой вниз по ее животу, по волоскам на лобке, к клитору, касаясь его большим пальцем и заставляя ее задыхаться. — Я хочу, чтобы ты кончила.

— Н-не останавливайся, — выдыхает она, и кажется, как и я, не в состоянии справиться с чувствами. Снова дотрагиваюсь до ее клитора, на этот раз сильнее. — Да. Боже, именно так.

Я снова начинаю двигаться в ней, мой контроль ускользает, но мне все равно. Я двигаюсь быстрее, погружаясь глубже, так глубоко, как только могу, и чувствую, как она вздрагивает вокруг моего члена. Ее киска такая влажная, клитор набух, а бедра плотно сжимаются вокруг моих бедер. Мы двигаемся так быстро, что мое дыхание учащается, грудь болит, яйца подтягиваются к телу. Не верится, что вот-вот снова кончу, и так скоро. Надеюсь, она близко. Боже, надеюсь, что она кончит раньше меня, потому что больше не могу сдерживаться...

— О-о... — Мягкий, чудесный звук срывается с ее губ как раз перед тем, как я чувствую, как ее киска крепко сжимает мой член, снова и снова. Она стонет, уткнувшись лицом мне в плечо, и мой палец скользит по ее клитору. Я тянусь к ее бедрам и крепко держу, когда начинаю жестко входить, потому что хочу почувствовать. Почувствовать свой оргазм, в то время как она тоже кончает. Я хочу, чтобы она отправила меня через край, и я мог

присоединиться к ней.

Удивительно, но от моего освобождения я в такой эйфории, что даже начинаю стонать. Я кончаю в нее, от ощущения ее горячих стенок, сжимающихся вокруг моего члена, полностью теряю самообладание. Несколько долгих, затянувшихся минут мы оба содрогаемся и дрожим, пока, наконец, не падаю на нее сверху, уперев руки по обе стороны ее головы, чтобы не придавить Люси своим весом.

— Гейб. — Она снова гладит меня по спине, и от этого нежного прикосновения по мне пробегает еще одна легкая дрожь. — Кажется... мы не предохранялись.

Я поднимаю голову и смотрю на нее, сильно хмурясь, пытаюсь сосредоточиться. Без презерватива? Клянусь, он был. Мне казалось, что я взял один, положил его на тумбочку и...

Мой взгляд останавливается на резинке, все еще в обертке, лежащей на прикроватном столике, как я и помнил. Может, я и подумал о презервативе, но использовал ли я эту чертову штуку?

Проклятье. Нет.

Люси

— Эй. — Я касаюсь его щеки, заставляя посмотреть на меня сверху вниз. Он все еще во мне, я чувствую, как он быстро смягчается, и мне интересно, не связано ли это с тем, что он только что понял, что мы не использовали защиту. — Все нормально. Я чиста.

Гейб резко выдыхает и опускает голову, его волосы падают вперед. Поднимаю руку, чтобы убрать их с его лица, наслаждаясь тем, как мягкие пряди прилипают к моим пальцам.

— Я-я совсем забыл, Люс. А я никогда не забываю.

— Все хорошо. Правда. Как ты, хм, знаешь, я никогда не была ни с кем другим. — На сей раз, это хорошо, ведь так? По крайней мере, я не заразна.

Он закрывает глаза и качает головой.

— Я никогда не забывал про презерватив.

— Тогда все в порядке, — настаиваю я, стараясь говорить как можно спокойнее. Он ощущался так удивительно внутри меня, без каких-либо барьеров между нами. Я могла бы привыкнуть к этому очень быстро.

Он открывает глаза, его ярко-голубые глаза встречаются с моими.

— Но ты можешь забеременеть.

О. Дерьмо. Я даже не подумала об этом, а ведь первое, о чем должна бы была волноваться, — это как не забеременеть. Это всегда было моим самым большим страхом, худшим страхом моей мамы, и теперь, возможно, он сбудется. Тем не менее, у меня совершенно вылетело из головы, что такое может случиться.

Я определенно лишилась рассудка.

— У меня недавно были месячные, — успокаиваю я его. Неделю назад? Две недели? Если они были две недели назад, это опасно. Одну неделю — все будет в порядке.

Надеюсь.

Боже, не знаю. Я не новичок в таких вещах, но никогда не обращала особого внимания на свой цикл, а только раздражалась, когда они начинались в неподходящее время. То есть почти каждый раз. У меня довольно регулярные месячные. У меня обычные нормальные месячные. Сейчас нет таких сильных спазмов, как в детстве. И раньше, когда мы с Гейбом занимались сексом, мы всегда пользовались презервативом. Я чувствовала себя в

безопасности. И все еще чувствую себя в безопасности.

Наверное, это глупо и наивно, но ничего не могу поделать с собой. Я думаю, нам ничего не грозит. Если достаточно сильно в это верить, это станет правдой, верно?

О, мой бог. Мне что, десять лет?

— У нас все будет хорошо. Я совершенно уверена, что сейчас у меня нет овуляции, — подбадриваю я его, когда он все еще молчит. Так почему же это мне надо быть уверенной, что с ним все в порядке? Если я залетела, то толстой, беременной и несчастной будет не он, а я. Потому что, если забеременею, то аборт делать не стану. Это противоречит моим убеждениям. Я никого не осуждаю, так как считаю, что у женщины есть выбор, и я бы предпочла иметь этого ребенка.

Однозначно.

Плечи Гейба опускаются с видимым облегчением.

— Хорошо. Это ведь хорошо, верно?

— Да. Безусловно хорошо. — Я киваю, чертовски надеюсь, что это означает — нам ничего не грозит. Мы должны быть в безопасности. Я не готова к ребенку, а уж Гейб и подавно. Я даже не уверена, что он готов к обязательствам, не говоря уже о долбаном ребенке. — У нас все хорошо. — Я снова провожу пальцами по его волосам и поднимаю голову, надеюсь, что он поймет мой намек.

И он понимает, легко целуя, его влажные губы такие теплые и мягкие, что я плавлюсь изнутри. Я вздыхаю, когда он отстраняется и выходит из моего тела, перекачивается на бок, обхватив меня и прижав к себе. Теплая жидкость вытекает из меня, я напрягаюсь, осознание того, что только что произошло, ударяет меня в полную силу.

Гейб кончил в меня. А я, глупая, даже не заметила, что он забыл надеть презерватив. Как я могла быть настолько безответственной? Наверное, была под влиянием момента, старейшее оправдание в мире. Если бы об этом узнала мама, она бы отвесила мне хороший подзатыльник и назвала тупицей.

А она ни разу в жизни не называла меня тупицей. Никогда. В моем доме это слово было ругательством, всегда. У меня бывали неприятности, стоило мне произнести его. Мама довольно быстро избавила меня от этой привычки.

— Прости, — шепчет он мне в лоб, губами касаясь моей кожи. Он держит меня за талию, распластав большую ладонь по моей спине. То, как он обнимает меня, успокаивает, но мысли — в полном смятении. — Я облажался, мне жаль.

— Все будет хорошо, — говорю я ему, гадая, кого пытаюсь успокоить больше, его или себя. — Я тоже не должна была забывать. Мы оба ответственные, так что не вини только себя.

Он на мгновение замолкает, став таким тихим и неподвижным, что начинаю гадать, не заснул ли он, но тут снова слышу его голос:

— Я слишком увлекся.

— Слишком увлекся чем? — Провожу пальцами по его груди, касаясь светлой поросли, растущей между его грудными мышцами. У него самое потрясающее мужское тело, которое когда-либо видела. Несмотря на мое беспокойство, несмотря на мое разочарование из-за того, что только что произошло, меня все еще тянет к нему, я не могу перестать касаться его тела. Я хочу и дальше прикасаться к нему. Я позволю ему делать со мной все, что он захочет, несмотря на наш грандиозный провал.

Как прежде и думала, у меня большая проблема. И зовут ее Гейб.

— Я словно растворяюсь в тебе. Каждый раз, когда мы вместе. — Он отодвигается от меня, чтобы посмотреть в глаза. — Похоже, ты — единственное, на чем могу сосредоточиться, когда я с тобой, Люс. Черт, да даже когда я не с тобой, ты занимаешь все мои мысли. Это... странно.

Его слова согревают меня изнутри, но я хмурюсь, желая убедиться, что он не имеет в виду ничего плохого.

— Странно в хорошем смысле или в плохом?

Он усмехается:

— В хорошем. Но и в плохом смысле тоже, раз я не надел чертов презерватив. — Смех прекращается, и мне ненавистно, что он корит себя за это.

— Ничего страшного, — говорю я, кладя руку ему на щеку, чтобы он посмотрел на меня. Я лгу. Это очень серьезно, но что я могу сказать? Что могу сделать? Абсолютно ничего. Что сделано, то сделано. Мы просто должны двигаться дальше и учиться на своих ошибках.

Надеюсь, наши ошибки не аукнутся нам и не укусят нас обоих за задницу.

## Глава 24

### Гейб

— Какого черта мы встречаемся в такую рань? — спрашивает Тристан, пытаюсь скрыть зевок, но безуспешно.

Я усаживаюсь за кухонный стол напротив него и Шепа, они оба выглядят немного потрепанными. Сейчас только восемь часов утра четверга, я написал им обоим вчера вечером, сразу после того, как закрыл казино, сообщив, что мы должны встретиться у меня дома, а в качестве стимула я обеспечу их пончиками из нашей любимой пекарни. Они думают, что это по работе. Бизнес идет не очень хорошо. Видимо, новизна игорного дома недалеко от кампуса отчасти утратила свой блеск. Новые студенты, которые приходят, кажется, не очень заинтересованы. Наши же завсегдатаи, словно кучка старушек, боящихся быть ограбленными, цепляются за свои бумажники, и вместо того, чтобы как обычно открываться по вечерам в воскресенье, мы рассматриваем вероятность быть закрытыми и вечер среды.

Дело плохо. Что забавно? Я ничуть не огорчен.

Так что да. Нам нужно обсудить дела, но для начала мне есть, что еще сказать им. И обещание пончиков привело их сюда, что меня не удивило. Я знаю, как заманить их — через их желудки. Черт, да я и сам такой же. Ну, раньше меня можно было еще и алкоголем соблазнить. О, и обещанием, что очень красивые девушки будут легко доступны.

Хотя Шеп изменил свои привычки. Как и я. Тристан остался единственным, кого интересуют легкодоступные хорошенькие девушки.

И меня это устраивает.

— Во-первых, мне нужно кое-что сказать вам обоим, это... личное. — Я борюсь с желанием сделать глоток из своей кофейной кружки. Я уже выпил две еще до их прихода. Мне действительно больше не нужно. Я и так достаточно дерганый.

Шеп и Тристан некоторое время смотрят друг на друга, а потом поворачиваются ко мне с озабоченным выражением на лицах.

— Ты в порядке, мужик? — спрашивает Шеп, нахмурившись.

— Ты же не собираешься свалить от нас из казино, правда? — вклинивается Тристан.

От удивления я выпрямляюсь.

— Ни в коем случае. С чего вы взяли?

Тристан пожимает плечами.

— До сих пор дела шли не очень хорошо. Я бы не стал винить тебя, если бы ты захотел свалить.

Я в шоке. Тристан хочет покончить с этим?

— Вообще-то казино здесь, в моем доме. Я бы не поступил так с вами, парни.

— Мы знаем, — говорит Шеп, многозначительно глядя на Тристана. Мы оба обеспокоены состоянием дел. На данный момент это не так прибыльно, но мы не должны сдаваться.

— Полностью согласен, — решительно заявляю я. — Но также считаю, что нам стоит быть открытыми только три ночи в неделю. — Проклятье, я хотел, чтобы эта тема разговора была последней. Я чертовски нервничаю, и потребность выложить то, о чем действительно хочу поведать, просто вертится у меня на языке.

— Отлично, — говорит Тристан с видимым облегчением. — В последнее время здесь так много всего изменилось, Шеп совсем потерял голову из-за Джейд, а ты строишь глазки Люси.

Мой желудок сжимается. Вот и повод сменить тему разговора.

— Это как раз то, о чем еще я хотел с вами поговорить.

Они оба снова смотрят на меня так, словно я сошел с ума.

Хватаю салфетку и начинаю рвать ее на мелкие кусочки. Все, что угодно, лишь бы держать свои беспокойные пальцы под контролем.

— Я влюблен в Люси.

Тристан закатывает глаза и тянется к розовой коробке, открывая крышку и вытаскивая шоколадку.

— Ну, конечно же. Клянусь, я до смерти боюсь пить проклятую воду. Похоже, эта влюбленность заразна.

— Это не так уж плохо, Тристан. Ты встречаешь правильную девушку, и вдруг она меняет весь твой мир. Она становится всем твоим миром. — Шеп совершенно точно описал мои чувства. — И я не удивлен, — произносит он, словно иссохшийся старец, каким и является в отношении любви. — То, как ты вел себя с ней последние несколько недель, и то, как она смотрит на тебя. Ты ее обожаешь, бро, и, кажется, она чувствует то же самое. Я рад за тебя.

Неужели Люси влюблена в меня? Она по-прежнему неохотно говорит о чем-то личном и о своем прошлом. За последнее время она поделилась со мной еще несколькими интересными деталями, но ничем важным. Как будто она намеренно что-то скрывает от меня, и мне это не нравится.

— Но это еще не все. — Снова делаю паузу, втайне наслаждаясь высоким драматизмом момента, когда они оба выжидающе смотрят на меня. — Возможно, она... беременна.

Такое впечатление, что последними словами я словно бросил бомбу в комнату. Я не говорил этого вслух с той ночи. Последствия ее заставляют меня содрогнуться.

Снова.

Тристан чуть не выплевывает кусок пончика, который у него во рту.

— Ты что, издеваешься? — Брызжет он слюной.

Медленно качаю головой.

— Если бы.

Шеп наклоняет голову, разглядывая меня.

— Что случилось?

С той роковой ночи прошло две недели, и с тех пор мы с Люси были вместе почти каждую ночь, если только она не работала — и это по-прежнему сводит меня с ума, хотя, когда я спрашиваю ее, почему именно она должна работать, она выдает мне какое-то дурацкое оправдание о том, что ей нравится зарабатывать свои собственные деньги.

Как бы то ни было, все зашло слишком далеко. Проводить столько времени с одной девушкой — для меня это какое-то чудо. Но это потрясающе, несмотря на то, что я постоянно гадаю, не скрывает ли она что-то. А еще тревожно, потому что мысли о том, что мы сделали и что может произойти, все время крутятся у меня в голове. И вполне уверен, что не только я беспокоюсь. Мне кажется, что Люси тоже переживает.

Черт, я точно знаю, что она переживает.

Вкратце рассказываю им, что произошло, как забыл воспользоваться презервативом. Больше такого не случилось, но не могу отделаться от мысли, что уже слишком поздно. Что она каким-то образом беременна моим ребенком и всю оставшуюся жизнь я должен буду заботиться о ней. Такие вещи должны чертовски пугать меня. Подтолкнуть меня сбежать.

Так почему же идея заботиться о Люси и нашем ребенке до конца жизни не кажется мне такой уж ужасной? Почему я испытываю искушение поступить правильно и быть рядом с ней, несмотря ни на что, независимо от того, беременна она или нет. Даже задумываться о таком — полное безумие, но я готов сделать предложение.

Наверное, мне нужно, чтобы кто-то отговорил меня. Вот почему я изливаю душу Шепу и Тристану. Я нуждаюсь в логических рассуждениях, хотя эти придурки не всегда самые рассудительные люди, которых я знаю. Мне нужно, чтобы два моих лучших друга помогли понять, что мне делать.

Они — все, что у меня есть. Они — единственные, кто меня понимают.

— То есть, ты даже не знаешь, беременна ли она? — Тристан с облегчением откидывается на спинку стула. — Я думал, это уже точно. Ты меня до смерти напугал.

— Шанс есть, дружище. Я серьезно. Возможно, она... беременна. — Мысль о рождении ребенка в этом мире пугает меня до чертиков. А что еще хуже? Мои родители будут в бешенстве. Они до мельчайших подробностей распланировали мою жизнь после окончания колледжа. Это сорвет их планы самым неожиданным образом.

Они будут чертовски злы, и я ничего не могу с этим поделать. И честно говоря? Крошечная часть меня наслаждается идеей такого отъявленного бунта. Получите, мама и папа.

Вот вам!

— Почему ты думаешь, что она беременна? — Любопытствует Шеп. Безумие, что он стал голосом разума, учитывая, что когда-то из нас троих он был самым неуправляемым, но с тех пор, как сошелся с Джейд, он действительно повзрослел. Я благодарен за его понимание. К тому же он чертовски логичен, что мне сейчас и нужно.

— Мне трудно это объяснить. — В последнее время было так много маленьких подсказок, говорящих мне, что она беременна.

Ее грудь кажется более полной, если это вообще возможно, и когда прошлой ночью я сосал ее соски, они казались очень чувствительными. А еще прошлой ночью я делал ей куни, и ее киска... она была другой на вкус. Не в плохом смысле. Просто... другой. Уже то, что

замечаю такое — абсолютное сумасшествие.

Такое рассказать я не могу. Это личное. И скорее всего они подумают, что я сошел с ума.

— Она что, выблевывает свои кишки? — спрашивает Тристан.

— Нет, но она жаловалась на головные боли, — отзываюсь я.

— Хм. — Шеп тянется к розовой коробке за вторым пончиком и выбирает яблочный, свой любимый. — Что ты будешь делать, если она беременна?

— Поступлю правильно, — машинально отвечаю я.

— И это... — Шеп позволяет своему голосу дрейфовать, ожидая моего ответа.

— Помогать ей. Возьму на себя полную ответственность за ребенка. Возможно, попрошу Люси выйти за меня замуж. — То, что я произношу эти слова так спокойно, в то время как внутри все бушует, говорит о многом.

— А твои родители? — интересуется Тристан.

Закрываю глаза и на долгое, мучительное мгновение надавливаю ладонями на них. Именно этого дерьма я и боюсь. Уверен, они выйдут из себя и будут доказывать, что я разрушил свою жизнь. Я прям слышу, как они это говорят, и с этим не поспоришь.

— Наверное, отрекутся от меня, — бормочу я.

— А как отнесется к этому Люси? — спрашивает Шеп.

— Наверное, ей будет все равно. У нее тоже есть деньги, — говорю я, убирая руки от лица. — Я только что получил деньги из трастового фонда, оставленные мне в наследство. — От моего деда, который всегда заботился обо мне и любил меня гораздо больше, чем люди, называющиеся моими родителями. Я очень скучаю по этому старику, он умер, когда мне было десять.

— Слушай, на мой взгляд, ты слишком остро реагируешь, — заявляет Тристан, толкая плечом Шепу, когда тот склоняется над столом, пристально глядя на меня. — Ты даже не знаешь, беременна ли она, а уже готовишься к худшему из возможных сценариев. Мне кажется, тебе стоит перестать париться и просто посмотреть, что произойдет.

В его устах это звучит так просто. Но, это не так. Мне бы этого хотелось, но все совсем не так.

— Ты что, не понимаешь? Мне нужно быть готовым к самому плохому сценарию.

— А как насчет аборта? — предлагает Тристан.

Мысль о том, чтобы сделать такое с ребенком, которого мы с Люси зачали...

— Нет. Я не смогу.

— А что, если она сама захочет?

— Это ее тело, так что она имеет право сделать этот выбор, но я чертовски надеюсь, что она не пойдет на это, — горячо возражаю я.

— Так зачем же ты вытащил сюда наши задницы? Просто чтобы поведать нам, что ты до смерти боишься, что твоя девушка залетела от тебя? — спрашивает Тристан.

— Да, просто... мне нужно было услышать от вас, парни, что все будет хорошо. — Черт, я весь на нервах, и мне больше не с кем поговорить. Люси рассказать все это я не могу, потому что это может ее разозлить или, что еще хуже, задеть ее чувства.

А она последний человек, которого я хочу обидеть.

— Если бы такое случилось со мной, я бы сошел с ума, — тихо говорит Тристан. — Так что мы с тобой.

То, что Тристан фактически позволил взглянуть на его чувства, очень важно. Этот

парень никогда ничего не воспринимает всерьез. Зато всегда ворчун и заноза в заднице. Добрый и чуткий Тристан проявляется редко, поэтому я ценю его слова.

— Спасибо, приятель, — благодарю я.

Мне даже не нужен совет, не обязательно. Только, чтобы друзья сказали, что я переживу это. Что да, вероятно, я слишком остро реагирую, и, хотя меня бесило, что Тристан озвучил это, скорее всего он прав. Доказательств пока нет. Завтра у Люси могут начаться месячные, и это будет забавная история, над которой спустя несколько лет мы будем смеяться.

Помнишь те две недели, когда я думал, что от меня могла залететь девушка? Чертовски уморительно!

Хотя, не особенно. Сомневаюсь, что и через несколько лет буду считать это забавным.

— Что бы ни случилось, мы поможем тебе, — говорит Шеп, и его слова, выражение лица, все в нем совершенно искренние. — Не парься. Сейчас ты ничего не можешь сделать. Она либо беременна, либо нет.

— Я бы предпочел второй вариант, — признаюсь я.

— Понятное дело, — бросает Тристан. — Я бы тоже предпочел его.

— И я, — соглашается Шеп.

Мы молчим так почти час, все трое погруженные в свои мысли, поглощая пончики, пока коробка не пустеет, и лишь изредка бормоча несколько слов то тут, то там. Мой разум слишком переполнен всевозможными сценариями, чтобы сосредоточиться на чем-то еще.

Не могу определиться, радоваться мне или грустить из-за возможного исхода. Мне начинает казаться, что до конца жизни я буду в полной жопе.

И ничего не могу с этим поделать.

## Глава 24.2

### Люси

— Люси? Это ты?

Замираю, услышав знакомый голос, страх скользит по моей спине, я закрываю глаза, делаю глубокий вдох и готовлюсь быстро придумать ложь.

Но как я могу обойти тот факт, что стою в очереди на встречу с моим консультантом по финансовой помощи? В моей голове совершенно пусто. Тут уж ничего не поделаешь.

Медленно поворачиваюсь и вижу, что за моей спиной стоит гребаная Джейд, ее глаза широко раскрыты, рот сложен в эту маленькую идеальную букву «О». Ее яркие волосы заплетены в длинную толстую косу, и на ней нет макияжа, так что все, что я вижу, — это лицо, полное веснушек. Она восхитительна. Себя же я не чувствую такой. Скорее, чувствую себя загнанной.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает она.

Я улыбаюсь ей, но ничего не говорю. А что я могу ответить? Не могу же сказать ей правду. Она побежит и расскажет Шепу, а тот расскажет Гейбу, и Гейб разозлится на меня за то, что все это время я скрывала ее от него. Я скрывала от него почти все, и от этого у меня на душе кошки скребут. Мое вранье, как ни крути, вранье. Ложь. Большая, жирная ложь. Гейб же был честен со мной с самого начала.

Завидев именно меня, все начинают петь: «Врунишка, врунишка, горящие штанишки».

Джейд прочищает горло, ее губы на мгновение сжимаются, как будто она не хочет говорить то, что собирается сказать. Я морально готовлюсь.

— Послушай, я понимаю, что мы еще не так близки — и не хочу вмешиваться в твои дела, но мне показалось, что ты из богатой семьи или что-то в этом роде? По крайней мере, так мне сказали Гейб и Шеп.

Я по-прежнему молчу, в голове у меня все перемешалось. Понятия не имею, как ответить.

— Итак. — Она прочищает горло. — Что ты делаешь в очереди за финансовой помощью? Тебе нужна помощь? У тебя назначена встреча?

Дама у окна приглашает следующего, и я, так ничего и не сказав Джейд, отхожу и подхожу к окну, сообщая женщине свое имя и что у меня назначена встреча на десять часов. Она просматривает свое расписание, проверяет меня, и я удаляюсь от окна, чтобы подождать, пока меня позвуют.

У меня нет сил стоять спокойно. Я, черт возьми, расхаживаю взад и вперед, наблюдая, как Джейд следующая разговаривает с женщиной, говоря, что у нее тоже назначена встреча на десять часов.

Каковы были шансы, что мы встретимся здесь? Клянусь, мне просто катастрофически не везет. Или, может, у меня просто очень плохая карма. Должно быть, я что-то кому-то сделала в другой жизни и теперь расплачиваюсь за это. Уже несколько недель мои дела — полный отстой.

И теперешняя ситуация всего лишь вишенка на моем дерьмовом торте.

Джейд подходит ко мне сразу же после регистрации на прием. Она держит руки перед собой.

— Тебе не нужно ничего объяснять, — говорит она. — Это абсолютно не мое дело. Я просто подумала... ну, я предположила, что ты богата, как и ребята.

Я хмурюсь.

— Ребята?

— Шеп, Гейб и Тристан. Все трое чертовски богаты, и когда Гейб сказал нам, что познакомился с тобой летом в Санта-Барбаре, что ты его соседка... — Она пожимает плечами. — Я автоматически это предположила. Как и все остальные, и в первую очередь Гейб.

Потому что я никогда этого не отрицала. Я позволила Гейбу придумать весь этот сценарий для меня, и согласилась с ним. Я — настоящая сволочь. Трусливое дерьмо — а это еще хуже.

— Значит, ты не при деньгах, — констатирует Джейд, когда я все еще молчу.

Я не подтверждаю и не отрицаю:

— Пожалуйста, не говори Гейбу, что видела меня здесь, — прошу я, слова вылетают из меня, когда я тянусь к ее руке и сжимаю ее. — Не хочу, чтобы он узнал это таким образом.

— Таким образом узнал что? — настороженно спрашивает Джейд. Она выглядит нервной и готовой наброситься на меня. Последнее, чего мне хотелось бы. У меня только что появилась подруга, а из-за своего вранья я могу потерять ее.

И винить, кроме самой себя, некого.

— Что я... хм... — В этот самый момент меня вызывают, и я чуть не падаю от облегчения. — Мне нужно идти. Мы можем поговорить позже?

— О, да. Мы определенно поговорим, — предупреждает Джейд высоким, почти навязчивым голосом. — Не думай, что ты так легко отвертишься от меня, дорогуша. Мне нужны подробности.

— Я все тебе объясню, обещаю, — бросаю я через плечо, направляясь к открытой двери и девушке, позвавшей меня. — Я напишу тебе, как только освобожусь.

— Лучше бы тебе сдержать свое слово, — кричит Джейд мне вслед.

Дерьмо. Эта неделя была просто невероятно безумной. И можно только представить, что еще меня ожидает в ближайшие несколько дней. Такое впечатление, что вокруг меня все рухнет, и я не знаю, как это остановить. Я изо всех сил стараюсь сохранять спокойствие и верить, что все будет в порядке, но это так трудно.

Тем более, когда дело касается задержки месячных. В смысле, что такого. Ну, задержка. Ничего страшного, правда? Такое случается постоянно.

Но только не со мной. Мои месячные приходят, словно по расписанию. По ним можно сверять часы. Не помню, чтобы хоть раз они опаздывали. Я не говорила об этом Гейбу, потому что это могло быть просто ложной тревогой. Зачем его накручивать? Пугать? Я справлюсь.

Возможно. С трудом.

Я грешу на то, что в последнее время много нервничала. Вот в чем причина. У меня стало меньше часов в «Хижине», потому что бизнес замедлился, и Барб сожалеет, но я все понимаю. Я упорно ищу работу в кампусе, но пока безуспешно. С деньгами туго, я редко вижу свою соседку по комнате, потому что, если она не работает, то при любой возможности уезжает навестить своего глупого чопорного бойфренда Чеда. Он так богат, что оплачивает ей билеты на самолет, так что, наверное, не стоит ее винить.

А я провожу много времени с Гейбом. Чудесного, веселого, интимного времени, но мне так страшно рассказать ему что-нибудь личное, так как боюсь, что он бросит меня: «О, Гейб, возможно, я беременна... или о, Гейб, прямо сейчас финансовая помощь для меня была бы очень кстати... и давай не будем забывать, что ты считаешь меня какой-то богатой девушкой, у которой деньги растут прямо из ушей».

Мои ложь и страхи настигают меня. Я так глубоко увязла, что не знаю, как теперь сказать ему правду. Он будет злиться на меня из-за... всего этого, и я боюсь.

Боюсь, что он возненавидит меня. Боюсь, что он не захочет услышать правду. Ужасно боюсь, что, узнав правду, он навсегда отвернется от меня. А если окажется, что я беременна его ребенком?

Нельзя этого допустить. Нельзя. Моя юная одинокая мама растила меня в одиночку, она боролась всю мою жизнь — и я не хочу, чтобы история повторилась.

Но, возможно, у меня нет выбора.

Консультант по финансовой помощи милая — ее зовут Джуди, — и мы обсуждаем имеющиеся у меня варианты. Несколько дней назад я получила уведомление по почте, что не получу государственную поддержку для оплаты моего обучения в том объеме, на который рассчитывала, и решила, что произошла какая-то ошибка.

— С вашими документами произошел сбой, — объясняет Джуди, просматривая мое досье. — Так что, они вычтут разницу из вашей очередной запланированной выплаты.

— И сколько они собираются вычесть? — спрашиваю я, нервно ерзая на стуле.

Джуди делает несколько расчетов и затем выпаливает сумму.

Я в шоке.

— Но мне не хватит этой суммы, чтобы заплатить за обучение.

— Может, тогда тебе стоит взять студенческий кредит? — мягко предлагает она.

Я беру у Джуди, чрезмерно любезного консультанта, толстую стопку бумаг, которые

мне нужно будет заполнить, и в оцепенении покидаю ее офис, мой ум спотыкается о цифры и суммы, которые я даже не хочу понимать.

Не то чтобы у меня есть выбор. Помимо всего прочего, видимо, мне придется разбираться, как быть еще и с моей денежной ситуацией. Я никогда не хотела брать студенческий заем, так как мне не нравилась идея его возврата. Начинать свою карьеру с кучей долгов за плечами — не мой идеал о хорошей жизни. Но, чтобы найти хорошо оплачиваемую работу, нужно образование, так что...

Это замкнутый круг, в который, пожалуй, я не совсем готова попасть.

Звонит мой мобильник, я достаю его из кармана, чтобы проверить, кто это. Мама.

Нажимаю красную кнопку и кидаю телефон в рюкзак. Она — самый последний человек, с которым я хочу поговорить. Ничего из того, что скажу ей, не сделает ее счастливой. У меня только плохие новости, и она будет волноваться. Или, что еще хлеще, прочитает мне лекцию, от которой я буду чувствовать себя только хуже.

Нет, спасибо.

Подумываю написать Джейд и попросить ее встретиться со мной позже. Она поймет меня, но могу ли я доверить ей свои секреты? За последние несколько недель мы подружились, и, хотя мне нравилось общаться с ней и Шепом, и особенно ближе узнавать ее, я не уверена. Не представляю, что она может подумать, когда признаюсь во всех своих грехах. Или сделать — например, побежать к Гейбу и все ему рассказать.

Так что она не вариант. Даже если бы мне было легко поделиться с ней всем, она, скорее всего, пошла бы к Шепу и рассказала ему. Так рисковать я не могу. Что мне следует сделать, так это поговорить с Гейбом. Рассказать ему о моих страхах. Рассказать ему всю правду. Чтобы он понял, в каком напряге я нахожусь и как сильно нуждаюсь в нем. Просто быть с ним, сидеть с ним и класть голову ему на плечо — успокаивает меня. Чем больше времени провожу с ним, тем все больше с каждым днем влюбляюсь в него.

До такой степени, что уже не сомневаюсь — я влюблена в него. Делать в точности то, что не хотела делать — это снова про меня.

Можно ли быть еще глупее? Наверное, нет.

Я иду через двор к парковке, когда слышу, как кто-то произносит имя Гейба. Женский, гнусавый голос. Останавливаюсь и наблюдаю, как высокая тощая блондинка с гигантской грудью бежит к парню, которого я считала своим парнем, и бросается на него с такой силой, что тот чуть не падает назад.

Я в таком ужасном ступоре, словно смотрю на крушение поезда и не в силах отвести взгляд от кровопролития.

Она обвивает руками его шею, а он кладет руки ей на бедра. Он отталкивает ее или... нет, похоже, он притягивает ее. О, мой бог. Ну, он и мудака! Меня переполняет гнев, перед глазами красная пелена, и я иду прямо к ним, почти вибрируя от праведной ярости.

— Да как ты смеешь? — Перевожу дух, когда подхожу достаточно близко, чтобы увидеть... ха. Возможно, я ошиблась. Судя по всему, Гейб отталкивает ее от себя, но, может, это только для меня? Его взгляд встречается с моим, и он отскакивает от блондинки, как будто она только что отравила его.

Блондинка поворачивается, ее взгляд пересекается с моим, и в глубине ее глаз не видно ничего, кроме угрожающей мрачной жесткости.

— О, дорогая, только не говори мне, что ты тоже попала на его чары? Ты же понимаешь, что он из тех парней, кто поматросит и бросит.

От того, что она знает даже про принцип «поматросил и бросил», у меня кровь стынет в жилах. Эта девушка знает Гейба — может, даже так же близко, как и я.

И это осознание разбивает мне сердце.

— Люс. — Выражение его лица говорит само за себя. Гейб умоляюще смотрит на меня, прося без слов, чтобы я верила в него, что бы ни случилось. Он практически отпихивает блондинку со своего пути и делает шаг ко мне. — Я скучал по тебе.

Я вас умоляю. Мы были вместе, так как я осталась ночевать у него, и это было всего несколько часов назад.

— Но я же только что видела, как ты... — Он прерывает мои слова поцелуем, его рот завладевает моим самым восхитительным, первобытным способом. Я позволяю ему углубить поцелуй, встречаясь своим языком с его. Совсем забыв про все еще стоящую рядом девушку, и что вокруг нас снуют люди. Он обнимает меня и притягивают ближе, и это все, что имеет значение.

Он устраивает из поцелуя шоу. Заявляя на меня права публично, а мне именно этого и хотелось. Я так сильно нуждалась в таком заверении, и он словно прочитал мои мысли.

— Невероятно, — бормочет блондинка перед тем, как уйти, ее непрактичные босоножки на высоком каблуке громко стучат по тротуару.

Как только она уходит, я разрываю поцелуй, в замешательстве глядя на Гейба.

— Что это было?

— Ничего, клянусь богом. Одри ни черта для меня не значит. Я познакомился с ней этим летом, и с тех пор мои родители стараются свести нас вместе. Но мне она совсем не нравится. Она сводит меня с ума, — цедит он сквозь зубы, качая головой.

Я хмурюсь.

— Они пытались свести вас этим летом? То есть, когда мы были вместе?

Он выглядит смущенным, его взгляд ускользает от меня.

— Ну, конкретно в тот момент мы были не совсем вместе.

О. Вау. Видимо, мне стоит привыкнуть к тому, что на этого парня постоянно вешаются девушки. И в любой момент он может выбрать любую из них. Кто дал мне право думать, что я такая особенная? Какие его деяния могли меня натолкнуть на мысль, что он остался бы рядом, если бы я, например, забеременела от него?

Никакие. Вот и ответ на эти животрепещущие вопросы.

Абсолютно никакие.

## Глава 25

### Люси

Джейд с красным пластиковым стаканчиком в руке и решительным выражением на лице загоняет меня в угол на заднем дворе дома Гейба, словно, нравится мне или нет, но она собирается выудить из меня все мои секреты.

— Ты так и не написала мне в тот день. — Она выдерживает паузу, делает глоток из стаканчика, при этом не отводя от меня взгляда, и невинно спрашивает: — Как прошла встреча?

Она задает вопрос так, будто это какая-то ерунда, но я догадываюсь, о чем она думает.

Что я — обманщица.

Оглядевшись, убеждаюсь, что никого из парней поблизости нет, после чего хватаю ее за

руку и практически ташу в дальний угол двора, где нас никто не видит. Сейчас конец сентября, ночи становятся довольно-таки холодными, но Гейб решил, что это идеальная ночь для барбекю. Он настоял, чтобы я пришла и принесла свой домашний картофельный салат по рецепту, которому мама научила меня давным-давно, и который являлся хитом на каждой вечеринке на открытом воздухе, куда мы его приносили.

— Но это же летнее блюдо, — засомневалась я, когда он попросил об этом.

— Мне все равно. Мне он очень нравится, — заявил он со своей очаровательной улыбкой. Улыбкой, которая могла бы заставить меня забыть обо всех моих проблемах, пусть даже и ненадолго.

— А ты всегда получаешь то, что хочешь, несмотря ни на что? — спросила я.

— Ты же знаешь, детка. — От его глубокого голоса по мне пробежали волны возбуждения, и, конечно же, я уступила.

Прогоняя последние воспоминания из моей перегруженной другими мыслями головы, отпускаю руку Джейд и смотрю на нее. Взглядом, перенятым у мамы и который я оттачивала годами.

— Тогда давай разберемся с этим сейчас. Что конкретно ты хочешь узнать?

В ответ Джейд одаривает меня своим особенным взглядом, оценивающим, прищурив глаза и поджав губы. Когда она этого хочет, девушка всерьез пугает.

— Как насчет того, чтобы рассказать мне, что ты делала в офисе финансовой помощи?

Скрещиваю руки на груди.

— Могу ли я доверять тебе? — Я молюсь, чтобы мой голос не слишком дрожал. Не хочу, чтобы она знала, как я нервничаю. У меня такое чувство, что, даже просто разговаривая с Джейд, рискую всем. Не представляю, что будет, когда я, наконец, расскажу правду Гейбу. Наверное, упаду в обморок.

Или упаду замертво от нервов.

Она приподнимает тонкую, идеально изогнутую бровь.

— Я ни словом не обмолвилась Шепу с тех пор, как увидела тебя там, а это было три дня назад. Думаю, мне можно доверять. Надеюсь, у тебя получится. — Она выдерживает паузу. — Мне казалось, мы друзья.

Отлично. Хорошая тактика — вызвать чувство вины. Всегда действует безотказно.

— Я была в офисе, потому что мне нужна финансовая помощь, чтобы оплатить обучение. Собственно говоря, даже ее мне не достаточно. Скорее всего, мне придется взять студенческий кредит, чтобы оплатить учебу в следующем семестре и последующие два года после него.

— Значит, ты не из богатой семьи, — медленно произносит Джейд.

Я отрицательно качаю головой.

— Моя мама родила меня, когда ей было шестнадцать. Я понятия не имею, кто мой отец. — У меня сжимается горло. Боже, признаваться в этом было тяжело. Не думаю, что Джейд осудит меня, но от старых комплексов избавиться нелегко.

Джейд морщится.

— Значит, у тебя нет богатого отца, который пренебрегает тобой, оставляя одну в своем особняке на побережье, в то время как сам путешествует по миру со своей молодой красивой девушкой.

У меня отвисает челюсть.

— Как ты...

— Шеп мне поведал. — Она пожимает плечами. — А ему рассказал Гейб. Они рассказывают друг другу все. Так и поступают друзья.

Ее слова не остаются незамеченными мною, но они все равно заставляют меня чувствовать себя дерьмом.

— Я не хотела, чтобы так вышло. Предполагалось, что между мной и Гейбом будет просто летняя интрижка. Ничего серьезного, просто несколько недель веселья. Я понятия не имела, что мы окажемся вместе в одном колледже.

Или что мне придется продолжать притворяться богатой девушкой. Не то чтобы я очень усердно старалась. Ключи к пониманию моего истинного финансового положения находятся где-то рядом, спрятанные среди лжи. Гейб просто никогда не замечал.

— Так как же так все вышло? — спрашивает Джейд.

Я рассказываю ей всю историю, оставляя в стороне личные подробности и не упоминая о нынешнем страхе беременности. Да, у меня по-прежнему задержка, Боже, пожалуйста, убей меня сейчас и избавь навсегда от страданий. Все, чего я хочу, — это чтобы уже наконец начались, и все встало на свои места. По крайней мере, что касается ребенка.

Но мое будущее все еще неопределенно, и я ненавижу это.

Я объясняю Джейду все — как мы с Гейбом познакомились, как все лето дружила с его младшей сестрой и как притворялась той, кем, как мне казалось, хотел видеть меня Гейб. Как дерьмово из-за всей этой лжи чувствую себя теперь и как боюсь реакции Гейба на правду.

— Он простит тебя и примет такой, какая ты есть, — говорит она, как только я заканчиваю свою нелепо запутанную историю. — Хочешь знать мое мнение? Я думаю, он безумно влюблен в тебя. Просто он еще не осознал этого.

Ха, если бы. Понимающая улыбка Джейда должна бы меня успокоить, но нет, это не так. Я знаю, что он безумно вожделеет меня. Он прямо-таки боготворит мое тело, и мне это нравится. Очень нравится. И я абсолютно уверена, что влюблена в него, ни секунды в этом не сомневаюсь.

Но любит ли меня Гейб? Я так не думаю. Ещё нет. Он испытывает интерес. И это главное.

Вроде бы.

— Я в этом не уверена, — отвечаю я с легкой улыбкой. — Но совершенно уверена, как только он узнает, что я скрывала это от него, его чувства изменятся.

Взгляд, который Джейд посылает мне, мучительно сочувствующий. Боюсь, она жалеет меня, хотя я вообще-то не заслуживаю ее сочувствия.

— Вот почему ты должна рассказать ему сейчас. Ты не сможешь долго скрывать это от него. Будет лучше, если он услышит это от тебя, чем узнает правду от кого-то другого.

— Хочешь сказать, что именно ты расскажешь ему правду? — Она угрожает мне?

— Нет, конечно же, нет. Решать тебе. Шепу я тоже ничего не скажу, — заверяет она. — Обещаю.

— Прости. Просто... я боюсь, что он будет зол на меня. Я не хочу разрушить наши отношения. Он мне действительно не безразличен, — признаюсь я, мой голос такой тихий, что почти сама себя не слышу. У меня сдавливают горло и щиплет глаза. Боже, если я сейчас разревусь, я буду так зла.

— Он не будет злиться. Он поймет, откуда взялась твоя вымышленная история.

— Не думаю, что его заденет денежный вопрос, скорее то, что я солгала. Что лгала все

это время, — объясняю я, нуждаясь, чтобы она поняла, к чему я веду. Ситуация с деньгами — это пустяки. Он — дохренаардер, а я — посмешище на мели. Не важно.

Все равно это вранье. Я покажу ему, что не заслуживаю доверия. И как только доверие будет потеряно... как я смогу его вернуть?

— Даже не знаю, что сказать. Могу только посоветовать, чтобы ты рассказала ему правду, и как можно скорее. Прежде чем ты поймешь, что увязла еще сильнее, — предлагает она, ее голос и лицо выражают доброжелательность. Понимаю, она пытается успокоить меня, и я ценю это, но кажется, мне далеко до уверенности. Как-то все разом навалилось, и у меня такое чувство, что вот-вот потеряю Гейба.

Сказать ему правду сейчас? Это может привести к тому, что я потеряю его.

Риск, на который не хочу идти.

— С чего это вы, леди, прячетесь здесь, в углу?

Ахнув, резко оборачиваюсь и сразу же вижу, что к нам приближается Гейб, как всегда, с неизменной улыбкой на губах. Он подходит ко мне, целует в губы и обнимает за талию, поворачиваясь лицом к Джейду.

— Почему ты монополизируешь мою девушку?

Мое сердце бьется в три раза чаще, стоит мне услышать, как он называет меня своей девушкой. Я, правда, ненавижу, когда он говорит подобные вещи. Его слова вселяют в меня слишком много надежды.

— Мы просто болтали, — отвечаю я ему, прежде чем Джейд успеет что-то сказать.

Она удивлена моим ответом, но, как только Шеп встречается с ней взглядом, ее лицо становится нейтральным.

— Да. Ты не можешь все время держать ее при себе, Гейб.

— Кто так сказал? — Он крепче обнимает меня за талию и притягивает так близко, что сталкиваюсь с его очень теплым, очень твердым телом. — Я — эгоист. Все это знают. Если я захочу оставить Люси при себе, я так и сделаю. — Он улыбается мне, но в его взгляде что-то кроется. Вспышка неуверенности, намек на уязвимость, который заставляет меня задаться вопросом, о чем он думает. Он все еще беспокоится о возможной беременности? В последнее время мы особо это не обсуждали. Даже не представляю, о чем он думает. Я в полном неведении.

Но опять же, когда речь заходит обо мне и о том, что я думаю, он в таких же условиях.

— То есть, я стану твоей соержанкой? — я шучу, но даже для моих собственных ушей мой голос звучит напряженно. — Ты это хочешь сказать?

Его улыбка угасает, сменяясь хмурым взглядом.

— Эм, думаю, на этом мне пора оставить вас одних, — бормочет Джейд, прежде чем уйти.

Как только она уходит, я вырываюсь из объятий Гейба, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Что с тобой?

Он хмурится.

— Э-э, ужин почти готов? Я надеялся, что ты войдешь и поможешь мне.

На мгновение закрываю глаза, борясь с глупыми слезами, копившимися весь день. Всю неделю.

— Гейб, что мы делаем?

— Я думал, мы будем тусоваться с друзьями, есть и пить, хорошо проводить время. Но начинает казаться, что ты имеешь в виду что-то другое. — Он замолкает, и я вижу огонь в

его глазах. У нас что небольшая ссора? Да, похоже. — Почему бы тебе не сказать, что не так, Люс?

— Я не знаю. Все в порядке. Все не так. — Я вскидываю руки вверх, чувствуя себя глупо из-за того, что делаю... из мухи слона? Я слишком эмоциональна и даже не могу понять, почему.

О, ты знаешь, почему. Просто пока не хочешь смотреть правде в глаза.

— Итак, у тебя уже начались? — спрашивает он, понизив голос.

— Ты про что? — Я специально прикидываюсь дурочкой. Я точно знаю, о чем он говорит.

Он вздыхает и проводит пальцами по волосам. Обожаю, когда он так делает. Я люблю его волосы. Я люблю в нем все. Но не похоже, что мы понимаем, что делаем, когда дело доходит до всех этих серьезных вещей.

— Твои месячные. Уже начались?

Я медленно качаю головой, не говоря ни слова, и он разочарованно выдыхает.

— Сколько у тебя уже задержка?

— Не знаю. — Пожимаю плечами. На самом деле знаю. — Десять дней? — Скорее двенадцать, может даже тринадцать. О да, тринадцать — счастливое число.

Да уж...

— Ты уже делала тест?

— Нет. — Не хочу тратить деньги на это. Я пытаюсь сэкономить каждый пенни, потому что мне понадобятся эти пенни в следующем семестре, когда с деньгами станет еще хуже.

— Почему нет? Нам нужно выяснить, что нас ждет, — начинает он, но я обрываю его.

— Ты имеешь в виду, выяснить, что ждет меня? Учитывая, что я — та, кто имеет дело со всем этим? — Я делаю шаг назад, когда он тянется ко мне. — Не трогай меня, Гейб. И даже не пытайся соблазнить меня несколькими непристойными поцелуйчиками и успокаивающими обнимашками. Я тут вроде как с ума схожу.

— Я тоже, Люс. Seriously. Я хочу помочь тебе. Поддержать тебя. — Он опускает руки по бокам. — Но я не знаю, чего ты хочешь от меня.

— Я тоже не знаю, чего хочу от тебя, — отвечаю я.

— Эй, Джи! — кричит Тристан с заднего крыльца. В последний раз, когда я его видела, он готовил барбекю. Иногда он меня безумно раздражает. Он такой... высокомерный. Не думаю, что и я ему очень нравлюсь. Джейд призналась, что поначалу тоже не вызвала у него симпатии, так что не знаю, в чем его проблема. — Ты где? Ужин вот-вот будет подан!

Я закатываю глаза.

— Твои люди требуют твоего присутствия.

Гейб пристально смотрит на меня, и я тут же чувствую себя дерьмом. Я веду себя ужасно, но, кажется, ничего не могу поделать с собой. Я эмоционально разбита.

— Я бы хотел, чтобы ты пошла со мной, — просит он. — Конечно, если ты хочешь.

С трудом сглотнув, я выпрямляюсь и приказываю себе забыть о ссоре. Весь стресс и дерьмо последних нескольких недель достали меня, отчего я веду себя, как идиотка.

— Я хочу. — Делаю паузу. — И прости меня.

Он даже не колеблется, просто притягивает меня к себе и обнимает, мое лицо утыкается ему в грудь, и его рука обхватывает мой затылок.

— И ты меня прости. За все, что я сделал. Мне не нравится думать, что ты злишься на меня, Люс. Это отстой.

— Я тоже не хочу, чтобы ты на меня злился, — признаюсь я, изо всех сил стараясь отогнать страх.

Но это бесполезно. Как только правда выйдет наружу, он возненавидит меня. Это то, с чем я столкнусь, хочу этого или нет.

— Завтра я куплю тебе тест на беременность. Мы сделаем это вместе, хорошо?

Я киваю, сильнее прижимаясь лицом к его груди. Он так хорошо пахнет. А ощущается еще лучше. Мне никогда не надоест то, как он вот так меня обнимает.

— Хорошо. — Его грудь заглушает мой голос, и я глубоко вдыхаю его свежий чистый запах.

— Я с тобой, несмотря ни на что.

Надеюсь, он говорит правду.

## Глава 25.2

### Гейб

Меня бесит, что мы с Люси поссорились сегодня вечером. Мне не нравится видеть ее напряженной, и клянусь, что в какой-то момент она почти заплакала. Последнее, что хотел бы увидеть. Ее слезы убили бы меня. В последнее время она очень эмоциональна, что пугает до чертиков. То, что она так себя ведет, только подтверждает мои подозрения.

Я почти уверен, что она беременна. Не то чтобы у меня был опыт общения с беременными девушками, но я слышал про то, что они плачут по любому поводу или ни с того ни с сего злятся. Это в точности описывает текущее эмоциональное состояние Люси.

Успокоив ее, мы пошли на кухню, и она помогла мне расставить еду, тарелки и столовые приборы. Мне нравится, что она суетится у меня на кухне, помогая с приготовлениями к вечеринке, которую я неожиданно для всех решил устроить. У меня такое чувство, что мы — настоящая пара, как будто эти посиделки — объявление, что мы официально вместе.

Я хочу быть с Люси официально. Не знаю, чувствует ли она это, но хочу, чтобы она была моей девушкой. Дело не только в том, что она возможно беременна. Она дорога мне. И я хочу, чтобы люди поняли, что она — важная часть моей жизни.

Еще бы мне собраться с духом и рассказать родителям, как важна для меня Люси...

Да, на это уйдет некоторое время.

Прежде чем наполнить свою собственную тарелку, проверяю, у всех ли есть еда и напитки. В итоге я ем на кухне и болтаю с одним из парней, который подрабатывает у нас неполный рабочий день. Люси в гостиной одновременно болтает с Джейд и ест. Мне нравится, что они подружились. Люси все больше и больше вливается в нашу компанию, чему я очень доволен. Мне нравится, что она рядом, и я могу на нее положиться. И надеюсь, что она знает, что тоже может рассчитывать на меня.

Вдруг я слышу, что с заднего двора раздается все больше и больше голосов и решаю проверить, что происходит. Выйдя на улицу, обнаруживаю большую группу девушек, стоящих на моем заднем дворике, у каждой в руках по бутылке пива, и ни одна из них не была приглашена. Я бросаю вопросительный взгляд в сторону Шепа, который лишь пожимает плечами и показывает пивной бутылкой, что мне нужно поговорить с Тристаном. Который с огромной улыбкой на лице стоит в окружении девушек, смотрящих на него с обожанием, светящимся в их глазах.

Ну, конечно же.

Я подкрадываюсь к нему, раздражение заставляет мою кровь бурлить, когда он поворачивается и пьяно улыбается мне.

— Эй, смотри. Я привел несколько девушек, чтобы оживить твою вечеринку, Джи.

— Тристан, — я хлопаю его по спине, затем притягиваю ближе, чтобы пробормотать ему на ухо: — ты должен избавиться от них.

Он отстраняется, ухмыляясь мне.

— С каких это пор ты стал таким скучным? Это должен быть наш последний год веселья, прежде чем взвалим на себя ответственность и прочую ерунду. Ты сам это говорил.

— Я уже достаточно повеселился, — говорю я, и он начинает смеяться.

— Что, ты уже стал таким подкаблучником, что боишься разозлить свою благоверную?

— Скорее, это ты бесишь меня. — Я ехидно улыбаюсь ему, пытаюсь сдержать свой гнев. Он пьян. А когда Тристан пьян, то несет всякую хрень. Он не думает, и в прошлом такое пьяное поведение не раз заканчивалось драками в баре. Даже не знаю, сколько раз нам с Шепом приходилось оттаскивать от Тристана какого-нибудь здоровяка. Или Тристана от какого-нибудь тупого пьяного чувака. — Так что забирай своих спутниц и уходи.

— Ты серьезно собираешься выгнать меня, потому что я привел с собой кое-кого для развлечения? Именно так мы раньше и делали, Гейб, или ты забыл? Твоя новая цыпочка настолько тебя изменила, что ты уже не знаешь, как веселиться?

Я посылаю ему предупреждающий взгляд, чувствуя присутствие Шепа, маячащего за моим плечом.

— Тристан...

— Вы такие скучные теперь. Ты и Шеп, вы оба. Раньше нам было чертовски весело, но это в прошлом. Похоже, из-за цыпочек я потерял вас обоих, они превратили вас в домашних баранов. Полный пиздец. — Тристан с отвращением на лице качает головой. — Не успеешь оглянуться, вы, два придурка, устроите двойную свадьбу, дерьмо. Чтоб окончательно добить меня.

В его словах нет особого смысла, но я представил себе картину. Он немного ревнует. Мы втроем уже не проводим так много времени вместе, но зато с Шепом в последнее время мы стали встречаться чаще, потому что Люси и Джейд сдружились. Тристан чувствует себя пятым колесом — и в буквальном смысле так оно и есть.

— Надеюсь, секс хорош, потому что ты встрял, бро. У тебя больше нет выбора, — бушует Тристан и смеется, спотыкаясь о собственные ноги. Девушки замолкают, каждая из них наблюдает за спектаклем, который он, кажется, собирается устроить, я подавляю гнев, поднимающийся во мне.

— Заткнись, пока ты не сказал какую-нибудь глупость и не разозлил меня.

— Что, ты еще недостаточно зол? Тогда давай поговорим о том, как твоя новоиспеченная девушка пытается заманить тебя в ловушку, залетев от тебя, — издевается Тристан, его тон насмешливый, отчего я прихожу просто в бешенство.

И отчего в глазах красная пелена.

Гадкая ухмылка на его лице — это все, на чем могу сосредоточиться, прежде чем поднять руку и ударить его прямо в челюсть, так сильно, что моим костяшкам становится чертовски больно в ту же секунду.

Глава 25.3

Тристан отшатывается, хватаясь за лицо, и все девушки, стоящие вокруг нас, начинают

кричать, отпрыгивая назад, как будто я только что пытался напасть и на них. Шеп хватает меня за плечо и удерживает, чтобы я снова не набросился на Тристана, я вырываюсь из его хватки, так как меня прельщает идея еще раз ударить Тристана.

Ублюдок заслужил это. Поверить не могу, что он такое наговорил. А что еще хуже — он один из моих самых близких друзей, поэтому знает, как сделать мне больно. И его слова ранят.

Чертовски сильно.

Поворачиваю голову и смотрю на Шепу.

— Пусти, — бормочу я, но знаю, что он этого не сделает. Я в бешенстве. Не могу поверить, что Тристан разболтал о моих личных делах перед всеми, включая кучу девушек, которых мы, черт возьми, не знаем. Они все пялятся на меня, словно я какой-то монстр. Две из них подошли, чтобы утешить Тристана, который, все еще прижимая ладонь к подбородку, стоит на траве и испепеляет меня взглядом. Его взгляд мрачный, полный гнева и боли, и я точно знаю, что он чувствует, потому что чувствую то же самое.

— Убирайся, — велю я ему, мой голос низкий и чертовски пугающий даже для моих собственных ушей. — Вали отсюда нахрен и гарем свой забирай с собой.

— Гейб, — встревает Шеп, но я стряхиваю его руку и отхожу от него. Мне не нужно, чтобы он читал мне нотацию, как я должен относиться к своим друзьям. Неужели он не слышал, что сказал Тристан? Он такой мудака. Он пытается выставить Люси стервой-золотоискательницей, и я просто ненавижу его за это.

Не говоря ни слова, Тристан взмахивает рукой и проходит мимо меня, опустив голову и не встречаясь со мной взглядом. И все девушки с готовностью семенят за ним. Он обходит дом сбоку, перешептывающиеся девушки следуют за ним, пока все они не исчезают.

— Поверить не могу, что ты его ударил, — недоверчиво произносит Шеп.

— А я не могу поверить в то, что он наговорил, — парирую я. — Он просто козел.

— Ты же знаешь, каким он бывает, когда пьян...

Я обрываю Шепу:

— Не защищай его. Он — мудака, когда выпьет. И становится чуть получше, когда трезвый. Я устал от его дерьма. Устал от того, как он разговаривает со мной, относится ко мне, черт возьми, как он относится к нам обоим. К черту его. Давай выкупим его долю.

— Я не могу выкупить его долю, он мой гребаный кузен. Черт, моя мать, вероятно, позвонит мне и поручится за Тристана, а потом вывалит на меня кучу дерьма за это. Потом мне позвонит его мать... дружище, это будет полный бардак. Я не могу так поступить с ним. Мы застряли с ним, — объясняет Шеп.

— Это ты застрял с ним, не я. Я говорю, что закрываю этот дерьмовый бизнес, а вы двое можете заняться им в другом месте. Я устал иметь с этим дело. Пусть теперь это будет вашей проблемой. — Я качаю головой и кладу руки на бедра, поворачиваясь к патио и вижу Люси снаружи, стоящую рядом с задней дверью.

И она не выглядит очень счастливой.

— Ты ведь это не всерьез, — говорит Шеп. — Ты просто сейчас злишься. Тристан извинится, ты простишь его, и все забудется.

Извинения Тристана никак не повлияют на меня.

— Да, черт побери, я злюсь. Но поверь мне, я серьезно сделаю это. Позвони мне завтра. Уверен, я буду чувствовать то же самое. — Мне нужна Люси. Мне нужно забыть то, о чем я разговаривал с Шепом, находясь здесь. Мне нужна моя девочка.

Я иду к ней и подмечаю, что она смотрит на меня со страхом и сомнением в глазах. Остановившись прямо перед ней, беру ее за руку, а она поднимает мою и изучает мои поцарапанные и разбитые от удара в челюсть Тристана костяшки. Кожа ободрана и чертовски болит.

— Ты поранился, — вздыхает она, прежде чем поднять мою руку и поднести ее к своим губам.

— Да, это случилось потому, что я защищал твою честь, — бормочу я, тронутый тем, что она целует мою руку так нежно, словно хочет заботиться обо мне, несмотря на то, что я — полный придурок, который ввязывается в драку со своим лучшим другом.

Проклятье. Я начинаю жалеть о случившемся. Конечно, то, что наговорил Тристан, — полная хрень, но так ли необходимо было бить его?

— Я слышала. — Она осторожно опускает мою руку, и я тут же скучаю по ее прикосновению. — Откуда он узнал, Гейб?

Все мое тело напрягается. Она до жути спокойна, когда задает этот вопрос, и это чертовски меня пугает.

— Я рассказал ему, окей? Мне нужно было поговорить с друзьями, получить совет, и я рассказал им, что происходит.

Люси изумленно смотрит на меня, ее рот открывается и закрывается, как будто она не знает, что сказать.

— Это было наше личное дело, — наконец шепчет она. — Личное дело, которое действительно выставляет меня в плохом свете, учитывая то, как он только что выболтал мой секрет перед кучей народа.

— Он идиот, когда пьян. Никто не воспримет его слова всерьез, — заявляю я, чтобы успокоить ее, но она на это не ведется. И не могу винить ее. Видя ее такой расстроенной, я теряю всякое сожаление и снова прихожу в ярость.

— Не важно, верят они ему или нет. Теперь я выгляжу как какая-то шлюха-золотоискательница, пытающаяся обмануть тебя и прикарманить все твои деньги или что-то в этом роде посредством алиментов на ребенка. Но это совсем не так. Мне не нужны твои деньги. Мне они не нужны, — она практически плюет в меня.

— Верно, потому что твой богатый папочка заботится о тебе и дает все, что ты хочешь. — Избалованной маленькой принцессе не нравится данная реальность, не так ли? Ну, мне тоже. Интересно, почему она была настолько замкнутой. Интересно, говорил ли кто-нибудь о ней такое же дерьмо, как только что Тристан?

— Не совсем, — бормочет она, отходя от меня.

— Постой. — Я хватаю ее за плечо, но ослабляю хватку, чтобы она могла выскользнуть, если захочет. Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами, ее губы дрожат, словно она хочет заплакать, но сдерживает себя. Я вглядываюсь в ее лицо в поисках какой-то подсказки, чего-то, что даст мне знать, в чем проблема, но...

Что-то тут не так. Я костями чувствую это, всем нутром. Такое ощущение, что, что бы она ни собиралась сказать дальше, между нами все изменится.

— Что ты только что сказала? — Я готовлюсь к словесному удару.

Она пристально смотрит на меня, ее глаза блестят от непролитых слез, и, проклятье, видеть это выражение на ее лице почти невыносимо. Ненавижу, когда она грустит. Когда не могу помочь справиться с тем, что ее беспокоит.

— Я даже не знаю, кто мой отец, ясно? Моя мама забеременела, когда ей было

шестнадцать, и он сбежал от нее еще до моего рождения. Так что ей пришлось растить меня одной, без всякой поддержки. В крошечной, дерьмовой квартире с одной спальней, в ужасном районе в центре Лос-Анджелеса, без помощи, без денег, только я и она. У нас ничего не было. Ничего.

Какого черта?

— Ты серьезно?

Она посылает мне взгляд, который говорит, что она чертовски серьезна, и это причиняет боль.

Все, что я могу сделать, — это смотреть на нее, переваривая то, в чем она только что призналась. Я ошибался на ее счет. Целиком и полностью ошибался, а она никогда не исправляла меня. Ни разу. Просто продолжала лгать, словно это какая-то ерунда. Черт, она что, смеялась надо мной? Рассказывала подругам о том, какой я лох? Чем дольше думаю об этом, тем больше злюсь. В полном шоке смотрю на нее, ее слова медленно начинают доходить до меня. Она не богата. Она никогда не была богатой. Но здесь кое-что не сходится.

— А что насчет дома в Санта-Барбаре? Как ты туда попала? — словно тупица, спрашиваю я.

— Я присматривала за домом для семьи, которой он принадлежит. Моя мама — их горничная и убирает их главный дом в Беверли-Хиллз. На лето они обычно уезжают в Санта-Барбару, но по какой-то причине их планы изменились. И на лето мама устроила меня на эту работу, чтобы я могла заработать дополнительные деньги и помочь оплатить мое обучение.

Ее мама — долбаная горничная. Иисус. Я прислоняюсь к стене, настолько потрясенный ее рассказом, что боюсь упасть. Оглядевшись, вижу, что все чудесным образом вернулись в дом, слава богу. Мне не нужна аудитория для этого личного разговора.

— Значит, богатого отца нет.

Она качает головой.

— Ему было восемнадцать, и он до смерти перепугался, когда мама сказала ему, что беременна от него. Он сбежал. И мы больше никогда о нем не слышали. Она отказывается даже произносить его имя, так что я понятия не имею, кто он такой.

Отстой. Но она должна была сказать мне правду. Мне было бы все равно.

— И поэтому все это время ты обманывала меня. — Как только она открывает рот, чтобы защитить себя, я качаю головой. — Ты мне врала. Вся твоя история до этого момента фальшивая. Верно?

Она медленно кивает, впиваясь зубами в нижнюю губу, теребя ее, прежде чем отпустить.

— Я думала, то, что между нами было — это временно, понимаешь? Веселая интрижка на лето, где я могла бы притвориться тем, кем ты хотел меня видеть. И у меня получилось. Ты сам придумал мою предысторию, позаботился о мелких деталях вместо меня, а я просто... придерживалась ее. Между нами были и хорошие моменты и не очень, но в целом, это было... волшебное лето. — От выражения нежности на ее лице у меня разрывается сердце. Да, между нами все было хорошо, но черт. Она лгала. И, как последний болван, я верил каждому ее слову. — Потом ты уехал, и я подумала, что больше никогда тебя не увижу.

— Но ты увидела, — добавляю я.

— Точно. И я почувствовала, что должна продолжать притворяться, понимаешь? Я боялась, Гейб. Боялась, что ты бросишь меня, как только узнаешь правду, — тихо признается

она. — А сейчас, когда все это происходит, тем более.

Я провожу обеими руками по голове, хватаю себя за волосы и дергаю их так сильно, что аж вздрагиваю. Чертовски больно. От всего этого чертовски больно. О возможной беременности она тоже лжет? Это все одна большая уловка, и меня просто разыгрывают?

Я никогда не просил об этом. Я не хотел серьезных отношений в этом году. Черт, это мой последний год свободы, а вместо этого связался с девушкой, у которой нет ничего, кроме кандалов и цепей.

— Не знаю, справлюсь ли я с этим.

Люси хмурится.

— Справишься с чем?

— Со всем этим. С ложью. С правдой. С тем, что ты, возможно, беременна от меня. А, возможно, и нет. Не знаю. У меня не получается поверить, что ты скажешь мне правду. — Опускаю руки и смотрю на нее. — Я не готов ни к чему подобному.

Выражение ее лица застывает, в глазах отражается шок и ужас.

— П-понимаю. Ты имеешь полное право ненавидеть меня.

Ее слова заставляют меня чувствовать себя сволочью. Я не ненавижу ее. Я бы никогда не смог возненавидеть ее, но... проклятье, она лгала мне. Она предала меня, и не знаю, смогу ли я когда-нибудь пережить это. Не знаю, смогу ли пережить предательство Тристана.

Ну что за гребаный вечер!

Как я смогу им доверять? За эти годы Тристан и я прошли через взлеты и падения, так что полагаю, мы как-нибудь все уладим. Но как я снова смогу доверять Люси? Из того, что я знаю, все эти разговоры о беременности — чушь собачья.

— Пожалуй, мне лучше уйти, — наконец говорит она еле слышным шепотом, опустив голову.

— Да, наверное, так будет лучше. — Я смотрю на ее склоненную голову, мои губы болят от желания поцеловать ее. Но я должен оставаться сильным и не поддаваться искушению. — Могу я... могу я позвонить тебе?

Какого черта я это сказал? Дерьмо.

Она медленно качает головой, слезы теперь текут рекой. Так свободно, что капают с ее щек на землю. И от того, что я вижу, как они падают, мое и без того больное сердце разбивается.

— Не думаю, что это хорошая идея.

И с этими последними словами она ушла. Из моей жизни.

Как будто ее никогда и не существовало.

## Глава 26

### Люси

— Ты опять прогуливаешь занятия по маркетингу? Ты завалишь предмет, — кричит Джина с порога моей комнаты.

Да уж, спасибо, что напомнила, Джина. Я ведь даже не догадывалась, что такое может случиться. Мне хочется накричать на мою соседку, но сдерживаюсь. Зачем усугублять своё положение ещё больше? С той самой ночи, когда несколько дней назад я вернулась домой, плача так сильно, что у меня болел живот, болело лицо... всё тело болело, я видела от неё только поддержку. Она успокоила меня, уложила в постель и пообещала, что утром мне

станет лучше.

Но лучше мне не стало. И до сих пор нет. Я так скучаю по Гейбу, что у меня болит всё тело.

— Я не смогу посмотреть ему в лицо, — скулю я в подушку приглушенным голосом. — Я собираюсь попытаться уйти с курса. Уже слишком поздно идти на попятный, но оценка «W» в дипломе лучше, чем «F» (В американской системе образования F — fail (провал), W — withdrawal (отчисление по собственному желанию), пример).

— Это точно, — вздыхает Джина. — Раз так, ты должна пойти со мной.

Поднимаю голову с подушки, чтобы посмотреть на неё.

— Куда ты собралась?

— За покупками. — Её лицо светлеет, ей кажется, что она подловила меня. — Мне нужно сходить в торговый центр.

Я стону и роняю голову снова на подушку.

— Это последнее, что мне хотелось бы сделать.

Она заходит в мою комнату, я слышу её шаги по ковру, чувствую, как прогибается матрас, когда она садится на край моей кровати.

— Я беспокоюсь за тебя, Люси. Ты сама на себя не похожа.

Просто моё сердце разбито. Трудно вести себя как обычно, когда твои внутренности разорваны на мелкие кусочки, и ты совершенно уверена, что уже никогда не будешь прежней.

— Я в порядке. Я переживу это. Я забуду его.

Мои слова — сплошная ложь. Я не в порядке, даже и близко. Да и как я смогу забыть его, если примерно через восемь месяцев у меня будет постоянное напоминание о нём?

Ну, это ещё не совсем точно, но у меня до сих пор так и не начались месячные, что просто смешно. Наверняка, я беременна. Я не купила тест на беременность, потому что почти не хочу, чтобы она подтвердилась, что глупо, но я живу в стране отрицания, и это довольно приятное место.

Просто... я боюсь реальности. Не знаю, как переживу всё это, но как-нибудь разберусь. Мне придётся. У меня нет выбора. Наверное, я смогу бросить учёбу, найти работу, чтобы содержать нас с ребёнком, и буду молиться, как сумасшедшая, чтобы мама не отреклась от меня.

История повторяется. По крайней мере, я чуть-чуть постарше. Но умнее ли? Да, в этом не уверена.

— Может, тебе стоит обратиться к психологу? Поговорить с кем-нибудь о своих проблемах, — предлагает Джина.

Поднимаю голову и смотрю на неё.

— Ни за что.

— Почему нет? Тебе станет легче, когда выговоришься. Они не будут осуждать, но дадут объективные советы. Мне кажется, прямо сейчас тебе не мешает объективный совет от кого-то. — Я во всем призналась Джине, чтобы она знала, что происходит. И, к счастью, она ни разу не сказала ничего такого, отчего бы я почувствовала себя плохо.

Похоже, больше всего ей жалко меня, а это значит, что я полная неудачница.

— Я не могу позволить себе консультацию, — говорю я, снова положив голову на подушку. Уже влажную от моих слёз. Звучит, как название песни в стиле кантри. Уверена, что прямо сейчас могла бы написать довольно хорошую.

Очевидно, я не в себе.

— В кампусе есть бесплатные консультации. Я могу отвезти тебя туда, — предлагает Джина. — Или, если не хочешь, тоже всё нормально. Я подумала, что должна была предложить.

— Я подумаю об этом. — Поворачиваюсь на бок лицом к ней и едва заметно улыбаюсь ей. — Спасибо тебе. За всё. Ты оставалась... невероятно чуткой, пока я была плачущей, глупой развалиной.

— Не за что. Я знаю, что не часто бываю здесь, но считаю тебя своей подругой. А я забочусь о своих друзьях. — Она протягивает руку и дотрагивается до моей ноги, сжимая икру. — Не позволяй ему разрушить тебя, Люси. Он того не стоит.

Моя улыбка увядает. Она не понимает. Он стоит того. Я идиотка, которая обманывала его на протяжении всех наших отношений. Винить, кроме самой себя, некого. Он не был подлым, он не был мудаком, он был идеальным парнем. Идеальным парнем для меня. Не могу осуждать его за то, что он сказал, что не готов к этому. Я и сама не готова.

У меня просто нет выбора.

— Не хочешь сходить перекусить? Мы можем и не ходить в торговый центр. — Она корчит рожицу. — Ты единственная девушка из всех моих знакомых, которая не любит ходить по магазинам.

— Очень легко ненавидеть шоппинг, когда у тебя нет денег на покупки. — Я сажусь, моё тело болит, голова раскалывается. — Ты не против, если я сначала быстренько приму душ? — Да уж, даже не помню, когда в последний раз принимала его, и это не то, в чём хотелось бы признаться Джине. Это сведёт её с ума.

— Конечно. Иди. — И с улыбкой на лице Джина вскакивает с кровати. Видимо, она очень рада, что я действительно встаю с постели и собираюсь сделать что-то, как нормально функционирующее человеческое существо.

Достаю из комода трусики и бюстгальтер, а затем шаркаю в ванную, закрывая за собой дверь. Резко останавливаюсь и смотрю на своё отражение в зеркале. Выгляжу ужасно. Волосы в полном беспорядке, и почти уверена, что по бокам появилась пара дредов. Под глазами до сих пор есть пятна от туши, и уже несколько дней я не красилась. Когда я в последний раз умывалась?

Не уверена.

Я превратилась в развалину. И все из-за парня. А ведь клялась себе, что никогда не допущу этого. Обещала маме, что буду хорошей девочкой и не позволю парню влиять на мои чувства. И вот она я, делаю именно это. Она будет так разочарована во мне.

Вздыхнув, убираю волосы с лица, заправляю их за уши и быстро чищу зубы. Включаю душ, чтобы вода прогрелась, а затем сажусь на унитаз облегчиться. Моё нижнее белье спущено до колен, и я смотрю на него в шоке, когда вижу прямо в центре ярко-красное пятно.

Месячные.

У меня начались месячные.

Истерический смешок вырывается из меня, и я зажимаю рот рукой, заглушая звук. У меня месячные. Нет никакого ребёнка, никакой нежелательной беременности, никакой вечной связи с Гейбом. Теперь я могу разорвать с ним всякую связь навсегда. Всё кончено. Действительно кончено.

И сразу же обильно потекли слёзы, поначалу мне кажется, что это слёзы облегчения. Но

я не чувствую облегчения. Только... грусть. Полную и абсолютную грусть, что с Гейбом отныне меня больше ничего не связывает.

Между нами по-настоящему официально всё кончено.

Гейб

Шеп открывает дверь с мрачным выражением лица.

— Хорошо, что ты пришёл.

Он шире распахивает передо мной дверь, и я вхожу в дом.

— Ты же сам так безапелляционно вызвал меня. Решил, что лучше прийти.

Закрыв дверь, Шеп поворачивается ко мне лицом.

— Тристан на кухне, но сначала с тобой хочет поговорить Джейд.

Я хмурюсь, почесываю затылок.

— Она что, собирается читать мне нотации? — Знаю, она злится из-за случившегося с Люси. Она на стороне Люси и думает, что я плохо с ней обошёлся.

Может, она и права, но я справился с этим единственным известным мне способом.

— Нет. — Шеп качает головой. — У неё есть... новости для тебя.

От страха у меня внутри всё сжимается.

— Какие? — настороженно спрашиваю.

— Она сама тебе расскажет. Она в нашей комнате. — И слегка подталкивает меня к лестнице. — Поговори с ней, а потом спускайся на кухню и поговори с Тристаном. Бро, тебе нужно помириться с ним. Он чувствует себя конкретной сволочью за то, что наговорил тебе.

Так и должно быть. Я смотрю на лестничный пролёт, почти боясь подняться туда. О чём Джейд собирается мне рассказать? Не представляю, но уверен, что это как-то связано с Люси. Она в порядке? С ней что-то случилось? Боже, может она... ну, не знаю, сделала аборт? Потеряла ребёнка?

В моей голове крутятся одни лишь плохие мысли. Так продолжается уже несколько дней, с той ночи, когда Люси покинула мой дом. С тех пор только о ней и думаю. Сегодня днём я сходил на нашу общую пару по маркетингу, надеясь, что и она будет там, но, конечно же, её не было.

От осознания этого у меня даже свело живот. Наверное, ей невыносимо меня видеть. Конечно, это мне нужно злиться из-за случившегося, но не могу не чувствовать себя виноватым во всём этом. Не стоило так остро реагировать. Может, она пыталась сказать мне правду, когда мы были в Санта-Барбаре, а я никогда не давал ей такой возможности. Только трепался, словно мудака, которым я и являюсь, и она смирилась со всем.

Может, она стесняется своего происхождения, а я такой привилегированный говнюк, что не понимаю, каково это. Потому что это правда, я понятия не имею, каково это — быть бедным и ничего не иметь. Ни денег, ни помощи, только тяжёлая работа и постоянная борьба. У меня не укладывается это в голове.

Зато знаю, каково это — ничего не иметь после ощущения, что у тебя было... всё. Никакие деньги не вернут Люси в мою жизнь. Любовь не купишь. Её нужно заслужить.

А я потерял её.

Поднимаюсь по лестнице и иду в спальню Шепа, легонько стучу в приоткрытую дверь, прежде чем заглянуть в комнату. Джейд сидит на краю кровати, просматривая свой телефон, голова наклонена, а длинные волнистые рыжие волосы падают на лицо.

— Привет, — подаю голос я.

Она поднимает голову, заправляя волосы за ухо, и лёгкая улыбка появляется на её губах.

— И тебе привет. Заходи.

Войдя в комнату, я остаиваюсь прямо перед ней, и улыбка исчезает. Мне нужно расслабиться. Иначе буду весь взвинченным и нервным, а я устал это чувствовать.

— К чему такая серьёзность?

Джейд встает и встречается со мной взглядом.

— Речь идет о Люси.

Вся лёгкость улечивается из меня. У меня аж сердце выскакивает из груди. Я готовлюсь услышать плохие новости. Боже, может, она навсегда уехала из города. Может, она так смущена и ненавидит меня так сильно, что не может больше оставаться здесь. Или ещё хуже, может, она не может себе этого позволить, учитывая, что у неё скоро будет ребёнок, поэтому она вернулась домой.

Я могу это изменить. И могу дать ей всё, что нужно. У меня есть все богатства мира. Если она носит моего ребёнка, то гарантирую, что мой ребёнок никогда ни в чём не будет нуждаться. И плевать, что подумают родители. К чёрту их!

Самый важный человек в моей жизни — Люси.

— Она в порядке? — спрашиваю я срывающимся голосом, от волнения заломило голову. У меня уже несколько дней постоянная головная боль, и, клянусь богом, сейчас она стала в десять раз сильнее.

— Она в порядке. — Джейд глубоко вздыхает, прежде чем продолжить: — Люси не беременна.

Я аж застыл, сердце в пятки ушло. Меня тошнит.

— Нет?

Джейд медленно качает головой, но не произносит ни слова. Тут же мысли начинают бешено крутиться.

— Ч-что случилось? — В моей голове мелькают всевозможные варианты, боже, надеюсь, с ней все хорошо.

— У неё начались месячные. Видимо, у неё была просто... задержка. — Джейд пожимает плечами. — Я подумала, что ты должен знать.

— Она собиралась мне рассказать? — словно мудака, требую ответа с нетерпением. Мне нужна какая-то зацепка, что я всё ещё небезразличен ей, что она хотела бы, чтобы я был в курсе происходящего.

— Нет. При мне Люси вообще не упоминала о тебе. — Джейд хмурится. — Мне очень жаль, Гейб. Мне кажется, она пытается двигаться дальше единственным известным ей способом.

— То есть, забыв о моём существовании, — с горечью выдавливаю я.

— Она думает, что ты делаешь то же самое, — замечает Джейд, но мне от этого не легче.

Нет, от её слов мне становится только хуже.

— Ну что ж, всё ясно, — резко выдыхаю. Провожу рукой по волосам. Не знаю, что и сказать, что сделать. Я облажался по полной, теперь этого не исправить. — Я собираюсь спуститься вниз и извиниться перед Тристаном.

— Позволь ему извиниться первым, — кричит Джейд мне вдогонку, когда я иду к двери. Я остаиваюсь и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на неё.

— Что-что?

— Пусть он сначала извинится перед тобой. Это он всё заварил. Тристану нужно научиться смирению. Он сначала натворит дел, а потом чувствует себя плохо. Плохая привычка, от которой мы должны помочь ему избавиться, — объясняет она.

Улыбаюсь, и моя улыбка искренняя. Я извожу себя из-за нашей ссоры, но Джейд права. Именно Тристан, этот кретин, мать его, всё начал, впрочем, как и всегда.

— Ты права. Я позволю ему попресмыкаться первым, а потом и сам извинюсь.

— Отлично. — Улыбаясь, она подходит и обвивает руками мою талию, даря мне своё объятие. — Мне очень жаль, Гейб. Возможно, однажды ты сможешь сблизиться с ней, но я бы дала ей некоторое время для начала. Она страдает.

— Как и я, — шепчу я, сжимая её талию, прежде чем отойти от неё. — Спасибо, что рассказала, Джейд. Я ценю это.

— Ты имеешь право это знать. А теперь иди и поговори с Тристаном, разберитесь уже, наконец. — И подталкивает меня к двери. — Иди.

Я практически бегу вниз по лестнице и, увидев Тристана, сидящего с несчастным видом за стойкой в кухне, резко останавливаюсь.

— Привет, — выдыхаю я.

Шеп тихо выходит из кухни, а Тристан поднимает голову и смотрит на меня.

— Я сожалею, бро.

— Ты и должен. — Подхожу к стойке, упираюсь руками в край гладкой гранитной поверхности. — Я тоже ужасно себя чувствую. Я не должен был бить тебя.

— Ты имел полное право ударить меня. Я просто мудака, раз такого наворотил. Уверен, Люси ненавидит меня. — Тристан с несчастным видом опускает голову.

— Люси слишком занята ненавистью ко мне, чтобы переживать из-за тебя, — возражаю я, усаживаясь на стул рядом с Тристаном. — Я испортил наши отношения.

— А я уж точно не улучшил ситуацию. Она в порядке? Как... ребёнок? — спрашивает он.

— Она не беременна. — Я должен быть счастлив. Испытывать облегчение. Я слишком молод для ребёнка, как и Люси.

Но я не чувствую себя счастливым. Мне... грустно. И меня злит, что сам всё испортил. Что повёл себя, словно испуганный идиот, а не как надёжный мужчина, в котором нуждалась Люси.

Я подвел её. И она, наверное, никогда меня не простит.

— О-о... — Тристан снова встречается с мной взглядом. — Это ведь хорошо, верно?

— Да. Я не готов к ребёнку, — вздыхаю я. Это ведь и правда так. Что и доказал своей реакцией на всё случившееся. — Но я скучаю по Люси. Мы расстались и я... я ненавижу это.

— А мы закончили? Я имею в виду бизнес? — Когда я хмуро смотрю на него, он пожимает плечами. — Шеп передал мне твои слова. Я не виню тебя. Я догадывался, что ты уже давно не в восторге от казино. Оно в твоём собственном доме, так что ты вынужден иметь дело с ним постоянно, да и бизнес постепенно идёт на спад. Вполне понимаю, почему ты устал от этого. И также прекрасно осознаю, почему тебя тошнит от меня.

Я тру рукой лицо, провожу по подбородку.

— Я был зол, когда сказал это. Ты прав, дела пошли медленнее, и я начинаю уставать. Надоело управлять казино, надоело иметь с ним дело. Но сдаваться пока не собираюсь. И от тебя тоже не отказываюсь.

На его лице отчетливо видно облегчение.

— Спасибо, приятель. Прости меня.

— И ты меня. — Я протягиваю ему руку, и он берёт её, крепко и замысловато пожимая, как мы, парни, так хорошо умеем это делать. — У нас всё хорошо?

— Да, всё хорошо. — Дьявольский блеск во взгляде Тристана мне знаком. — Давай скажем Шепу, что мы закрываем казино. Посмотрим, сможем ли мы обдурить его хоть ненадолго.

Я захожусь от смеха, качая головой. Это так похоже на Тристана.

— Ладно, но говорить будешь ты.

— Идёт. — Он ухмыляется и хлопает меня по спине, а потом вопит: — Шеп!

Шеп входит в кухню, и Тристан с энтузиазмом приступает к нашему задуманному плану, но чем дальше углубляется, тем всё скептичнее становится лицо Шепа. А я просто сижу, предпочитая серьёзно и часто кивать, не говоря ни слова. Я подыгрываю, хоть это не так легко. Я бы лучше был с Люси, чем с этими парнями. Я хочу поговорить о том, что произошло между нами. Попросить у неё прощения. Надеюсь, она тоже извинится за обман. Если я могу простить её за ложь, надеюсь, и она сможет простить меня. Я хочу ещё один шанс.

Мне нужен ещё один шанс.

Мне нужна Люси.

## Глава 27

### Люси

Я посещаю пары по маркетингу, потому что у меня нет выбора. Каким-то образом я прозевала момент, когда всё ещё могла уйти с курса, но он был бы всё равно зачтен. Теперь же, если не буду посещать занятия, то велика вероятность провалить экзамен, а я не могу позволить произойти этому.

Встреча с профессором Бейли прошла лучше, чем я ожидала. Он действительно слушал моё краткое оправдание — я сослалась на болезнь — и с пониманием кивал, пока я болтала, при этом издавал сочувственные звуки. Он разрешил наверстать упущенное, но сказал, что избежать участия в групповом проекте не получится. И учитывая, что группы уже были сформированы, и их проекты идут полным ходом, он поставил меня в пару с другим студентом, который так же, как и я, пропустил много занятий и нагонял задания.

С Гэбриэлом Уолкером.

Объяснить профессору Бейли про свои отношения с Гейбом я никак не могла, поэтому просто улыбнулась, кивнула и согласилась на совместный проект. Никаких проблем. Я справлюсь с этим.

Несомненно.

Во время занятия сижу на заднем ряду, всё тщательно записываю и, как сумасшедшая, молюсь, чтобы позже смогла набраться смелости подойти к Гейбу и сказать ему, что мы должны работать над нашим проектом вместе. Я даже не знаю, каким должен быть наш проект. Я не смотрела лист с описанием, который дал мне профессор Бейли, так как не хотела волноваться.

После бесконечных переживаний за последние несколько месяцев, думаю, с меня хватит.

Несколько дней назад я во всем призналась маме. Рассказала о Гейбе, о том, как обманывала его, что влюбилась в него, и даже о страхе беременности. Но стоило мне только заикнуться о последнем, как мама тотчас разрыдалась, и мне неоднократно пришлось убеждать её, что я не беременна. Думаю, в конце концов, она поверила мне.

Хотя, честно говоря, я не совсем уверена.

С Джиной мы стали ближе. Она не собирается так часто видаться с Чедом, дав ему небольшую передышку, да и себе тоже. Джейд стала моей хорошей подругой, и я так благодарна ей за то, что она осталась верной, несмотря на всё, что произошло между Гейбом и мной. Она призналась, что сказала ему, что я все-таки не была беременна, и я была рада, что она сделала это.

Жаль, что он не удосужился поговорить об этом со мной.

Но нужно двигаться дальше. Будет нелегко работать с ним над проектом по маркетингу, но что поделать? Это будет хорошей проверкой на будущее. В тот или иной момент нашей жизни нам всем придется иметь дело с вещами, которые нам не нравятся. Такова жизнь. Так что мы с Гейбом некоторое время будем связаны. Ну и что с того? Я справлюсь с этим. Он тоже сможет. Мы взрослые люди, которые могут оставаться друзьями.

Но, как только профессор Бейли отпускает нас, мой желудок начинает бурлить от нервов. Я запикиваю планшет в рюкзак и медленно поднимаюсь на ноги, перекидывая рюкзак через плечо, и наблюдаю, как все с боем прокладывают себе дорогу из аудитории. Улыбаюсь девушке, когда та проходит мимо, но стоит мне заметить его, отвожу от неё взгляд.

Он смотрит на меня.

У меня дрожат колени, я изо всех сил стараюсь улыбнуться ему, но мои губы трясутся, поэтому оставляю попытку. Жду, когда он приблизится, пока он поднимается по лестнице, не отрывая от меня пристального взгляда, его всегда улыбающиеся губы крепко сжаты, выражение всего его лица угрюмо.

О боже, он ненавидит меня. Уверена. И не могу винить его. Возможно, после всего произошедшего ничего не получится. Я обманщица. Я разбила его сердце, а он разбил моё, и мы никак не сможем поддерживать видимость хороших отношений, пока будем реализовывать долбаный проект вместе. Я брежу, я просто знаю это.

— Привет, Люс. — Его глубокий, тёплый голос обволакивает меня, делая слабой, и я нервно выдыхаю.

— Привет.

Он останавливается прямо передо мной, протискиваясь в проход, чтобы не мешать другим студентам уйти.

— Хорошо выглядишь.

Осматриваю себя. На мне леггинсы и светло-серая толстовка, которые я купила в Волмарте почти за бесплатно. Волосы собраны в небрежный пучок, глаза накрашены тушью, на губах — блеск, вот и всё. Я подумывала принарядиться для него, но побоялась, что это было бы слишком очевидно.

Так что предпочла вместо этого образ в стиле шебби шик.

— Спасибо, — наконец выдавливаю, потому что как ещё я могу ответить? — Ты тоже хорошо выглядишь.

Что правда. На нём джинсы и чёрная футболка с длинными рукавами, идеально облегающая грудь и руки. Его волосы даже длиннее, чем в последний раз, когда я его видела,

и он просто восхитительно аппетитен.

Интересно, оставил ли он прошлое позади.

Интересно, нашёл ли он другую девушку, чтобы забыть меня?

Хмурюсь. Эта мысль слишком удручает, чтобы думать об этом.

— Ну что ж, не знаю, осознаешь ли ты, — начинаю я, чувствуя себя неловко от того, насколько пристально он наблюдает за мной. Его взгляд прикован к моим губам, отчего их покалывает, и я отодвигаюсь подальше, чувствуя себя глупо. Я слишком остро реагирую. — Но профессор Бейли хочет, чтобы мы работали над нашим проектом вместе. Поскольку я не часто бываю на занятиях и ты, наверное, тоже...

— Да, он мне сказал. — Он делает шаг ко мне, тепло и запах его тела доносятся до меня, вызывая дрожь во всём теле. — Ты не против поработать со мной?

— Нет. — Отрицательно качаю головой. — А ты не против работать со мной?

— Конечно же, нет. — Ещё один шаг. Стоит ему подойти ещё ближе, и мы коснемся друг друга. В аудитории пусто, если не считать профессора Бейли, который на трибуне собирает свои материалы. Очень надеюсь, что он не наблюдает за нами. — Я скучал по тебе.

О. Такого я не ожидала. Совершенно.

— Правда? — словно влюблённая дурочка, спрашиваю я.

Он кивает и делает ещё один крошечный шаг. Я опускаю глаза вниз и понимаю, что мы стоим буквально нос к носу. Что он делает? Моё сердце начинает биться так сильно, что боюсь, как бы он не увидел, как оно стучит под моей толстовкой.

— Будучи вдали от тебя, у меня было время подумать.

— О чём? — спрашиваю хриплым голосом.

— О тебе. Обо мне. О нас. Вместе. — Он дотрагивается до меня, и я закрываю глаза, наслаждаясь ощущением его пальцев, перебирающих мои. Мы дышим одним воздухом, разделяем одно пространство, его тело касается моего, я медленно открываю глаза и вижу, что он смотрит на меня очень-очень внимательно. — Я хочу, чтобы по-прежнему были мы. Да, мы несколько раз неудачно начинали, но думаю, вернее точно знаю, что ты того стоишь.

Я переплетаю пальцы с его и крепко сжимаю.

— Ты правда так думаешь?

— Я чертовски в этом уверен, — он усмехается. — Это всё, на что ты способна, Люс? Задавать кучу вопросов каждый раз, когда я тебе что-то говорю?

Он тянется свободной рукой, чтобы заправить выбившуюся прядь волос мне за ухо, но медлит и проводит пальцами по моей щеке.

— Ты всё ещё думаешь, что я того стою? — тихо спрашивает он. Моя кожа горит от его прикосновения, мысли в голове разбегаются. Понятия не имею, что собираюсь сказать, поэтому выпаливаю первое, что приходит в голову.

— Заткнись и поцелуй меня, пока я не ляпнула что-нибудь действительно безумное, — шепчу я.

— Звучит, как идеальный план, — бормочет он, прежде чем завладеть моим ртом.

Гейб

Я целуюсь с Люси в пустой, как мне казалось, аудитории, как вдруг раздаётся лязг закрывающейся двери, пугая нас обоих так, что мы отпрыгиваем друг от друга, словно подростки, которых застукали целующимися в шкафу. Её щёки пылают, глаза блестят. У неё

такой взгляд, какой бывает, когда она так восхитительно взволнована и одновременно возбуждена, и вот в это мгновение я понимаю, как чертовски сильно скучал по ней.

И как много на самом деле она значит для меня.

— Кажется, это профессор Бейли ушел, — объясняет она дрожащим голосом, оглядываясь по сторонам. — Здесь никого больше нет.

— Тогда он, вероятно, увидел, как хорошо мы будем ладить, работая вместе над нашим проектом. — Я улыбаюсь, и она улыбается в ответ. Но потом моя улыбка исчезает, и её тоже. — Серьёзно, Люс, ты не против? Я имею в виду нас?

— Я так скучала по тебе, — признается она. — Но мне казалось, что ты злишься на меня.

— Я злился. Не стану отрицать. То, что ты сделала... у меня просто не укладывается это в голове.

Она выглядит поражённой моими словами и словно хочет убежать отсюда. Но мне нужно быть честным с ней, а она должна это услышать.

— Я подумал, что ты пытаешься сыграть со мной какую-то шутку, но потом, чем больше я размышлял об этом, тем больше понимал, что ты просто... запуталась.

— Именно это и произошло, — шепчет Люси. — И мне очень жаль, Гейб. Честное слово.

— Знаю, — улыбаюсь, желая успокоить её. — Больше я так не думаю. Мы оба наделали ошибок. Я ужасно переживал, что оставил тебя одну разбираться со всеми этими проблемами. — И до сих пор чувствую себя полным дерьмом из-за этого. На душе тяжело от угрызений совести за свою глупость.

Она машет рукой, как будто это ничего не значит, но я замечаю блеск в её взгляде.

— Это была ложная тревога. Не переживай из-за этого.

— Довольно пугающая, — добавляю я.

— Но ложная, так что ничего страшного.

Я притягиваю её в свои объятия и снова целую, прежде чем она успеет сказать что-то ещё на манер «плюнь и разотри», которую сейчас демонстрирует. «Забудь ты всю эту ерунду». То, через что мы прошли, было похоже на эмоциональный ураган, но, с другой стороны, я рад, что мы оба высказались.

— Это был не пустяк, Люс. Никогда больше не хочу оставлять тебя в таком состоянии, — бормочу ей в губы, прерывая поцелуй.

— Тогда не надо. — Она ещё раз целует меня, затем наклоняет голову, чтобы поцеловать в шею.

О боже. Закрываю глаза, обдумывая свой следующий шаг. Нужно заставить её остановиться. Мне есть, что ещё сказать, но ощущение её губ на коже так чертовски приятно. Я скучал по ней. Безумно скучал по каждой маленькой частичке, и это такое облегчение — снова держать её в своих объятиях, что хочется плакать.

Но раз я типа крутой, то отказываюсь это делать.

— Люси, я люблю тебя, — шепчу я, заставляя её остановиться. Она поднимает голову, и таких широко распахнутых глаз никогда у неё не видел. — Я влюблён в тебя уже давно, но был слишком глуп, чтобы понять это.

— Но, Гейб, твоя семья... — Я качаю головой, но она продолжает: — Разве они не возлагают на тебя определённые надежды? Джейд кое-что разъяснила мне, о чём ты мне никогда не рассказывал.

— Не хотел обременять тебя своими проблемами.

— Если мы действительно собираемся быть вместе, то должны делиться всем. Хорошим и плохим, — говорит она, и я киваю в знак согласия.

Она права. Делиться хорошим и плохим, все это естественно, когда ты с кем-то в отношениях.

— Мне плевать, что думают родители. Позволь мне самому разобраться с ними. Всё, что мне нужно — это ты. Ты — единственная, кто действительно делает меня счастливым. — Сделав паузу, беру обе её руки в свои. — До тебя я просто бродил по жизни, ведя себя, как эгоистичный придурок, вечно находящийся в поиске следующих острых ощущений. А потом я встретил тебя и понял, что ты — единственное, что мне нужно.

Чёрт. В её глазах слёзы. Ненавижу, когда она плачет. Но думаю, вернее надеюсь, что это слёзы счастья.

— О, Гейб.

— Серьёзно, Люс. Я влюблён в тебя. И чуть не умер, когда ты сказала, что всё это время обманывала, а потом почувствовал себя ужасно. Словно... из-за меня ты оказалась втянутой в этот обман. И я ненавидел это. Сначала я, словно придурок, забываю про презерватив, и мы переживаем, что ты забеременела, потом бросаю тебя, заявив, что не готов ко всему этому, так что я просто... чувствую себя самым большим мудаком во Вселенной.

Прежде чем успеваю продолжить, Люси целует меня, проникая языком в мой рот, освобождает руки из моих и обнимает меня за шею. Она целует меня долго и глубоко, пока несколько минут спустя мы оба, наконец, не останавливаемся перевести дыхание и замечаем группу примерно из двадцати человек, стоящих на верхней площадке лестницы и уставившихся на нас.

— Кажется, нам пора идти, — откашливаюсь я, когда Люси высвобождается из моих объятий.

— Следующая пара начнется через десять минут, — сообщает один из парней, всё ещё наблюдая за нами.

Я смеюсь про себя, забираю у Люси рюкзак и вывожу её из класса, держа руку у неё на поясице, а другой рукой открывая тяжёлую дверь:

— Ну, это было просто здорово, — бормочу я, как только мы выходим из здания и идём во двор.

— Они пялились на нас, — шепчет она, заставляя меня по-настоящему рассмеяться. — Как будто никогда раньше не видели, как кто-то целуется.

— А может и нет. — Я приобнимаю её за талию и притягиваю ближе к себе. — Может быть, они понятия не имеют, как выглядит влюбленная пара.

— Ну, теперь знают, — произносит она тем чопорным голоском, который я нахожу невероятно сексуальным.

Дерьмо. И вот я уже твёрд. Это было чертовски давно. Умираю, как хочу, чтобы она оказалась голой и подо мной.

— Давай уберёмся отсюда к чёртовой матери, чтобы я мог уложить тебя в постель, — предлагаю я.

У неё краснеют щёки.

— Гэбриэл.

— Лусиана, — насмехаюсь я в ответ. — Ты же знаешь, что хочешь этого.

Она улыбается, приподнимается на цыпочки и целует меня в щёку.

— Да.

— Я люблю тебя, — признаюсь ей снова, потому что она так ещё и не ответила, а мне нужно услышать эти слова.

Отчаянно.

Она останавливается, и я тоже. Глядя на меня с любовью и обожанием в своих тёмных глазах, Люси тянется к моему лицу и обхватывает мои щёки, нежно касаясь пальцами моей кожи.

— Я тоже тебя люблю. Очень.

От её искреннего признания моё сердце, кажется, увеличивается вдвое. Люси, чёрт возьми, любит меня.

Я самый счастливый человек в мире.

Эпилог

Люси

— О боже, ты очаровательна, — выдыхает Гейб, останавливаясь в дверях и пристально глядя на меня.

Я кручусь, демонстрируя весь свой костюм. Его голодный взгляд встречается с моим, и я с нетерпением жду, когда он подойдёт.

— Тебе нравится?

— Чертовски нравится. — Он входит в комнату, сгребает меня в охапку и целует так, что ощущаю этот поцелуй до самых кончиков пальцев ног.

Это когда-нибудь приестся? Я так не думаю.

— Ты и сам неплохо выглядишь, — бормочу я, отстраняясь от него. Наши тематические костюмы на Хэллоуин были его идеей. Даже не догадывалась, что он был таким заядлым геймером, но он признался, что в возрасте с восьми до десяти лет его самыми любимыми телешоу и видеоиграми были покемоны.

Вот почему он — ЭшКетчум, а я — его сексуальный Пикачу.

Я сделала свой костюм, найдя по чистой случайности в комиссионке желтый леотард и подходящую юбку (Леотард — купальник для художественной гимнастики, примечание переводчика.) Уши и хвост я смастерила из фетра, купленного в магазине товаров для рукоделия, а на щеках просто нарисовала большие красные точки. А Гейбу помогла с синей жилеткой, оторвав рукава от пиджака, который тоже купила в комиссионном магазине. Он одет в чёрную футболку и джинсы, и именно он нашел кепку, как у Эша, и покебол (Покебол — вещь, необходимая любому тренеру покемонов для их поимки и хранения, примечание переводчика.).

— Я бы никогда не смог избавиться от них, — признался он, показывая их мне. — Они у меня с девяти лет. И то, и другое получил на Рождество, лучшее долбаное Рождество в истории, должен сказать. Поэтому попросил Сидни отыскать их в моей старой комнате и отправить мне.

При мысли о юном Гейбе, который так дорожил покемонской атрибутикой, моё сердце переполнилось любовью. Может ли он быть ещё милее? К счастью, кепка всё ещё ему как раз, и с торчащими из-под неё волосами он просто вылитый ЭшКетчум.

— Шеп и Тристан будут бесконечно подкалывать меня, как и все остальные, — бормочет он через несколько минут, когда мы подъезжаем к дому Шепа. Сегодня вечером он

и Джейд устраивают костюмированную вечеринку, и там будет толпа народу, включая его братьев по братству. Я даже не знала, что он в братстве, пока несколько недель назад он сам не рассказал об этом.

Он такой типичный богатый, избалованный студент. Но он мой. И я люблю его так сильно, что порой это причиняет боль.

— Кому какое дело? Они будут завидовать, что не додумались до такого, — уверяю я, вызывая тем самым у него улыбку.

Первый человек, которого мы видим, когда приезжаем, — это Тристан, одетый как сутенёр. В типичный фиолетово-золотой парчовый брючный костюм, который очень часто можно увидеть каждый год на Хэллоуин, наряду с чумовой широкополой шляпой, отделанной фиолетовыми перьями. Он выглядит смешно. Но, как обычно, вокруг него толпятся девушки.

— Ну, естественно, он сутенёр, — качает головой Гейб, заставляя меня рассмеяться.

Одри тоже тут, одетая в откровенный костюм. Наверное, она горничная? Не знаю. Она висит на руке Тристана, хотя я знаю, что ему на самом деле наплевать на неё. По крайней мере, она перестала увиваться за Гейбом. Я смирилась с тем, что она всегда будет рядом, хоть и не рада этому, но, по крайней мере, она держится на расстоянии от моего парня.

Мне действительно очень нравится, что могу называть Гейба своим парнем.

Как только замечая Шепа и Джейд, я чуть не визжу от восторга. Он — Бэтмен, а она — Робин. Они милые, но благодаря чёрным маскам, закрывающих их лица, выглядят круто. Когда Джейд замечает нас, она подбегает и крепко обнимает меня, практически обхватывая мои ноги своими, обтянутыми зелёными колготками.

— Твой костюм такой очаровательный! — восклицает она, употребляя то же слово, что и Гейб, когда впервые увидел меня.

— Спасибо. Я сама его сделала. — Я красуюсь перед ней, немного покрутившись.

— Вполне могу представить себе десятилетнего Гейба в этой шляпе, — произносит она, на что я исправляю её, сказав, что на самом деле Гейбу было девять, когда он получил эту самую шляпу, на что она смеётся.

Почти сразу мы с Гейбом расходимся в разные стороны, но я не возражаю. У меня тут есть друзья. У него полно приятелей, и все хотят частичку его внимания, я понимаю. То, что мне посчастливилось иметь частичку его — много частичек его — до сих пор в голове не укладывается.

Вечеринка в самом разгаре, дом переполнен людьми, я потею, как сумасшедшая. Во мне уже две «Маргариты», когда внезапно появляется Гейб, берёт меня за руку и тянет наружу.

— Я хочу поговорить с тобой.

От серьёзности его тона аж выпрямляюсь. От текилы я подшофе, так что надеюсь, что не выставлю себя идиоткой. О чём, ради всего святого, он хочет сейчас поговорить?

— Что случилось?

— Ничего не случилось. Я только что понял кое-что. — Он хватает меня за голые плечи и смотрит на меня сверху вниз. — Я хочу, чтобы ты жила со мной.

У меня отвисает челюсть. Погодите-ка... что?

— Ты серьёзно?

— Когда ты сказала мне, что Джина собирается перевестись в тот же университет, в котором учится её парень, меня осенило. Ты переживаешь из-за поиска другой соседки по комнате, когда тебе вообще не нужно беспокоиться. Просто переезжай ко мне, — предлагает

он, что звучит очень логично.

Я поражена его предложением и молчу. Мы двигаемся слишком быстро. Разве нет?

— А как же твои родители?

Гейб раздражённо отмахивается.

— Да пошли они. Извини, Люс, но меня уже тошнит отчитываться перед ними. Они могут поцеловать меня в задницу. Это моя жизнь. Больше они не смогут меня контролировать.

Его родители считают, что отношения Гейба со мной — просто такой этап. Я изо всех сил стараюсь не обижаться. Он отказался от попыток объясниться с ними, потому что, как он недавно сказал мне, это всё равно, что разговаривать с кирпичной стеной.

Мне ненавистно, что они не одобряют, но, по крайней мере, Сидни на нашей стороне. И моя мама. Кто бы мог подумать, что она будет так очарована Гейбом при первой же встрече? Конечно, не я, учитывая, что считала её невосприимчивой ко всем мужчинам. Я познакомила его с ней две недели назад, и они поладили. За всё время нашего пребывания у неё она ни разу не упомянула Сатану.

Но из-за переезда к парню она может взбеситься, даже если это её новообретенный любимчик Гейб. Потому что мы двигаемся слишком быстро, я просто знаю это.

— Ты уверен, что хочешь, чтобы я переехала к тебе?

Он кивает.

— Я уверен в этом больше, чем когда-либо прежде. — Он скользит руками вниз по моим рукам, нежно поглаживая их. — Я люблю тебя, детка. И хочу, чтобы ты была со мной. Всегда.

О. Он произносит это так, что я не в силах сопротивляться.

— Хорошо. — Я киваю, в голове уже крутятся мысли, что нужно будет сделать. — Но это случится не раньше зимних каникул. Я должна буду предупредить владельца. И, наверное, мне придется упаковать кое-какие вещи и сдать на хранение? Так как у нас обоих есть мебель...

— Бери с собой все, что хочешь, у меня есть место, — успокаивает он, сжимая мои руки.

— А сколько ты хочешь, чтобы я платила за аренду?

Гейб слегка встряхивает меня, выражение его лица суровое.

— Ты не будешь платить за жильё. Я отказываюсь брать с тебя деньги.

— Но, Гейб...

— Нет, — обрывает он меня. — С тебя хватит борьбы. Этот дом полностью мой. Я не хочу, чтобы ты мне что-то платила. Отложи всё, что можешь, на обучение, ладно? Это гораздо важнее.

Я так крепко обнимаю его, что чуть не сбиваю с ног. Он обнимает меня и прижимает к себе, хихикая мне в ухо.

— Полагаю, это значит «да»?

— Определённо «да»! — Я крепко сжимаю его и закрываю глаза. — Спасибо, — шепчу я ему в шею. — Я люблю тебя.

— И я тебя люблю. — Моё сердце поёт от того, как легко он произносит эти слова. — Держу пари, Шеп назовёт меня подражателем.

Отстраняюсь, чтобы посмотреть на него.

— С чего вдруг?

— Просто он точно так же заставил Джейд переехать к нему и не позволил ей платить за жилье. Она, как и ты, обычная работающая девушка с матерью-одиночкой.

Точно. В этом мы похожи. А еще Джейд устроила меня на полставки в «Зажги мой огонь», магазин свечей, в котором она работает. Этого времени достаточно, чтобы дополнить мой доход за часы, которые я потеряла в «Хижине».

— Похоже, вам с Шепом нравятся работающие девушки, — поддразниваю я его, наклоняясь для очередного поцелуя.

Он поддается, задерживая тёплые губы на моих, прежде чем заговорить:

— Есть такое. Вы обе практичны и держите нас в узде.

— Вам это нужно, — шепчу я.

— А то! — выдыхает он мне в губы, прежде чем снова поцеловать.

Действительно.

Благодарности.

Во-первых, огромное спасибо вам, мой дорогой читатель, за прочтение «Игры вслепую». Надеюсь, вам понравилась история Гейба и Люси. Писать эту серию было очень увлекательно, и я так благодарна всем, кто также читал и наслаждался «Честной игрой». Я до сих пор считаю глупого сексуального Шепа (это отсылка к «Симпсонам» — в одном из эпизодов Гомер называет Неда Фландерса «глупым сексапильным Фландерсом», и это строка, которая была выжжена в моем мозгу, — извините за случайное упоминание) смешным.

Гейб тоже довольно забавный — в лучшем случае, — и я надеюсь, что вам понравилась история его и Люси. Сразу признаюсь, что я замужем за мексиканцем-итальянцем, и мои дети на четверть мексиканцы, поэтому, упоминая о мексиканском происхождении Люси, у меня и в мыслях не было кого-то оскорбить. Они — просто факт моей жизни и...то, что я выяснила за все эти годы.

Я хочу поблагодарить всех читателей, рецензентов и блогеров, которые так хорошо отозвались о «Честной игре» и помогли распространить информацию. Даже цыпочку из Goodreads, создавшую злостную анимационную рецензию, в которой она дала понять, что, несмотря на скучный и избитый сюжет, книга ей все равно понравилась. Я абсолютно не могу заниматься этим делом без вас, так что спасибо, что нашли время написать отзывы, подобрать к цитатам иллюстрации (все красивые веснушчатые рыжеволосые девушки были восхитительны! В мире очень много красивых Джейд), сделать записи в блоге... я ценю это.

Также, друзья, хочу отметить, что, работая над серией «Правил» не пытаюсь изобрести колесо. Я просто пишу что-то веселое и сексуальное, что, надеюсь, заставит вас улыбнуться. Вот моя цель. Я хочу развлечь вас этой серией и хочу развлечь себя, когда буду писать. Эти книги не только для вас, они и для меня тоже. Писать их — чистое удовольствие. Так что надеюсь, что читать их тоже — чистое удовольствие.

Однако, хоть писать их — сплошная радость, это также и работа, поэтому хочу поблагодарить Отэм за то, что не позволяет сойти с курса, Дану за то, что подмечает ошибки, Кэти Эванс за то, что подбадривает меня и Кэти Родригес за всё вместе. Вы моя маленькая команда, и я не могу творить без вас всех!

И большое спасибо моей семье, которая терпит, что я постоянно работаю, даже находясь в отпуске. Да, эту книгу я закончила писать, находясь на семейном отдыхе, но они

понимают. И я так благодарна им, и это уже не шутка.

О. И моим кошкам тоже. А почему бы и нет? Я их обожаю. Так что спасибо Максин, Эдди, Линку, Кирби и Коко. Вы самые лучшие кошечки, которых только может пожелать сумасшедшая кошатница.